

*Доктор готов
принять вас...*

vk.com/kn_books

ИСЦЕЛЕНИЕ

Авторы бестселлеров по версии Нью-Йорк Таймс

ТАБАТА ВАРГО
МЕЛИССА АНДРЕА

Саманта Олдридж. Я пришла к нему в клинику, чтобы он изменил меня. Я хотела стать другой — выглядеть, как любовницы моего мужа, с которыми он проводит ночи, но мне предложили совершенно иное лечение... Я увидела себя с другой стороны, мне захотелось того, чего я не должна была хотеть. И теперь мне все равно, чего я хотела раньше, все мои мысли заняты доктором Романом. Роман Блейк. Я профессионал и знаю границы допустимого, но Саманта Олдридж искушает меня так, как никто и никогда до нее. Мне хочется находиться рядом с ней, я горю от желания прикоснуться к ее телу, но взаимное уважение всегда побеждает. Она пришла ко мне в клинику, чтобы я изменил ее, но вместо этого она изменила меня.

Табата Варго и Мелисса Андреа

Исцеление

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серий

Главы: 30 глав+Эпилог

Переводчик: Александрина Царёва

Редактор: Таня Панайоти

Вычитка и оформление: Натали Иванцова

Обложка: Таня Панайоти

Любовь к себе — это начало романа, длиною в жизнь.
Оскар Уайльд.

Саманта

Больно.

Сердце разбито.

Словно пулю в грудь получила. Я вошла в нашу спальню, и увидела там его с ней. В глубине сердца зародилась боль, а затем произошел взрыв. Все внутри обожгло, и я почувствовала себя так, словно истекаю кровью изнутри.

Уже какое-то время я догадывалась, что Майкл изменяет мне. Я видела колонку светских новостей и слышала разговоры, но увидеть все своими глазами — это совсем другое. В этот раз, правда смотрела прямо мне в лицо и смеялась. Все, что я слышала в течение последних нескольких лет, и во что отказывалась верить, неожиданно возникло прямо передо мной.

Голова девушки свешивалась с края нашей кровати. Рыжеватые волосы рассыпались по недавно настеленному паркету — паркету, на выбор которого у меня ушла неделя. Ее грудь упруго стояла торчком, слегка подпрыгивая в такт ритмичным движениям трахающего ее Майкла.

Она молоденькая, значительно моложе меня, и ее грудь великолепна. Очевидно, что над ней уже поработал скальпель. Посмотрев вниз на свою тридцатиоднолетнюю грудь, я почувствовала себя еще хуже.

Накачанные плечи Майкла напрягались и расслаблялись, пока он работал нижней частью тела. Твердые мышцы его зада сжимались с каждым толчком. Его крепкое и накачанное тело — результат бесчисленных часов в тренажерном зале по утрам. Я никогда не понимала, зачем юристу нужно так работать над собой, как это делал он, но я была более чем довольна результатами, даже несмотря на то, что у меня не было возможности насладиться ими, как, видимо, наслаждалась эта девочка в кровати с ним.

Она провела пальцами сквозь пряди его светлых волос, дернув их за концы и заставив его зарычать, перед тем как вонзила ногти в блестящие от пота мышцы спины. Я видела, как ее пальцы оставляли глубокие царапины.

Пока Майкл продолжал погружаться в ее стройное, натренированное пилатесом тело, словно от этого зависела его жизнь, я чувствовала себя такой же невидимой, какой была последние три года. Ее нога была закинута на его плечо, как будто он не мог войти в нее достаточно глубоко, словно хотел раствориться и исчезнуть в ней. За все девять лет нашего брака он никогда так не занимался любовью со мной. Никогда.

Майкл всегда относился ко мне так, словно я очень хрупкая. Его прикосновения были очень нежными и почти неощутимыми. Толчки неглубокими и неспешными, как будто если он войдет глубже, я распадусь на части. Я была достойна только обычной миссионерской позы, которая давно вышла из моды. Он склонялся надо мной, получал, что хотел, и оставлял меня гореть от неудовлетворенных желаний, гораздо более сильных, чем те, которые я ощущала до того, как мы начинали.

Никогда он не переворачивал меня лицом вниз, не тянул за волосы и не шлепал по заду так, как делал с этой молодой податливой женщиной, которая сейчас с ним. Конечно же, прошел уже почти год с тех пор, как в последний раз он прикасался ко мне. Возможно, стиль

его поведения в постели с тех пор изменился.

Я медленно отступила назад, затолкнув гордость поглубже в себя. Я должна была сердиться. Должна была вскипеть и броситься в атаку — потребовать развода и угрожать забрать половину его миллионов, но я не стала этого делать. Мне было стыдно и, странно, но меня волновало, что эта девушка, с которой он сейчас трахается, может подумать обо мне. Я не хотела, чтобы она видела меня. Как будто, если она увидит меня, то поймет, почему Майкл изменяет своей жене.

Я непривлекательна. Толстая там, где должна быть стройной. Обвисшая кожа там, где она должна быть упругой. Там, где ее тело не двигается — упругое и спортивное — мое трясется. Мои волосы длиннее, чем ее, но если ее волосы блестят и полны силы, то мои тусклые и однотонного желтого цвета. Ее голубые глаза сверкают, а мои карие не более чем грязное пятно на унылом лице. Я не сравниваю. Никогда не сравниваю.

Отступая назад к двери, я, видимо, недостаточно быстро вышла из комнаты. Воздух был густо пропитан их сексом. Их соединяющиеся тела распространяли вокруг меня запахи сладости и пота. Моя спина соприкоснулась со стеной, и рамка с фотографией, на которой запечатлены мы с Майклом в день нашей свадьбы, упала на пол.

Все движения остановились. Бедра Майкла напряглись, а девушка приподняла голову с моей подушки. Я втайне надеялась, что краска стыда зальет лицо Майкла, он встанет на колени, и будет умолять меня о прощении, но случилось совершенно противоположное. Вместо этого, он сделал еще одно движение бедрами, улыбнулся, будто для меня совершенно естественно видеть мужа, занимающегося сексом с другой женщиной, и спросил:

— Присоединишься к нам?

После этих слов меня затошнило.

К нам?

Они не были «нами». Майкл и я — это «мы». Но я стояла молча в своей собственной спальне, окруженная своими вещами, и чувствовала себя, как полнейший аутсайдер.

Полагаю, что, в некоторой степени, это была моя ошибка. Мне следовало позвонить Майклу и предупредить, что вернусь домой из Сиэтла раньше, но я не ожидала, что мой отец умрет так быстро. Обычно, когда онколог дает больному раком человеку от трех до шести месяцев, он не имеет в виду период от трех до шести дней.

Я отрицательно покачала головой, отрываясь от стены и двигаясь ближе к двери.

— Ты уверена? — спросил он, в его глазах сверкали вызов, а на губах играла кривая улыбка. — Может быть, ты, наконец-то, проявишь хоть какие-то эмоции, когда трахнешь женщину.

Девушка под ним облизнула губы, глядя на меня, и рассмеялась. Убирая пряди густых волос с потных щек, она не выказывала никаких угрызений совести из-за сложившейся ситуации. Вместо этого, она прижалась задницей к Майклу, как будто просила большего.

— Нет, — выдавила я из себя. — Нет, спасибо.

А затем я, как последняя трусиха, развернулась и покинула комнату. Я бежала по ступенькам быстрее, чем позволяли каблуки моих туфель, и на последних трех ступеньках споткнулась и упала. Нога подвернулась, и слезы, наконец-то, брызнули из глаз. Я не знаю, что было больнее, безразличное предательство Майкла или боль в щиколотке. Это не имело уже никакого значения. Я медленно встала и, прихрамывая как раненое животное, вышла из дома.

Девять лет.

Именно столько времени своей жизни я отдала Майклу. Мои лучшие годы были проведены в попытках стать той, кем он хотел, чтобы я была. И, тем не менее, я была недостаточно хороша. Честно, я уже и не знаю теперь кто я такая. Я так много времени притворялась той женщиной, которую он хотел видеть, что девушка, которой я когда-то была, исчезла. Пытаясь сделать Майкла счастливым, я вела войну, и вот ее последствия.

Я была так молода, когда встретила его, так наивна и уверена, что Майкл будет любить меня всегда. В день нашей свадьбы он обещал моему отцу, что будет заботиться обо мне и сделает меня счастливой на всю оставшуюся жизнь. Обещание, которое он никогда не собирался выполнять.

А теперь моего отца больше нет, и я совершенно одна на всем белом свете. У меня остался только Майкл, и я почти потеряла его. Неважно, что должна сделать, но я заставлю его захотеть меня снова. Любой ценой.

Саманта

Две недели я тщательно изучала эту тему, и теперь сижу в приемной лучшего в Майами пластического хирурга, рассматривая фото «до» и «после». Доктору удаются воистину волшебные превращения, надеюсь, и я смогу измениться в лучшую сторону.

Приемная пуста. В комнате слышно только журчание искусственного водоема с морскими рыбками. Мой взгляд задержался на тропическом коралловом рифе и экзотической рыбке, которая лениво перемещалась в воде. Вот бы быть рыбкой и беспечно скользить по жизни.

Дверь открылась, отвлекая мое внимание от аквариума. Вошла стройная брюнетка и встала за стойку. Она стояла спиной ко мне — на ней была надета стильная блузка и облегающие брюки, подчеркивающие ее шикарную фигуру.

Именно из-за таких вот девушек я и пришла сюда. Она была идеальна, и я хотела стать такой же совершенной. Я мечтала о стройных бедрах, изящных ножках, о плоском животе и упругой груди. Пробежав пальцами по лицу, я подумала о том, что мой нос мог бы быть значительно меньше, и насколько ярче будут мои глаза после подтяжки лица. Я хотела всего этого.

— Миссис Олдридж, доктор сейчас примет вас, — сказала медсестра, прерывая мои фантазии.

Я взяла свой дорогой клатч, встала и на трясущихся ногах последовала за медсестрой вглубь помещения. Она была моего возраста. Рыжеватый конский хвост подпрыгивал в такт ее шагам, и время от времени можно было увидеть крошечные бриллиантовые сережки у нее в ушах. Под ее симпатичной просторной формой медсестры бирюзового цвета с легкостью угадывались очертания невысокой хрупкой фигурки.

Она открыла дверь и придержала ее, пропуская меня вперед. Смотровая была похожа на любую другую комнату в клинике. Стены нежно-зеленого цвета и запахи стерильной атмосферы, щекочущие нос. На стенах развешаны плакаты с изображениями женских и мужских тел. На цветных картинках красным изображены мышцы, а белым — кости. Пошаговые примеры того, как легко могут быть сделаны изменения, вызвали толпу мурашек на моей коже.

Когда мы зашли в смотровую, медсестра вручила мне белый бумажный халат.

— Разденьтесь до трусиков.

Когда я забирала халат, мои дрожащие пальцы скользнули по ее. Она с сочувствием посмотрела на меня своим лучшим «не волнуйтесь» взглядом и успокаивающе похлопала по руке.

— Не волнуйтесь, дорогая. Доктор Блейк лучший. Он творит чудеса для своих пациентов. Что бы это ни было, я уверена, он обязательно исправит это, — она ободряюще улыбнулась, повернулась и вышла из комнаты, оставив меня одну.

Я так сильно нервничала и чувствовала себя такой виноватой, что меня могло сейчас вывернуть наизнанку. Я сказала не совсем правду о причинах встречи с пластическим хирургом, поскольку изучала информацию о нем последние две недели и знала его правила.

Только реконструктивная пластика.

Я вздрогнула, когда подумала об ужасных историях и образах, которые мне никогда не удастся выбросить из головы. Одна за другой картины ужасных результатов пластических операций промелькнули перед глазами. Я отказываюсь позволить какому-то новоиспеченному докторишке, только окончившему колледж, использовать меня, как свой первый опыт создания Франкенштейна.

Не могу похвастаться кучей друзей, близких или просто знакомых, но я знакома с несколькими женщинами в загородном клубе, который мы с Майклом посещаем. Они с гордостью рассказывали о своих пластических операциях, будто просто нацепили на себя пару вещиц от Маноло Бланика (*Примеч. Маноло Бланик — испанский дизайнер обуви и основатель одноименной компании*). Я видела этих женщин до операции и после нее, и прекрасно понимала, что выглядели они гораздо лучше после.

Для такой стеснительной девушки, как я, понадобилось собрать все свое мужество, чтобы начать разговор с Молли Дуглас, и выразить свой восторг по поводу красивого розового блеска для губ и того, как сказочно он смотрится на ее губах. Большого одобрения и не потребовалось, она подробно рассказала мне о пластическом хирурге, который сделал «небольшую» поправочку ее губам.

Доктор Маркус Стейн — пластический хирург, к которому обращается почти каждая домохозяйка Майами, когда ей необходимо сделать небольшую подтяжку. Я внимательно слушала ее объяснения о полученном опыте в этой области и когда к разговору присоединилась другая женщина, а затем еще одна, я поняла, как же мне не хватало общения с другими людьми.

Через полчаса к нам присоединились еще две женщины, и я посчитала счастливой случайностью и возблагодарила судьбу, когда одна из них представилась как единственная и неповторимая миссис Стейн. Другие женщины хвалили работу ее мужа и хихикали, как школьницы, когда спрашивали, каково это — ощущать на себе такие руки каждую ночь.

Разговор продолжался и когда все выпили немалое количество «Мимозы» (*Примеч. «Мимóза» — алкогольный коктейль, представляющий собой смесь шампанского и свежего апельсинового сока*), разговор коснулся доктора Романа Блейка, партнера доктора Стейна. Не уверена, повлиял ли алкоголь на то, что рассказала миссис Стейн, но она очень охотно отметила, что, хотя ее муж и мастер своего дела, тот самый доктор Блейк еще лучше.

Я внимательно слушала, цепляясь за каждое слово о неизвестном Романа Блейке, затем извинилась и побежала домой искать в интернете информацию о нем. Всю дорогу домой я недоумевала, почему, если доктор Блейк гораздо лучше, они не обратились к нему с просьбой об операции. Может быть, если бы я задержалась еще ненадолго, я бы узнала все и не стала бы возлагать все свои надежды на доктора Романа Блейка.

С трудом сглотнув, я положила клатч сбоку от себя на кресло и начала медленно раздеваться. Халат завязывался сзади, и прохладный воздух обдувал спину и попу. Я аккуратно села на кушетку, покрытую бумажной простыней, и подоткнула халат вокруг себя со всех сторон таким образом, что он полностью скрывал меня. Поерзала попой, пока не нашла удобного положения; я сидела на кушетке, свесив ноги, как ребенок, и ждала прихода доктора.

За дверью я слышала щелчок зажима на планшете для бумаг, затем раздался легкий стук, и дверь медленно открылась. Я задержала дыхание, и комок нервов внутри меня взорвался.

Не знаю, чего я ожидала. Когда я думала о лучшем пластическом хирурге, то рисовала в

своем воображении пожилого мужчину с огромным опытом и знаниями. Человека, который прожил долгую жизнь и у которого были морщины, доказывающие это.

Но в кабинет зашел совсем другой человек. Нет. Этот мужчина был едва ли старше меня, высокий и крупный. Крупный не в том смысле, что съел много бургеров и картошки фри в последние несколько лет, а такой накачанный, что костюм хирурга, который должен был сидеть свободно, облегал его мощные ноги как вторая кожа. Он поправил длинный белый халат и закрыл за собой дверь. Комната будто уменьшилась в десять раз, когда он вошел.

— Как поживаете, миссис Олдридж?

Святые небеса, он еще и англичанин. Мышцы моих бедер сжались от сладкого акцента в каждом произнесенном им слове. У него глубокий и мелодичный голос. Я ощущала, как каждое сказанное им слово находит отклик в тех местах, которые не испытывали никаких ощущений уже более года.

Он приподнял страницу на планшете и просмотрел данные в моей карточке. Рукава его халата были закатаны, и я не могла не заметить, какими крепкими были его предплечья. Твердыми. Накачанными. Идеальными. Длинные пальцы держали черную ручку, которой он делал пометки в моей карточке. Обручального кольца на пальце нет. Обычно я не проверяю такие вещи, но мысленно отметила, что он не женат.

— Я... — мне наконец-то удалось выйти из ступора, но я не знала, как закончить предложение. *Хорошо* — вот что обычно отвечают, но когда я поколебалась с ответом, он оторвал взгляд от записей, которые делал, и посмотрел на меня в ожидании ответа.

Наши взгляды встретились, и цвет его глаз сразу же напомнил мне о рюмке виски. Цвета жженой карамели, они сверкали под флуоресцентными лампами над нами.

Он улыбнулся, и на его щеке появилась милая ямочка. Воздух буквально покинул мои легкие, и я почувствовала, как моим щекам стало так жарко, будто я выпила несколько стаканов виски.

— Я очень нервничаю, — честно сообщила я. Честность когда-нибудь станет причиной моей смерти.

Он рассмеялся и убрал планшет.

— Уверю вас, это совершенно нормально. По правде говоря, я не думаю, что за все время моей практики у меня когда-нибудь был пациент, который бы не нервничал по какому-нибудь поводу. Многим моим пациентам с трудом удается убедить себя, что для них все может измениться.

Я знала, мне следовало сказать ему правду сейчас, но страх оглушил меня, я не могла дышать, не то, что объяснить ему, что я не такая, как его пациенты. Мне очень не хотелось, чтобы он отвернулся от меня. Отказал мне. Я хотела эту операцию больше, чем что-либо в своей жизни.

— Прошу простить меня, — извинился он, отрывая меня от моих внутренних страхов, — я ведь даже не представился. Доктор Блейк, но лучше зовите меня доктор Роман. Доктор Блейк — так называют моего отца, насколько я знаю, — и невинно улыбнулся.

Он протянул мне руку, и лишь спустя несколько секунд я осознала, что он хочет пожать мою. Мне показалось, что к руке привязана двадцатикилограммовая гиря, когда я подняла ее и вложила в его большую теплую ладонь.

— Приятно познакомиться, миссис Олдридж.

А затем, будь проклято мое сердце, он улыбнулся, и на его щеках снова появились

ямочки. Я моментально забыла, зачем пришла сюда, кто я такая и кто он такой. Время замерло на несколько секунд, и в этот момент случилось что-то действительно удивительное. Я возбудилась. Вот как-то так. Без прикосновений и сладкого шепота. Без сексуальных обещаний. Просто улыбка, и я уже не уверена в том, что мне нужна операция. И акцент, ради которого я могла бы переплыть Атлантический океан, лишь бы услышать его рядом с моей кожей.

Пожалуй, это было самое слабое рукопожатие, которое только можно вообразить. Смутившись, я выдернула руку из его ладони и поерзала на кушетке, неожиданно осознавая, что на мне только тонкий бумажный халат и трусики.

— Мне тоже, — хрипло сказала я.

Он сел в офисное кресло напротив меня и, оттолкнувшись ногами, подкатился в кресле ко мне. Я знала, что должно было произойти. Я знала, что сейчас он задаст мне ужасный вопрос. Желание закричать и убежать из комнаты, размахивая руками, было почти непреодолимым.

— Итак, расскажите мне вашу историю, миссис Олдридж. Чем я могу помочь вам? — его глаза на миг опустились к моей карточке. — В вашей карточке говорится, что вы хотели побеседовать со мной с глазу на глаз о вашем состоянии...

Он не закончил предложение, видимо, ожидая, что я сама все объясню, заполнив пробелы.

Я заметила, что на его лице появилось терпеливое выражение, и мне захотелось просто излить ему душу.

Мое состояние... вот мы и пришли к этому. Я знала, что рано или поздно этот вопрос возникнет. Я ожидала этого. Ответ вертелся на кончике языка, но я не могла вымолвить ни слова.

После двух часов интенсивного изучения информации о лучшем пластическом хирурге Майами, специализирующемся на реконструктивной пластике, докторе Романе Блейке, мои мечты потерпели крах. Теперь я знала, почему женщины в клубе не обратились к нему за помощью. *(Примеч. Реконструктивная пластика (она же восстановительная пластика) — вид пластической хирургии, которая направлена на создание и восстановление формы и работы органа или части тела. Необходимость реконструктивной пластической операции объясняется врожденными изменениями, последствиями травм и операций).*

Я читала статью за статьей о докторе Блейке, и мое отчаянье росло, так как все они утверждали одно и то же. Роман Блейк начал свою карьеру как пластический хирург — это его личный выбор, причину которого он всегда держал в секрете. Тем не менее, после одного года частной практики, он неожиданно сменил область деятельности с косметической пластики только на реконструктивную.

О его решении ходили толки и сплетни, но ни единого объяснения от самого Романа Блейка не было получено. С тех пор он отказывал всем пациентам, которые обращались к нему, направляя их к своему партнеру по бизнесу доктору Стейну.

Не знаю, почему решила, что именно я буду той, кто изменит его решение после стольких отказов, но теперь это уже неважно, так как я сижу здесь.

Мне следовало чувствовать немалую толику уверенности в своем решении. Весь прием я убеждала себя, что неважно, сколько это будет стоить или какие условия он выдвинет, оперировать меня будет только доктор Блейк.

Мне хотелось, сидя прямо и высоко держа голову, рассказать ему, что именно я хочу,

даже принимая во внимание, что в данный момент я хочу не новое тело, а почувствовать себя живой в своем.

Но вместо этого я опустила голову, ощущая, как краска смущения заливает щеки, стараясь представить его себе как пожилого мужчину, которого нарисовало мое воображение до того, как я пришла в клинику.

— Я хочу, чтобы вы сделали все, — заявила я деловым тоном. Вероятно, я буду делать вид, что не в курсе.

Он нахмурился и поерзал в кресле.

— Прошу прощения, миссис Олдридж, не думаю, что понимаю вас. Что вы хотите, чтобы я сделал?

Я поежилась под его взглядом.

— Косметическая хирургия.

В нем что-то изменилось, исчезло терпение и деликатность по поводу моего «состояния». Его подбородок затвердел, на шее проступили вены, а взгляд стал ледяным.

— Мне жаль, миссис Олдридж, но я не занимаюсь косметической хирургией. Этим занимается доктор Стейн. Я провожу только реконструктивную пластику, но думаю, что вы знали об этом, и ради встречи со мной притворились, будто у вас особое состояние, которое требует реконструктивной хирургии.

Я покраснела от его обвинений.

— Доктор Блейк, позвольте мне объяснить.

— Извините, — сказал он твердо, прерывая меня, — но вы тратите не только свое время, миссис Олдридж, но также и мое.

— Пожалуйста, — умоляла я, схватив его за руку. Рука под моей ладонью была теплая и твердая. Мышцы напряглись под моими пальцами, перекатываясь по всей руке. — Пожалуйста, позвольте мне объяснить.

— Даю вам пять минут, миссис Олдридж, но хочу сразу предупредить, что не намерен менять свое решение.

Я глубоко вдохнула и постаралась не сделать единственное, что мне хотелось на данный момент. Вырвать прямо перед ним.

— Мне очень жаль, что ввела вас в заблуждение, но я не знала, как поступить. Я знала, что вы не согласитесь встретиться со мной, если я честно и открыто скажу, чего хочу.

Он удивил меня, неожиданно рявкнув:

— Чертовски верно.

— Я знаю, что не такая, как ваши другие пациенты, доктор Роман.

— Настоящие, — отметил он, смутив меня.

— Прошу прощения?

— Мои *настоящие* пациенты. Знаете, люди, у которых настоящие проблемы. Те, кто родился с изъянами или попал в автомобильную аварию, после которой у него остались шрамы, изменившие его навсегда, — объяснил он. — Скажите мне, миссис Олдридж, зачем вы пришли именно ко мне, прекрасно зная, что доктор Стейн будет более чем рад сделать для вас все, что вы пожелаете?

— Я хотела лучшего специалиста.

— Доктор Стейн хорошо справляется со своей работой.

— Но он не самый лучший. Вы лучший, а я хочу лучшего.

Он посмотрел на меня.

— Прошу, не принимайте мое любопытство за что-то большее, чем есть на самом деле, но что конкретно ваше «все» подразумевает, миссис Олдридж? — спросил он меня.

Я не колебалась и ответила честно, давая ему крошечный намек на мою уязвимость:

— Все что угодно, что поможет мне выглядеть красивой.

Еще одно глубокое, темное признание, но в ту же секунду, когда слова сорвались с моих губ, я почувствовала себя идиоткой, но это было правдой. Втайне я надеялась, что, возможно, здесь в приемной распыляют по вентиляционным трубам сыворотку правды, чтобы пациенты раскрыли все как есть на самом деле. Мне хотелось знать, что доктор Роман подумал бы, если бы я сказала ему, что хочу, чтобы с некоторых частей моего тела убрали лишнее, некоторые подтянули и сделали упругими, а у некоторых вообще поменяли форму. Я хочу быть молодой сексуальной богиней, такой, какую мой муж имеет, возможно, как раз в эту минуту.

Когда он не ответил, я решила посмотреть на него. Мои щеки запылали, когда я поняла, что доктор Роман смотрит на меня так, словно у меня неожиданно выросло две головы, и унижение запылало на моих щеках еще ярче. Это должно сработать. Мне необходимо спасти остатки своего брака. Мне некуда идти и не к кому обратиться, но у меня есть деньги Майкла, и если потребуется, я воспользуюсь ими, чтобы спасти нас.

— Я в растерянности, — произнес он. — Вы хотите, чтобы я помог вам стать красивой?

Я знала, это звучало совершенно нелепо, и была уверена, что он посчитал меня чокнутой, помешанной на пластических операциях, или что-то в этом роде. Слишком многие женщины, у которых есть деньги, не могут придумать ничего лучше, чем потратить их на новый нос или несколько имплантатов для щек. Я видела последствия пристрастия к пластической хирургии, но ведь я хотела этого совсем по другой причине. Я хочу выглядеть хорошо, но не чересчур измененной и неестественной.

— Да. Я хочу быть красивой.

Он отошел от меня, его глаза цвета виски по-прежнему были сосредоточены на мне. Опустил руки на бедра, привлекая мое внимание к своим мощным ногам и промежности. Я быстро отвела взгляд.

Затем он сделал две вещи, которых никто не делал с тех пор, как я была на много-много лет моложе. Его глаза медленно проследовали вниз по моему телу, затем обратно вверх, и я покраснела под этим изучающим взглядом. Мне хотелось прикрыться, но, что было довольно-таки странно, я не чувствовала стыда, который всегда испытывала, когда Майкл смотрел на меня. Может быть, так было потому, что в глазах доктора Романа я не увидела отвращения.

— Кто сказал вам, что вы некрасивы?

Его вопрос застал меня врасплох, и я молча присела на кушетку, не зная, что сказать.

— Что?

Он тоже сел обратно в свое кресло.

— Видимо, кто-то заставил вас почувствовать себя так, будто вам нужно изменить свою внешность.

Неожиданно мне стало слишком стыдно признаться, что я делаю это ради мужчины, который, может быть, любит меня, а может быть, и нет, и трахается с каждой двадцатилетней, до которой могут дотянуться его руки.

— Тогда зачем еще вам проходить через все это? Я пытаюсь понять, почему привлекательная от природы женщина хочет за немалые деньги лечь под нож пластического

хирурга, когда, кажется, нет ничего серьезно ужасного в ее внешности, кроме нездорового образа, который она сама себе создала, — он наклонился вперед в своем кресле. — Только если кто-то важный для нее не заставил ее почувствовать или думать по-другому.

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь, но вместо этого захлопнула его и промолчала.

Мои плечи напряглись, когда в памяти вспышками промелькнули все статьи в журналах, рассказывающие, как Майкл каждый месяц спит с новой знаменитостью, что, конечно же, вызвало образ блондинки, которую он трахал на моей стороне кровати.

Также я вспомнила о том, каким безразличным был его взгляд те несколько раз, когда я предприняла попытку сексуально нарядиться для него — то, как его глаза с ужасом скользили по моему телу, когда он понял, что я пытаюсь его возбудить. Именно тогда мои мечты однажды родить нам с Майклом ребенка умерли и больше никогда не возникали.

— Это только... — я приготовилась к объяснению, но струсилась. Что бы ни витало здесь в воздухе, оно уже исчезло, а вместе с ним и мое признание. — Мне это нужно.

Он продолжал смотреть на меня. Не уверена, что он пытался найти, а может, и не пытался, потому что вздохнул и встал. Затаив дыхание, я молилась и надеялась, что мне удалось объяснить ему достаточно, чтобы он изменил решение.

— Мне жаль, миссис Олдридж, но вам *не нужно* ничего из этого. Ребенку с заячьей губой, которому трудно есть, нужна операция. Женщине, чье лицо пострадало в результате аварии и которая по этой причине не может найти работу, нужна операция. Вы же идеально здоровы и прекрасно выглядите и так, — сказал он, и эти слова уничтожили последний кусочек надежды, которую я возлагала на него. — Я знаком с комплексами, а у женщин их особенно много. Я не женоненавистник, — сказал он твердо, — это просто констатация факта. Понимаю, вы думали, что вам необходимо прийти сюда, но надеюсь, вы сможете понять, что вам вовсе не нужно быть здесь.

— Это означает, что вы не поможете мне?

Он довольно долго смотрел на меня и затем снова вздохнул.

— Нет. Мне жаль, но нет.

Хотя я знала, что мой визит к доктору Роману имел мало шансов на успех, я все равно чувствовала себя оглушенной его отказом. Мне следовало предугадать, что он откажет мне. Я никто, я ничего из себя не представляю. Отказ — мой лучший друг.

— Почему?

— Я не занимаюсь косметической пластической хирургией, миссис Олдридж.

— Но вы же занимались.

После этих слов его подбородок напрягся, тень печали и сожаления омрачила его глаза, прежде чем в них зажглась искра раздражения.

— Именно. Занимался. И честно говоря, миссис Олдридж, даже если бы я все еще этим занимался, я бы не стал оперировать вас. Вам не нужна пластика.

Я ощутила волну злости.

— Разве не мне решать, что мне нужно?

— Вам, но я всегда могу отказаться выполнять работу, — он посмотрел на часы на запястье.

— Деньги не проблема, — пробормотала я, бросаясь вперед и почти перегибаясь через стол. — Если вас беспокоит этот вопрос.

Вместо того чтобы заставить остановиться и подумать, это только сильнее разозлило его.

— Что, простите?

— Я заплачу, сколько скажете. Просто назовите цену и я заплачу. Сколько бы это ни стоило.

Когда я услышала, как эти слова сорвались с моих губ и эхом отразились от стен, я неожиданно почувствовала себя такой жалкой; сижу тут и умоляю мужчину, стоящего передо мной, сделать меня красивой. Но уже поздно, и теперь мне придется жить с этим унижением.

Он сделал шаг ко мне, возвышаясь надо мной, его полные ярости глаза сверлили мои. Широкие плечи приподнимались с каждым его глубоким вдохом, из-за чего я чувствовала себя маленькой. Он был огромен.

— Нет такой суммы денег, которую вы могли бы заплатить мне, миссис Олдридж, чтобы я изменил свое решение. Я делаю операции только тем, кто действительно *нуждается* в этом. Я здесь не для того, чтобы радовать вас или любую другую скучающую домохозяйку Майами пластическими операциями, которые ей совершенно не нужны, до тех пор, пока от настоящей женщины, которой она была, ничего не останется. Или даже хуже.

Он не стал объяснять, что имел в виду под этим «хуже».

— Послушайте, мне жаль, что не могу помочь вам, но я больше не занимаюсь этим видом пластики, миссис Олдридж. Пластическая хирургия вовсе не быстрое изменение внешности от скуки, одиночества или в качестве очередного проекта домохозяйки, — он сделал паузу для вдоха. — Само собой, я не могу указывать вам, что делать, но вы, кажется, настроены решительно. Мне претит мысль, что вы можете закончить в руках жадного до денег шарлатана со скальпелем в руке, воображающего себя Богом. Так что, если вы все же планируете сделать операцию несмотря ни на что, то доктор Стейн хороший специалист и будет более чем счастлив встретиться с вами.

Мне следовало бы разозлиться на его ярый отказ, и, может быть, под моей отрешенностью и скрывалась злость, но все, на чем я могла сконцентрироваться, было разочарование, поселившееся в моем сердце.

— Прощу прощения, что впустую потратила ваше время, доктор.

— И вы меня извините, что потратил ваше, миссис Олдридж, — он развернулся, собираясь выйти из комнаты, но остановился. — Я ничего не знаю о вас и не утверждаю, что знаю много всего, но, даже рискуя обидеть вас, хочу сказать, что вам просто нужен кто-то, с кем вы могли бы поговорить.

Посмотрев вверх на него, я пожала плечами.

— Вы правы, доктор *Блейк*. Вы ничего не знаете обо мне. Спасибо, что уделили мне свое время.

Я отвернулась и стала ждать, когда он покинет кабинет. Когда дверь закрылась, мне захотелось свернуться в клубочек и разрыдаться, но я медленно оделась в свою одежду и убралась оттуда поскорее.

Саманта

Я вернулась в пустой дом. У Майкла была какая-то работа в Лос-Анджелесе, и он улетел первым рейсом, даже не попрощавшись. Его не будет почти всю неделю, а я ненавижу оставаться одна в нашем доме, который слишком велик для двоих. Мне страшно и одиноко. Мое воображение как обычно разыграется, и каждый звук превратится в маньяка, желающего убить меня.

Даже не знаю, почему ощущаю себя в безопасности, когда Майкл дома. Вполне возможно, что в случае опасности, он поставит мне подножку, чтобы спастись самому. Большую часть времени я раздумывала, заботила ли я его когда-либо вообще. Порой я была почти уверена, что ему по-прежнему не наплевать на меня. Иначе, почему он до сих пор не потребовал развод?

Иногда, когда он смотрел на меня, я думала о том, что, может быть, он все еще любит меня. Тем не менее, подобное случалось только тогда, когда он выделял время, чтобы посмотреть на меня, если я находилась в одной комнате с ним дольше десяти минут, при условии, что он не спал.

Я наполнила ванну, разделась и забралась в нее. Горячая вода приятно покалывала мою чувствительную кожу. Набрав немного воды в ладони, попыталась смыть с себя позор сегодняшнего дня. Я все еще помню взгляд доктора Романа, когда сообщила ему, чего хочу. Могу себе только представить, о чем он подумал.

Очередная скучающая домохозяйка. Может, и так. Но я не идиотка. Все, что он сказал, имеет смысл, но мне просто хочется вернуть назад свою жизнь. Ту ее часть, которая была у нас с Майклом в самом начале — счастливые улыбки и долгие беседы. Мне хочется прикосновений. Боже, как же сильно мне их хочется. Мое тело зудит даже от одной мысли о них.

После того как вода начала остывать, я надела свою самую удобную и одновременно самую непривлекательную пижаму и собралась лечь спать. С некоторых пор я игнорировала нашу спальню, предпочитая спать в комнате для гостей. Это было целесообразно, с учетом того, что я ощущала себя как гость в своем собственном доме. К тому же Майкл и та девушка сделали мою постель грязной. Простыни давным-давно были постираны, но это уже не имело значения. Образ девушки навсегда поселился в нашей спальне.

Я почти не спала этой ночью, подскакивая на кровати от любого самого незначительного шума, уверенная, что как только закрою глаза, какой-то сумасшедший проберется в дом и убьет меня во сне. И мне не удалось почувствовать себя лучше до тех пор, пока Алма, наша домработница, не пришла рано утром убираться. Я заснула под звуки пылесоса, раздававшиеся снизу.

Майкл вернулся домой два дня спустя. Я поборолла смятение и отправилась к нему в офис повидаться. Он сидел, уткнувшись в какие-то бумаги на столе, волосы закрывали его симпатичное лицо. Кабинет Майкла оформлен в типично мужском стиле. На темно-голубых стенах хвастливо развешаны рамки с дипломами, которые могут убедить каждого, кто приходит к нему, что Майкл способен справиться со своей работой.

Он работает юристом у высокопоставленной клиентуры. В его обязанности входит

решать проблемы богатых и знаменитых, и следить за теми, кто может разрушить их карьеру или репутацию. Впервые мы встретились после автомобильной аварии, в которую я попала. Тогда он был рядовым юристом, оказывающим бесплатные услуги.

Я вспомнила, как он взялся за мое дело и пообещал, что выбьет деньги на оплату счетов в клинике. Он заверил меня, что виновата была не я, смело вошел в зал суда, как тот, с кем считаются, и добился выплаты каждого цента, которых я заслуживала. Неделью спустя он позвонил мне и пригласил на свидание. А все остальное уже история.

Шагнув в кабинет, обставленный кожаными креслами и мебелью из красного дерева, я закрыла за собой дверь. Щелчок закрывшейся двери привлек его внимание. Его взгляд скользнул по моему телу и снова вернулся к бумагам на столе.

— Чем обязан такой чести? — спросил он.

Я расслышала нотки напряжения в его голосе. Он не желает видеть меня здесь, тем не менее, я прошла вглубь кабинета.

Нервно прокашлявшись, подошла ближе к его столу и села.

— Я подумала, может, мы могли бы перекусить.

Ручка замерла, и он прекратил писать. Аккуратно положил ее на стол, покачал головой и снова взглянул на меня. Светлые волосы нависали над зелеными глазами, из-за чего он выглядел еще более привлекательно. Крошечная улыбка появилась на его губах, и я подумала, что может быть ему, в конце концов, понравится эта идея.

— Саманта, солнышко, когда мы с тобой в последний раз обедали вместе? — спросил он.

То, как он произнес мое имя, послало волну мурашек вниз по позвоночнику. Очень много времени прошло с тех пор, как он обращался ко мне, называя полным именем, вместо короткого Сэм.

Я была уверена, что, в конце концов, пойду куда-нибудь с ним.

— Год назад, наверно?

Он кивнул.

— Что-то около того. Позволь мне спросить тебя кое-что еще... Если с тех пор я не выделил время, чтобы пообедать с тобой, то что заставляет тебя думать, что я заинтересован в этом сейчас?

Он говорил ласково, но слова были обидными и грубыми. Я ненавидела, когда он разговаривал со мной так, будто я слишком глупа, чтобы понять, что он хочет мне сказать.

— Я не знаю. Полагаю, я просто подумала...

Он резко прервал меня:

— Именно. Сделай одолжение, Сэм. Не думай больше никогда. Ты только ставишь себя в неловкое положение.

Затем он снова взял ручку и вернулся к работе, как будто меня здесь нет. Боль обожгла сердце, словно кислота.

Я встала и направилась к двери, но он остановил меня.

— Не жди меня к ужину сегодня вечером и вообще не жди рано домой.

— О? — удивилась я, стараясь скрыть боль и агонию в своем голосе. — Ты будешь работать допоздна?

Он нахмурился. Майкл не привык к тому, что я спрашиваю, где он пропадет ночами. Обычно я так не делаю, но, видимо, мне нравится, когда надо мной издеваются. Часть меня хотела узнать, он солжет или выйдет из себя и скажет, что планирует заниматься сексом с

кем-то, помладше меня.

После того как я застала его в нашей постели с другой женщиной и после его реакции на тот факт, что я видела его измену, мне было интересно знать, возможно, теперь он считает, что больше нет причин скрываться или лгать мне. Мне хотелось спросить его, планирует ли он привести в наш дом других женщин, но я слишком труслива для подобных вопросов.

— Вообще-то, нет. Билл Хендрикс сегодня вечером устраивает одну из своих вечеринок, и мы приглашены, — он снова сосредоточился на работе, делая вид, что меня нет.

— Мы?

— Хммм? — пробормотал он. — Ну да, но не волнуйся, — он махнул рукой в мою сторону, — я передам твои обычные извинения.

— Я хочу пойти, — я быстро прошла вперед, сжимая руки перед собой.

Я снова привлекла его внимание, и он посмотрел на меня.

— Ты хочешь? — он с подозрением посмотрел на меня.

Я думала, что доктор Блейк все же согласится сделать мне пластическую операцию. Но он отказался, а я не хочу, чтобы ее делал кто-то другой, кроме него. Поэтому я приступила к плану «Б», мысленно молясь, чтобы он сработал.

— Да. Прошло уже много времени, с тех пор как я была на вечеринке с тобой. Думаю, это будет замечательно, — я пожала плечами, втайне надеясь, что он согласится.

Но он не согласился.

— Ты же там никого не знаешь.

— Вообще-то, я виделась с женой Билла несколько недель назад в загородном клубе. Я познакомилась с несколькими женами там. Они все очень милые и мы...

— Не важно, — прервал меня он. — Если хочешь пойти, прекрасно.

Его согласие означало, что он все еще не успел найти замену мне и был слишком занят, чтобы сделать это. Все знают — Майкл не появляется на вечеринках один только потому, что его жена не хочет идти, особенно после того, что произошло в последний раз.

Он указал на меня пальцем.

— Но не жди, что я буду нянчиться с тобой весь вечер. Там будет много важных людей, и я не хочу, чтобы они подумали, что у меня прилипчивая жена. Это отпугнет клиентов, и они не захотят иметь дел со мной.

Под клиентами он, видимо, подразумевает своих шлюх, а под делами — секс.

— К которому часу мне нужно быть готовой?

— К восьми, и купи себе что-нибудь новое. Ты не была на вечеринках уже какое-то время, если ты забыла.

Его глаза встретились с моими на одну короткую секунду. Я знаю точно, на что он намекает, и я не забыла. Хотелось бы знать, что такого я сделала ему, что он так жесток и так ненавидит меня.

— Увидимся в восемь.

Я вышла и закрыла за собой дверь кабинета, чтобы у него не было шанса уничтожить еще одну частичку меня. Пока шла к машине, я вспомнила ту ночь два года назад, и стыд окрасил мои щеки в красный цвет, а внутри все задрожало. Майкл тогда начал хуже и язвительнее относиться ко мне, а когда были зрители, выносить его было еще сложнее. Я стала мишенью для оттачивания его жестокости, и он никогда не упускал возможности оскорбить или унижить меня перед своими «друзьями».

Унижать меня стало для него своего рода спортом, он черпал в этом силу, тешил свое эго. Возможно, это дарило ему фальшивое ощущение того, что он настоящий мужчина. Я терпела это, позволяя доводить меня до слез, которые проливала в ванной комнате в доме незнакомых мне людей. Позже, когда мы были одни, и я признавалась, что он сделал мне больно, он извинялся и обещал, что это больше не повторится, но я перестала верить.

В итоге я прекратила ходить на вечеринки с ним, и он более чем охотно оставлял меня одну дома. А через несколько месяцев до меня дошли слухи, что Майкл приводит с собой других женщин.

Я не хотела верить этому. Майкл любил меня, я любила его, и он никоим образом не мог предать меня. Я пообещала, что пойду на следующие вечеринки, но Майкл больше не упоминал о них. Как-то раз он оделся и собирался уйти без меня. Когда я предложила быстро собраться и встретиться с ним там, он сказал, что нет нужды беспокоиться. Поцеловав меня в лоб, он ушел. Решив не быть тем типом жены, которая отсиживается в стороне, когда рушится ее брак, я решила все равно отправиться на эту вечеринку.

Я приехала час спустя и поискала взглядом своего мужа в толпе. Я чувствовала свою власть. Я пришла забрать то, что *по праву принадлежит мне*. Хотелось показать Майклу, что мне безразлично, что я все еще люблю его, и это сработает. Но затем я увидела двадцатитрехлетнюю девушку с локонами цвета воронова крыла, трущуюся возле моего мужа, и почувствовала, как мой боевой запал сошел на нет.

А затем шепот, смешки и взгляды сожаления распространились по комнате, будто мы были на спортивном соревновании, и от каждого шла волна совершенно разнообразных реакций. Я была повержена, ощущала, что потерпела фиаско, и не сумела удержать мужа. Когда его глаза встретились с моими, я не увидела в них ни капли раскаяния.

Гораздо проще притворяться, что я не осведомлена об изменах мужа, плакать пока не усну всякий раз, когда Майкл уходит на вечеринку и возвращается домой ранним утром.

Отец учил меня никогда не сдаваться. Несмотря на все, что случилось за последние два года, я по-прежнему люблю Майкла, потому что в моей памяти все еще живет образ того мужчины, каким он когда-то был. Я не знала и не любила никого кроме Майкла, и не собираюсь сдаваться и отказываться от него и того, что было между нами.

Не уверена, как долго смогу вытерпеть в сложившейся ситуации. У меня есть потребности, душевные и физические, которые не удовлетворяются. Я ощущаю себя неполноценной женщиной, которая находится в ожидании того, что Майкл, очевидно, не готов дать. Я такая жалкая, что даже не смогла уговорить пластического хирурга сделать мне операцию.

Вместо того чтобы вернуться домой, я отправилась за покупками, планируя купить что-нибудь, что, как я думала, покажется Майклу сексуальным. Я ненавидела эти его «рабочие» вечеринки. Ненавидела то, как половина гостей смотрели на меня, словно я недостаточно хороша, чтобы присутствовать там, а другая половина просто жалела. Жалость к жене, которая, как они думали, слишком глупа, чтобы знать, что ее собственный муж изменяет ей за ее спиной.

Я прижала платье к телу и представила, как буду выглядеть в нем сегодня вечером. Это платье не относится к тем, в которых я ощущаю себя комфортно, но мне нужно что-то радикально отличающееся от моего обычного образа. Я решила сделать все, чтобы головы присутствующих на вечеринке поворачивались мне вслед. Возможно, одна из них будет принадлежать Майклу. Я улыбалась и была блаженно счастлива в своем маленьком мире,

представляя выражение глаз Майкла, когда он возьмет меня сегодня ночью. Я хотела возбудить его, и была уверена, что платье поможет мне в этом.

Майкл не появлялся вплоть до девяти часов, и я бродила по дому, уверенная, что нарядилась впустую, а он взял с собой одну из своих цыпочек вместо меня.

Надежда вспыхнула во мне, когда я услышала, как открылась дверь, и в коридоре раздались такие знакомые шаги. Я поправила волосы и макияж. Продавщица, которая продала мне короткое черное платье от Веры Вонг, заверила, что оно будто на меня сшито. На мне были туфли из черных ремешков от Джимми Чу, инкрустированные бриллиантами. В этом наряде даже моя попа казалась округлой. Я посмотрела на себя в зеркало и поняла, что готова к выходу.

Поправив платье, я ждала, что он посмотрит на меня, когда зайдет в комнату. Возбуждение и надежда переполняли меня, заставляя учащенно биться пульс. На моих рубиново-красных губах появилась улыбка, я была уверена, что выгляжу шикарно. Я чувствовала себя хорошенькой, я уже очень давно себя так не ощущала.

Наконец, дверь открылась и он вошел. Его взгляд переместился вниз по моему лицу, прошелся по декольте и животу, затем он опустил его на мои бедра и ноги. Надежда расцвела во мне. Он действительно смотрел на меня, исследовал мои изгибы, как будто был заморожен моим видом. Я чувствовала себя всемогущей.

— Что, черт возьми, на тебе надето? — спросил он резко, возвращая свой взгляд обратно к моему лицу.

Мой пузырик счастья лопнул мгновенно. На его лице появилось выражение отвращения, и все во мне заледенело. Наклонившись, я пробежалась пальцами по нижней кромке платья.

— Я купила его специально для тебя. Тебе... разве тебе не нравится?

Мой голос звучал так же слабо, как я себя и ощущала.

— Прекрати заниматься херней и переоденься. Ты же знаешь, что слишком старая для такого платья. Ты пытаешься унижить меня, Сэм? С чего ты вообще решила, что можешь пойти куда-нибудь в таком платье?

Я открыла рот, но не смогла выдать из себя ни звука. В этом не было никакого смысла. Все, чего я добилась, это только усилила его отвращение ко мне.

Махнув рукой в мою сторону, он отдал мне приказ:

— У тебя есть десять минут, чтобы переодеться или я уеду без тебя. И сотри нахрен эту помаду, а то выглядишь, как шлюха.

Он вышел из комнаты, с треском захлопнув за собой дверь и разбив оставшиеся кусочки моего сердца.

Раненая часть меня мечтала свернуться в клубок и потеряться в темноте ночи. Но та часть, которая отчаянно хотела попытаться и спасти остатки вечера, медленно стянула с плеч лямки моего нового черного платья.

Роман

Не знаю, кто включил посещение мероприятий в круг моих обязанностей, но, очевидно, это было частью моей работы. Реконструктивная или даже косметическая хирургия, если уж об этом зашла речь, не имеет ничего общего с этой вечеринкой, кроме того факта, что над большей частью присутствующих один или два раза уже поработал скальпель моего партнера.

Потягивая уже второй напиток, я сидел в баре и размышлял, как мне сбежать с этой ужасной вечеринки. Я целый день работал; провел Тори запланированную операцию, уже четвертую по счету за последние четыре месяца. Мне отчаянно хотелось, чтобы в этот раз все прошло удачно, так как я не уверен, сколько еще сможет выдержать восьмилетняя девочка.

Родители Тори начали терять надежду, и что еще хуже, сама Тори перестала верить в успех. Какая маленькая девочка захочет провести четыре долгих месяца полных боли в стенах больницы или на больничной койке? Мои пациенты — мое слабое место, особенно это относится к моим юным пациентам. Я знаю, что слишком сильно привязываюсь к ним. Но Тори отличается от других, потому что слишком сильно напоминает мне о *ней*.

Я посмотрел на часы, поскольку собирался заехать в больницу по пути домой, чтобы еще раз проверить как у нее дела. Надеюсь, она будет спать и не так сильно ощущать боль.

Держа руки в карманах брюк, я рассматривал гостей. Мой партнер, Ричард Стейн, уверен, что посещение вечеринок, на которых присутствуют богатые и влиятельные люди, увеличит приток клиентов. Судя по присутствующим здесь женщинам, я согласен с тем, что у него не будет никаких проблем с графиком операций на следующие несколько месяцев. Уверен, что у него даже будет достаточно клиентов и работы до конца года.

Мимо прошел официант с подносом, заполненным бокалами с шампанским, и я быстро схватил один. Я не люблю шампанское, но обнаружил, что почти залпом выпил его, пока ждал бармена, чтобы заказать следующий напиток. Меньше всего мне хотелось быть трезвым, когда наткнушь на кого-то, кому до смерти захочется *задать парочку вопросов*. Стейн, несомненно, отличается от меня — он готов выполнить любую операцию, даже если в ней нет необходимости. Деньги решают для него все. Он не всегда был таким, но очень сильно изменился за последние несколько лет, когда его практика стала успешной. Жаркая и влажная погода Майами способствует этому, и, конечно же, желание людей повысить самооценку, выставляя сексуальные тела напоказ на пляже. А Стейну это только на руку. Он хороший человек, но Майами испортил его.

Когда мы открыли «Блейк и Стейн», мы оба стремились к чему-то. У нас была цель. Но сейчас я уже не уверен, что Ричард стремится к чему-то. Не знаю, как долго смогу смотреть сквозь пальцы на то, как он назначает операцию за операцией молодым девушкам, которые решили, что им необходимо быть идеальными. Но они не думают о последствиях.

Я отлично усвоил урок, и не хочу больше оперировать кого-то, кому это не нужно. Все случилось спустя год после начала моей практики в качестве пластического хирурга. Девушку звали Мари Синклер, и ее имя я не забуду никогда. Встреча с Самантой Олдридж, еще одной женщиной, умоляющей о пластической операции, напомнила о прошлом,

всколыхнула эмоции и воспоминания, которые не беспокоили меня уже какое-то время.

Громко кашлянув, чтобы привлечь внимание бармена, я поставил пустой бокал из-под шампанского на стойку и заказал себе нормальную выпивку.

— «Джек Дэниелс», пожалуйста, — сказал я бармену.

Ожидая свой заказ, я обернулся и осмотрел комнату. Музыканты играли медленный джаз, и танцпол был до отказа забит танцующими парочками. Все столики также были заняты болтающими мужчинами и женщинами. Громче всех был Майкл Олдридж, влиятельный адвокат, с которым я имел несчастье встречаться слишком много раз.

Он груб и слишком высокого мнения о себе. Всякий раз, когда я вижу его, с ним новая юная девушка, хотя все население Майами знает, что он женат. Но сегодня вечером он один, и это, вероятно, означает, что на вечеринке присутствует его жена.

Я наблюдал издали, как он громко рассмеялся и хлопнул по спине стоящего рядом с ним мужчину. Залпом осушив свой бокал, он отошел от столика и направился к другому, за которым в одиночестве сидела женщина. Белизна скатерти на столе бросалась в глаза, так как рядом с ней за столиком никого не было.

Она сидела, сгорбившись и опустив голову, и потягивала шампанское из бокала. Было что-то знакомое в ее стройной фигуре, светлых волосах и манере держаться, но мне нужно было увидеть ее лицо, чтобы убедиться. Майкл подошел к ней со спины, положил руки на плечи, вынуждая поднять голову, и на ее лице появилась та же слабая, но храбрая улыбка.

Саманта Олдридж.

Я был так зол из-за ее визита и безумной просьбы сделать ее красивой, что даже не обратил внимания на фамилию. Даже подумать не мог, что она может быть женой такого куса дерьма.

После этой встречи я был сбит с толку, настроение испортилось, к тому же, я совершил нежеланное путешествие в прошлое. Прошлое, в котором была такая же молодая женщина, как Саманта Олдридж, которая просила меня о том же, что и она. Весь оставшийся день я не мог сосредоточиться и пребывал в скверном настроении.

Саманта Олдридж явно не та женщина, которой нужны пластические операции. Еще во время ее первого визита, когда я вошел в смотровую и увидел ее, меня удивило, зачем ей понадобилось назначать встречу со мной, поэтому, когда выяснилась истинная причина ее прихода ко мне, я жутко разозлился.

У нее не очень хорошо получилось объяснить причины, зачем она пришла ко мне, но сейчас... сейчас я все прекрасно понимаю. Ее муж просто ходячий мешок дерьма, а она... красивая. Слишком хороша для такого гребаного мудака, как он.

Ее кремовая кожа сияет в свете люстр, придавая ей божественный вид. Она элегантно вытянула свою длинную шею, когда он что-то прошептал ей на ухо.

Она встала, взялась за его протянутую руку и позволила вывести себя на танцпол. Она выделяется на фоне других женщин, окружающих ее. Простое платье кремового цвета плотно облегает бедра, затем расширяется и свободно струится до самых щиколоток. Все женщины вокруг одеты в черные платья и обвешаны бриллиантами, но на миссис Олдридж всего лишь простое серебряное ожерелье, а шелковые волосы уложены в свободный пучок. Изысканна и, совершенно точно, слишком красива для такого мужчины, как Майкл Олдридж.

Она стоит спиной ко мне, его рука лежит на ее талии, и по моим венам струится какое-то чувство, похожее на зависть к нему. Он, несомненно, мерзавец. В его руках изящная

женщина, которая заслуживает, чтобы с ней обращались соответственно, но он все равно пихает свой член во все дыры, что едва ли законно.

Мелодия закончилась, они остановились, и у меня появилась возможность рассмотреть ее лицо. Я увидел все ту же печальную женщину, которая сидела передо мной и молила меня дать ей что-то, чего у нее, возможно, никогда не будет с таким, как Майкл Олдридж.

Ее красивая кожа бледнее, чем когда я видел ее в последний раз. Уголки пухлых губ опущены вниз, как будто она вот-вот расплачется, а темные глаза закрыты, видимо, сдерживая слезы.

Майкл снова что-то шепнул ей, и я увидел, как ее тело напряглось. Гребаный ублюдок, видимо, сказал ей что-то грубое. Я стал ненавидеть его даже сильнее, чем обычно.

Так же быстро, как вытащил ее на танцпол, он ушел, а она смущенная осталась стоять в одиночестве. Уверенной самодовольной походкой, он направился в сторону бара, ко мне. За ним наблюдали окружающие его женщины, которым было совершенно все равно, что следовало бы держаться подальше от этого засранца.

Он помахал рукой, давая знать, что готов заказать еще одну выпивку, затем повернулся, прислонившись спиной к барной стойке и глядя на танцпол. Я не смог промолчать.

— Ты танцевал с очень милой девушкой, Майкл. Не думаю, что когда-то раньше видел тебя с ней на вечеринках.

Он посмотрел на меня и нахмурился.

— Она моя жена.

Бармен вручил ему напиток, и он быстро сделал большой глоток.

— Счастливчик, — сказал я с улыбкой.

Он фыркнул себе под нос.

— Иногда, но, конечно же, не с этой женщиной. Ты знаешь, как говорится... дешевле иметь эту под боком.

И затем он ушел бродить по залу с самодовольным видом, улыбаясь и заигрывая с любой молодой девушкой, готовой уделить ему немного времени, в то время как его жена сидела за столиком в углу и пыталась сдержать слезы. Что-то изменилось во мне в это мгновение. Может быть, потому, что я увидел в ее глазах нечто, что разбудило воспоминания о моем прошлом.

О прошлом, которое включало в себя мою мать, ее жестокое разочарование и адскую жизнь с моим отцом. Когда я был маленьким, я так много раз видел, как слезы текли по ее красивому лицу, когда мой отец унижал ее. Он был хорошим человеком. Хорошим по отношению к своим пациентам, он очень хорошо относился ко мне и моей сестре вплоть до того дня, который изменил нас всех, но моя мать никогда не была достаточно хороша.

Она умерла, когда мне было двадцать, и как только мы похоронили ее, я решил, что с меня достаточно смертей. Меня тошнило оттого, что отец не одобрял мой выбор профессии. *«Пластическая хирургия, — говорил он, — никому не нужна».* Он считал, что мне нужно получить настоящую профессию. Несомненно, он имел в виду, что я должен быть, как он.

После смерти матери я сел в первый же самолет, направляющийся в Штаты, оставив позади своего отца и все плохие воспоминания. Отец многому научил меня по моей профессии, но также он научил, что леди заслуживает лучшего, а Саманта Олдридж леди до мозга костей. Это заметно по ее тихой печали, великолепной осанке и невинности — мне не удалось это разглядеть в день, когда она приходила ко мне в клинику.

Я опустошил свой бокал и направился к столику, где сидела женщина, которая

попросила моей помощи. Она хотела быть красивой, но не понимала, что и так красива. Ослепительно красива, если быть точным, но благодаря мужу ее самооценка упала.

Юные дамочки вокруг нее щеголяют в нарядах, не скрывающих их декольте и бедра, но Саманта Олдридж другая. Она стройная и изящная, в то же время в ее фигуре присутствуют все округлости, которые должны быть у каждой женщины.

Уже очень давно я не был с женщиной во всех смыслах этого слова. Я много работал, и у меня не было времени на что-то еще. Теперь, просто глядя на Саманту, мои пальцы покалывало от желания утешить ее.

Когда я подошел к ее столику, она все еще сидела, опустив голову и не осознавая, что возле нее кто-то остановился. Когда я кашлянул, она вздрогнула и посмотрела на меня. По глазам стало понятно, что она узнала меня, и краска смущения залила ее щеки.

— Доктор Блейк... — начала она.

— Пожалуйста, зовите меня Роман.

Она с трудом сглотнула и кивнула.

— Хорошо... Роман, — прошептала она. — Не ожидала увидеть тебя на подобной вечеринке.

— Могу то же самое сказать о вас, миссис Олдридж.

— Зови меня Саманта, пожалуйста.

Я кивнул.

— Я несколько раз пересекался с твоим мужем. Прошу прощения, что не сложил два и два во время твоего визита.

Она горько рассмеялась.

— Наверное, ты единственный кто может сказать это.

— Если бы ты упомянула, что он твой...

Она удивилась.

— Что? Ты бы пожалел меня? Изменил свое решение?

— Возможно.

— Это ложь.

«Да, это ложь», — подумал я.

— Счет сравнялся, — улыбнулся я. — Мы можем попробовать начать заново.

Вымученная улыбка появилась на ее шелковистых пухлых губах.

— Мне бы этого хотелось, — она протянула мне руку через весь стол, и лиф ее платья натянулся на груди. — Меня зовут Саманта Олдридж. Приятно познакомиться.

Я сжал протянутую ладонь и решительно потянул на себя. Она изумленно охнула, но изящно встала на ноги. Оперлась другой рукой о стол, чтобы восстановить равновесие, и смущенно посмотрела на меня.

— Роман Блейк, и ты, кстати говоря, изменила мое решение, Саманта. Я хочу помочь тебе.

Саманта

Роман Блейк.

Даже когда я про себя произношу имя этого мужчины, по коже бегут мурашки, а бедра непроизвольно сжимаются. И вот он стоит передо мной; его живые темные глаза пробудили к жизни те части меня, о которых я уже давно забыла, и у него замечательные ямочки. Его слова пролетели сквозь меня и повисли в горячем воздухе вокруг нас, но я не услышала его. Я потерялась в его медовых глазах, и не могла не размышлять над тем, что он видит, когда смотрит на меня.

Затем мой мозг все же сконцентрировался на его словах. От них воздух вокруг нас стал слегка прохладнее.

— Прости? — переспросила я.

— Ты просила меня помочь тебе. Я хочу помочь тебе сейчас, — сказал он, и пока говорил, я видела, как язык двигается у него во рту, и это вынудило меня крепко сжать бедра.

Помочь мне?

Он согласен спасти мой брак. При этой мысли я посмотрела в сторону Майкла, и была удивлена, обнаружив, что он смотрит на Романа и на меня с противоположной стороны комнаты.

— Ты сделаешь операцию? — спросила я осторожно.

Я не отрывала взгляд от Майкла. По его позе я могла сказать, что он готов подойти и разузнать, о чем мы беседуем.

— Нет.

После этого краткого ответа я снова перевела взгляд на Романа и посмотрела в его сексуальные глаза янтарного оттенка, которые, казалось, обжигали мою кожу и смущали меня. Я не понимала свою реакцию на этого мужчину. У меня не было никого кроме Майкла и мне непривычно, что я реагирую на какого-то другого мужчину.

— Я не понимаю.

Он наклонился ближе, его теплое дыхание коснулось моей щеки, и меня опьянил запах алкоголя в его дыхании.

— В клинике, в понедельник, — сказал он.

И прежде чем я успела ответить, он развернулся на пятках и важной походкой удалился. Все женщины в комнате взглядом провожали его статную фигуру, впрочем, как и я, до тех пор, пока он окончательно не ушел. Я смотрела сквозь дымчатое стекло входных дверей, как он вручил талон парковщику и ждал.

— Что это, мать твою, было?

Откуда-то сбоку раздался резкий голос Майкла. Я быстро повернула голову в его сторону и покраснела. Я не знала, что сказать. Не хотела говорить ему правду и унижаться еще больше, но врать я не очень умею. На самом деле, я просто ужасно вру.

— Ничего, — слетело с моих губ, но я знала, что такой ответ его не удовлетворит.

— Ничего? Ну же, Сэм, ты можешь придумать что-то получше. Он флиртует с тобой? — он рассмеялся над своим вопросом, будто такой мужчина, как Роман Блейк, никогда бы не потратил ни минуты своего времени на такую женщину, как я.

Я напряглась и опустила взгляд на однотонную скатерть.

— Конечно же, нет, Майкл.

Он положил свою теплую руку мне на затылок, и тепло его прикосновения прошло сквозь все мое тело аж до пальчиков на ногах. Наклонившись ближе, он мягко поцеловал меня в щеку и я растаяла.

Так долго.

Прошло уже так много времени с тех пор, когда Майкл проявлял ко мне хоть каплю своей любви. Я накрыла ладонью горящую кожу в том месте, где он поцеловал меня, стараясь удержать эти ощущения. А затем он все испортил, когда открыл рот и жарко шепнул мне в ухо:

— Я пошутил. Конечно же, он не мог флиртовать с тобой.

Это было как пощечина. Я резко вздернула подбородок, чтобы увидеть, как несколько женщин смотрят на Майкла и на меня, и поняла, что поцелуй был игрой на публику.

Меня пробрала холодная дрожь, когда Майкл ушел и оставил меня одну на весь остаток вечера. Мне безумно хотелось уйти отсюда и уехать домой, но я больше не чувствую себя дома в том месте, где живу. Честно говоря, никогда не ощущала себя там как дома. Он всегда был слишком большим и слишком холодным.

Дом был там, где жил мой отец, но он умер. Дом — это место, полное любви и смеха, место, которое было мне необходимо, и я знала, пока наблюдала как Майкл флиртует с рыжеволосой девушкой в другом конце комнаты, что уже больше никогда не почувствую себя там дома.

Этой ночью я снова спала в комнате для гостей. Я даже не раздумывала, придет ли Майкл забрать меня в нашу спальню или нет. Он не пришел, и я заснула с болью в сердце, залив слезами подушку. До понедельника еще так далеко.

В понедельник утром я сидела в «Старбаксе» и пила латте, набираясь мужества для встречи с Романом. Я была заинтригована, и в то же время мне все еще было безумно стыдно. У меня даже было предположение, что, возможно, он зовет меня к себе в клинику ради интрижки.

Эта идея крутилась в голове и, пока моя чашка не опустела, я обдумывала, смогла бы я согласиться на его предложение или нет, если бы он предложил. Из «Старбакса» я вышла, уверенная, что пересплю с Романом Блейком, если это то, что он собирается предложить. Я заслуживаю это. Я уже очень давно с Майклом, еще с тех пор, как была юной девушкой. Он единственный мужчина, с которым я когда-либо была, и за последние два года я сильно соскучилась по прикосновениям мужчины.

Не говоря уже о том, что Майкл изменяет мне, трахая всех, кто раздвигает перед ним ноги. Не похоже, что для него это имеет какое-нибудь значение. Может быть, из этого всего ничего не получится. У меня нет друзей, которые могли бы мне рассказать, как надо вести себя в тех кругах общества, в которых мы живем, но, возможно, супружеские пары и должны спать с другими людьми. Возможно, я упускаю что-то великолепное, потому что слишком обеспокоена тем, чтобы Майкл снова полюбил меня.

Через час я уже следовала за симпатичной медсестрой, которую видела еще во время своего первого визита, и она провожала меня по совершенно другому коридору. Мы остановились перед дверью из красного дерева, на которой была блестящая табличка с выгравированным именем доктора Романа Блейка. Медсестра повернула полированную

ручку и вместе с ручкой все внутри меня тоже повернулось.

Она открыла дверь и дыхание, которое я сдерживала до этого момента, пришло в норму, когда я поняла, что в комнате никого нет.

— Доктор Блейк подойдет через минуту, — сказала она, показывая мне, что я могу войти в его кабинет без ее сопровождения. — Располагайтесь.

Закусив губу и ощущая себя, как олень в свете фар, я сделала два шага в кабинет. Услышала, как медсестра за моей спиной сделала какое-то движение, и поняла, что она закрывает дверь.

— Спасибо, — успела крикнуть я до того, как дверь полностью захлопнулась.

Вздвогнув от щелчка закрывшейся двери, я постаралась выровнять дыхание, надеясь успокоить свое учащенное сердцебиение. Я боялась пошевелиться, даже на один миллиметр, так что предложение *располагаться* в одном из больших кожаных кресел напротив массивного деревянного стола даже не обсуждалось.

Застыв в центре кабинета и сжимая свою сумочку обеими руками на уровне живота, я медленно поворачивала голову, осматриваясь. Вдоль одной из стен до самого потолка были книжные полки, там, где не было книг, стояли фотографии доктора Романа и, я полагаю, его семьи.

Диванчик, два кресла и кофейный столик стояли напротив полок, а массивный письменный стол, шкаф для документов и множество дипломов занимали другую часть кабинета. Три огромных окна, без которых помещение было бы темным, освещали кабинет естественным светом и через них открывался захватывающий вид на центр Майами.

Высокие и широкие здания в центре жаркого города бросают тени на тех, кто идет по тротуарам рядом с ними. На заднем фоне видны пальмы, отбрасывающие тень под оранжевым небом. Я ощущала, как жара снаружи проникает сквозь окно и согревает мою прохладную кожу.

Притягательная сила города и его активный ритм влекли меня. Я прислонилась к окну и наблюдала за суетой внизу. Потoki людей вытекали из магазинов и ресторанов, пытаюсь успеть быстренько перекусить или пробежаться по магазинам во время перерыва на ланч.

Я улыбнулась, увидев ресторанчик «Мама Мария», один из моих самых любимых. После переезда в Майами, мы ходили туда почти каждый день в течение целого года. Я влюбилась в это место и не могла насытиться им.

Иногда по вечерам Майкл удивлял меня, принося их еду навынос, даже если мы обедали там. Если ему и надоело это место, он никогда не показывал мне этого и не жаловался, когда я предлагала сходить туда время от времени.

Мне не удалось вспомнить последний раз, когда Майкл радовал меня их едой навынос... или чем-то подобным. Мы были женаты, жили вместе и до недавнего времени спали в одной кровати. Но с таким же успехом я могла быть невидима, так как он больше не замечал меня.

Я была готова вернуться из своих воспоминаний, слишком болезненным было это путешествие в прошлое, когда вдруг увидела молодую пару, выходящую из этого ресторанчика. Они выглядели не старше, чем мы с Майклом, когда приехали сюда. Длинная загорелая рука обхватила хрупкие плечики девушки, когда они остановились на остановке напротив.

Она что-то держала в руках, и мне хватило секунды, чтобы понять, что это. Ресторан «Мама Мария» славился своими шоколадными пончиками. Они в прямом смысле слова

таяли во рту, в ту же секунду, когда касались языка, и рот наполнялся темным густым шоколадом. Но не это было главной причиной, по которой все любили их. Перед тем как есть их, необходимо было открыть упаковку. Внутри каждой была записка. Не такая, как в печеньях с предсказаниями. Эти записки были особые, очень личные. Они дарили надежду и улыбку.

Я наблюдала, как девушка прочитала свою, улыбаясь так же широко, как и я, когда читала каждую свою. Она посмотрела на парня, и он поцеловал ее в кончик носа, перед тем как уткнуться носом в ее щеку. Я сморгнула слезы, которые жгли не только глаза, но и сердце. Чувство зависти охватило меня, но это была добрая зависть. Я была счастлива за них, но мне было жаль себя.

Я тихонько усмехнулась, вытирая слезы, и увидела, как он обвил ее руками. Она обняла его за шею, и он страстно поцеловал ее, перед тем как перегнуть через свою руку. Она безудержно рассмеялась, откинула голову назад и ее длинные темные волосы водопадом упали на тротуар.

Подняв ее, он прошептал ей что-то в шею, она сладко улыбнулась и провела пальцами по его волосам. Мне безумно захотелось сбежать вниз по лестнице и потребовать рассказать мне, что было в записке, но меня, наверное, арестовали бы или я бы сломала ногу, пока спешила вниз.

Они двинулись дальше по улице, и я издала тихий звук разочарования. Их жизнь была настолько лучше моей собственной — их любовь была так очевидна. У меня не было этого. Но, понаблюдав за ними этот короткий отрезок времени, я косвенно прожила его вместе с ними. Мне не хотелось, чтобы они уходили. Я прижала руку к стеклу, поднялась на цыпочки и попыталась проследовать взглядом за удаляющейся парочкой.

Я так увлеклась их открытым проявлением любви, что пришла в себя, только когда ощутила холодное стекло, довольно болезненно ударившись об него лбом. Я подняла руку и потерла место удара.

— Вы в порядке? — шепотом спросил голос из-за моей спины.

Удивленная, я резко обернулась и увидела доктора Романа, стоящего позади меня с удивленным выражением на лице.

— Как долго ты тут стоишь? — спросила его я, все еще пытаюсь растереть то место, где ощущала легкую боль.

— Я собирался задать вам этот же вопрос, миссис Олдридж.

— Не очень долго, — солгала я, отходя от окна.

Он удивленно приподнял брови.

— Что вы там высматривали? — он подошел, встал рядом со мной и посмотрел в окно. Я знала, эта парочка уже давно ушла. — Вы были так увлечены, что даже не услышали, как я вошел.

— Я просто смотрела. Иногда самые обычные с виду люди могут быть полностью очаровательными. Особенно если они не знают, что за ними наблюдают.

— Вы абсолютно правы, — его интонация привлекла мое внимание, я подняла голову и увидела, что он смотрит на меня. Прошло несколько секунд, прежде чем он моргнул и отвел взгляд. — Вы часто смотрите на людей?

— Иногда. Их жизни гораздо интереснее моей.

— Вещи не всегда оказываются такими, какими кажутся.

— Нет, не всегда, но я могу превратить их во что захочу. В моем собственном

маленьком мирке нет несчастных или печальных людей.

Я разглядывала его профиль: как двигается подбородок, как напрягаются мышцы его шеи, когда он глотает. Он повернулся посмотреть на меня снова и наши взгляды встретились.

— Рад, что вы решили прийти, миссис Олдридж.

Его официальное обращение нервировало меня, а я уже и так была взвинчена. Мне хотелось, чтобы спокойный и собранный мужчина с вечеринки вернулся.

— Саманта, — напомнила я. — Честно?

Он рассмеялся и кивнул.

— Желательно.

Вернув ему улыбку, я кашлянула.

— Я не собиралась.

Он слегка склонил голову набок.

— Почему же?

Я пожалала плечами, но решила ответить честно.

— Я не была уверена, чего ожидать, когда войду в эту дверь.

Выражение его лица изменилось, и я поняла, что он не до конца поверил, что это правда.

— Но ты все равно пришла?

Я покраснела, жар прилил к щекам.

— Да, — мой ответ был скорее шепотом. Я знала, какой вопрос он задаст следующим. И больше из любопытства, нежели из смелости быстро выпалила. — Я думала, что ты, наверное... что ты собираешься предложить мне... интрижку с тобой.

Было что-то в Романе Блейке, из-за чего я чувствовала, что могу рассказать ему все, что угодно, и никогда не буду беспокоиться о его реакции. И только что, без слов, я сказала ему две вещи: меня к нему влечет, потому что прошлой ночью я провела немало времени, думая о нем, и еще мне нравится мысль, что его так же или хотя бы вполтину так же влечет ко мне.

Но он никак не отреагировал на мои слова. По крайней мере, я не сумела понять его реакцию. Он засунул руки в карманы своего белого халата и шагнул ко мне. Когда он приблизился, мы стояли, почти касаясь друг друга. Почти, но не совсем.

— Когда у тебя проскользнула эта мысль, ты решила, что будешь делать?

— Не думаю, что хочу быть похожей на Майкла... но в то же время я хочу быть счастливой. Это все очень запутанно.

— Ты считаешь, что интрижка со мной может сделать тебя счастливой, Саманта?

От звука его голоса, произносящего мое имя, толпы мурашек покрыли мою кожу.

— Не знаю. На самом деле мы не знаем друг друга. Ну, то есть я имею в виду, что знак все о тебе... — я несла чепуху и прежде, чем сумела остановиться, слова уже были произнесены. Когда наши взгляды встретились, все, что я увидела в его глазах — это веселье.

— Люблю Гугл, — я рассмеялась и сцепила пальцы. — Самое смешное, что я знаю больше об идеальном незнакомце, чем о себе. Я уже не знаю, что может сделать меня счастливой.

— Ты знаешь только факты обо мне, но не знаешь *меня*, Саманта.

Мое лицо вспыхнуло.

— Прости. Я не имела в виду...

— Я не это хочу сказать, — он мягко улыбнулся. — Я имею в виду, что та информация,

которую ты нашла обо мне, это лишь малая часть меня. В моей биографии гораздо больше фактов, чем ты сможешь найти в интернете. И ты можешь не знать себя, но я твердо уверен, что, переспав со мной, ты вряд ли станешь счастливой. По крайней мере, не после этого. Ты бы почувствовала себя паршиво из-за того, что мы сделали, возможно, из-за меня, но, скорее всего, из-за себя.

Неожиданно отвернувшись, он обошел вокруг стола и сел в кресло.

— Я бы не смог жить с этим, и не хотел бы, чтобы и ты тоже с этим жила, — закончил он свою мысль, передвинул стопку бумаги на край стола и положил руки на гладкую поверхность.

Он кивнул в сторону двух кресел напротив него и подождал пока я сяду. Я положила клатч и постаралась не застонать, когда моя попа коснулась дорогой кожаной поверхности кресла, и туфли, в которых я была целый день, уже не так сильно сдавливали мои стопы и лодыжки.

Я почти не шевелилась, мне было интересно, кто же нарушит молчание первым. Его слова все еще крутились у меня в голове, пока я тратила драгоценное время, поудобнее устраиваясь в кресле.

Он был совершенно прав. Ошибочно было бы переспать с кем-то, кроме моего мужа, и не думаю, что у меня хватило бы мужества совершить такое, ну, только если бы я была влюблена в другого. Но я знала, где-то в глубине души, что все еще люблю Майкла.

Мне очень хотелось, чтобы он первым нарушил молчание и сказал все сам, чтобы мне не пришлось спрашивать, но я не могла оставаться в неведении ни секунды дольше.

— Прошлым вечером ты сказал, что передумал. Ты имел в виду, что сделаешь операцию?

— Я имел в виду, что хочу помочь тебе.

Я нахмурилась.

— Если ты не хочешь оперировать меня, как ты собираешь помочь мне?

— Я не врал, когда сказал, что я очень плохой психотерапевт, но я действительно знаю женщин. Я часто видел очень привлекательных женщин, которые входили в двери кабинета моего коллеги Стейна. И если по медицинским причинам ничто не препятствует проведению операции, там никогда не откажут пациенту. Причина номер один, по которой любая женщина обращается к пластическому хирургу — это неуверенность. Печально, но это касается любой пластической хирургии. Этих женщин, включая тебя, следует научить и, что более важно, показать, что каждая из вас уникальна и красива по-своему. Это знание досталось мне непросто, я усвоил урок и поклялся, что не коснусь скальпелем ни одной женщины, если в этом не будет острой необходимости.

После его слов во мне вспыхнула искорка любопытства, и уже через секунду я ощутила неконтролируемое желание узнать, какой такой урок он имел в виду, и что заставило его отказаться от своей первоначальной практики.

— Так ты хочешь помочь мне вернуть веру в себя? — как бы сладко это ни звучало, я не знала точно, как это может сработать.

— Да. Тебе нужно напомнить, что ты женщина, и заслуживаешь, чтобы с тобой обращались как с таковой.

Я нервно поерзала в кресле.

— Научишь меня?

Он улыбнулся дразнящей и понимающей улыбкой.

— Несмотря на то, что ты подумала о моих намерениях, я не планирую предлагать тебе интрижку. Ни сейчас, ни позже.

Это должно было успокоить мое бешено бьющееся сердце, но я не могла проигнорировать легкое разочарование. Я пыталась сказать себе, что это потому, что я почувствовала себя отвергнутой, но знала, что это не совсем так.

— Отлично, так, как ты планируешь научить меня?

— Я хочу, чтобы следующий месяц ты провела со мной.

Роман

Когда я увидел, как в ее больших карих глазах вспыхнуло удивление, мой длинный день показался чуточку менее скучным. Я никак не могу понять, почему ее муж не делает все, что в его силах, чтобы пробудить ее душу к жизни, а наоборот разрушает ее.

— С тобой все в порядке? — спросил я, после того как целых две минуты никто из нас не произнес ни слова.

Она часто заморгала и опустила голову. Только тогда я понял, что она смеется.

— Прости, я не планировала смеяться, но твое предложение прозвучало ну очень непристойно. Я ждала, что ты предложишь мне миллион долларов, если я вдруг откажусь.

— Если это потребуется, предложу.

Эти слова стерли все веселье с ее лица.

— Ты ведь шутишь, да?

— Насчет того, чтобы ты провела месяц со мной — нет. Насчет остального — да.

Я не шутил, но если ей так легче, я соглашусь с этим.

Она снова нервно поерзала, что делала довольно часто с того момента, как села. Не думаю, что она замечала это за собой, но мне это казалось забавным.

— Ты просишь меня провести с тобой месяц?

Я рассмеялся, и она слегка покраснела.

— Уверяю тебя, я не уговариваю тебя жить со мной, мы просто будем проводить много времени вместе. Такой вариант тебя устроит?

Казалось, внутри нее идет нешуточная борьба, но затем ее лицо прояснилось и окончательное решение затуманило ее темные глаза. Я понял, что затаил дыхание в ожидании ее ответа. Мне не хотелось признавать, насколько сильно я надеялся на положительный ответ.

— Да, — решила она, поднимая голову.

Наши взгляды встретились.

— Да?

Она уверенно кивнула.

— Да. Мне ведь нечего терять, так? Ты все равно отказал мне в операции, — она закончила свое предложение с улыбкой, пытаясь скрасить то другое утро.

Склонившись над столом, я не прерывал зрительного контакта с ней.

— Я предлагаю тебе сделку. Ты проводишь время со мной, и если через месяц все еще не передумаешь делать операцию, — я вздохнул, мысленно молясь той уверенности, что смогу изменить ее решение, — то я прооперирую тебя.

Ее глаза стали печальными. Она посмотрела на меня сквозь темные ресницы, и я поерзал на стуле.

— Почему ты делаешь это для меня, Роман?

Она запнулась на моем имени, но задала вопрос таким уверенным тоном, что я не смог бы солгать ей. Правда причинит боль, но прошлое давно не давало о себе знать.

— Ты напоминаешь мне кое-кого. Кое-кого, кому я должен был помочь... но не помог.

Я заметил, что она не знает, как воспринимать это, но уверен, что ей до смерти хочется

задать кучу вопросов. Затаив дыхание, я надеялся, что она не станет. В конце концов, она позволила мне оставить мои сожаления при себе.

— Итак, когда мы начинаем?

Я улыбнулся, выдвинул ящик стола, вытащил пачку рецептурных бланков и взял ручку. Быстро написал на верхнем листе и оторвал его. Перед тем как вручить его ей, я встал, обошел вокруг стола и присел на его край рядом с ней.

— Скоро, но сначала, ты должна кое-что для себя сделать.

— Для себя? Но зачем?

— Потому что ты заслуживаешь этого, — я улыбнулся и вручил ей бумажку и визитку.
— Запомни, это предписания врача.

Саманта

«Сиренити», спа-салон.

Я держу в руке матовую черную визитку, на которой синим цветом напечатаны два слова, и сравниваю ее с вывеской на здании. Совершенно не то, что я ожидала увидеть, и я благодарна за это.

Если речь идет о Майами, то можно либо стать успешным, либо уехать отсюда, поэтому думая о спа-салонах, обычно рисуешь в воображении высокие многоуровневые здания, бассейны размером с маленькую страну, мраморные полы и стены из натурального камня. Но спа-салон «Сиренити» совершенно непохож на «Чаки Чиз», это скромное заведение и, кажется, оно действительно навевает умиротворение.

Хотя лечение Роман выбрал нетрадиционное, я не собираюсь жаловаться по поводу *предписаний врача*.

Войдя в здание, я сделала глубокий вдох, и сладковатый аромат жасмина и лаванды сразу же успокоил мои нервы. Здесь внутри приятно и прохладно по сравнению с удушающей жарой Майами. В приемной звучит мелодия — смесь фортепиано и звуков дикой природы — воссоздавая невероятно реалистичную атмосферу уединенного оазиса в самом центре знойной пустыни.

Стена позади массивной стойки из вишневого дерева облицована угольно-черным камнем. Звуки воды, стекающей по камням, делают атмосферу в комнате еще более успокаивающей. Стена, от пола до потолка выполненная из камня, и водяной экран превратились в самый чудесный водопад, который я когда-либо видела в помещении. Проходы с обеих стороны стены ведут в служебные помещения.

Из динамиков, расположенных возле потолка, раздалось хлопанье крыльев внезапно сорвавшейся в полет птицы, и я резко дернулась, пытаюсь увернуться. В этот же момент из-за водяного экрана появилась миниатюрная женщина и подошла к столу. Она улыбнулась мне, сдерживая смех.

— Не волнуйтесь, это у нас с каждым бывает.

Посмотрев по сторонам, она приложила палец к губам, наклонилась поближе ко мне и прошептала:

— Мне кажется, что они сделали это специально, чтобы охранники не заскучали.

Мы обе рассмеялись. Она излучала такую беззаботность, что мое смущение растаяло без следа.

— Вы новенькая, — констатировала она.

— Да. Как вы догадались?

Я что выгляжу такой напряженной?

— Большинство наших клиентов постоянные, так что мы быстро узнаем новичков. Мы любим новеньких. На какое время вам назначено, мисс?..

Она вытащила планшет со списком имен, заполняющим целую страницу.

Я прикусила нижнюю губу изнутри и скривилась.

— Миссис Олдридж, и простите. Боюсь, я не записывалась заранее.

— Миссис Олдридж, — сказала она с узнаванием, и ее лицо приняло такое выражение, будто она должна была узнать меня, как только я вошла в дверь. — Конечно же. Мы ждали вас.

— Ждали? — я растерянно посмотрела на нее и она рассмеялась.

— Да. Мистер Блейк предупредил нас, чтобы мы ждали вас. Следуйте за мной. Мисс Колетт хотела бы встретиться с вами для начала. Она любит встречать всех, кого присылает к нам доктор Блейк.

Она произнесла это «присылает к нам» таким тоном, что я посчитала, что у нее сложилось неправильное представление.

— Ох, нет, я не... не то, чтобы между Романом, ой я имею в виду доктором Блейком и мной что-то было. Мы... — я поискала подходящее слово, — просто друзья.

Она неожиданно остановилась и повернулась ко мне.

— О, Господи. Миссис Олдридж, простите меня. Я не собиралась намекать вам на что-либо.

Все спокойствие, хладнокровие и собранность администратора исчезли, ее лицо покраснело от смущения, а перепуганные глаза метались между дверью напротив нас и мной, молча принося свои извинения.

— Мари? — раздался из-за двери приглушенный голос. — Это ты? Какого черта ты пытаешься общаться со мной через закрытую дверь? — затем наступила тишина, а через мгновение дверь распахнулась. — И почему я пытаюсь общаться через дверь?

На пороге стояла пожилая женщина, одетая в модный шелковый брючный костюм с кружевной отделкой. Ее седые волосы были уложены в элегантный пучок на макушке. Наши взгляды встретились, и она запахнула кашемировую кофту на груди.

— Вы, должно быть, миссис Олдридж.

— Да, мисс Колетт, это она.

Глядя на красивую пожилую женщину, стоящую передо мной, мне захотелось отречься от своей фамилии по мужу, развернуться и убежать. Неожиданно я поняла, почему Мари так испугалась, что я могу сказать что-нибудь.

Я протянула руку.

— Да, но, пожалуйста, зовите меня...

— Саманта, — сказала она голосом лишенным каких-либо эмоций. — Красивое имя, конечно же.

Я с трудом сглотнула.

— Да, — жар прилил к моему лицу. — И спасибо.

Если она сейчас прогонит меня, мне не в чем будет упрекнуть ее.

— Мне немного неловко оттого, что здесь, видимо, все знают кто я, а я не знаю... я имею в виду, что Роман, доктор Блейк, не упоминал... никого. Никого особенного, — добавила я быстро.

Мне показалось, что она изучает меня. Какой-то части меня хотелось схватить Мари за плечи, и использовать ее как щит... но затем мисс Колетт сделала нечто совершенно неожиданное. Она улыбнулась, и я наблюдала, как меняется выражение ее лица.

— Да, мой внук довольно непостоянный молодой человек. Но он знает меру.

Я нахмурилась, недоумеваю, а затем первая часть сказанного ею дошла до моего сознания.

— Вы и Роман... Простите. Он не предупредил меня, что вы состоите в родстве. Честно

говоря, он практически ничего не рассказал мне про это место.

— Это меня совершенно не удивляет, — сказала Мари. — Мистер Блейк и мисс Колетт очень скромны, когда речь идет об их достижениях. Мисс Колетт владелица этого заведения.

— Чушь, — мягко упрекнула ее мисс Колетт. — Меня воспитывали, что неприлично обсуждать такие вещи на публике.

Она махнула мне рукой, призывая следовать за ней.

— Пойдемте, пойдемте. Спасибо, Мари.

Я чуть не упала, пытаясь успеть привлечь внимание Мари до того, как она удалится обратно в приемную.

— Спасибо, Мари! — крикнула я ей вслед. Она повернулась ко мне, и ободряюще улыбнулась.

На ее лице отразилось облегчение.

— Было приятно познакомиться, миссис Олдридж.

— Мне тоже.

Мне хотелось, не произнося ни звука, одними губами спросить, уместно ли мне следовать за Колетт, но Мари отвернулась раньше, чем я успела сделать это. Я шагнула в кабинет мисс Колетт и окунулась в очень женственную атмосферу. В комнате преобладали спокойные цвета и большое количество рюшечек, отделяя его от умиротворенности по ту сторону двери.

— Мари милая девочка, но часто говорит не подумав. Она не имела в виду ничего дурного, — мисс Колетт села за свой стол.

Мне вдруг показалось, что у мисс Колетт везде есть глаза и уши, и я заволновалась за Мари.

— Она и правда кажется очень милой, и благодаря ей я смогла почувствовать себя как дома. У вас очень симпатичный кабинет, кстати говоря. Да и все здесь очаровательное. Вы проделали замечательную работу по дизайну помещений.

— Спасибо. Так расскажите же мне, где вы познакомились с моим внуком. Вы не выглядите, как одна из пациенток Стейна.

Я заметила, как она сморщила нос, при упоминании имени партнера Романа или его выбора профессии. Покраснев, я представила, что бы она почувствовала, если бы знала, что я практически умоляла Романа сделать со мной все то, от чего она воротит нос.

— Вы правы, я не одна из пациенток доктора Стейна.

— Хорошо, — она откинулась на спинку кресла. — Он был бы полным глупцом, если бы попытался внести изменения в такое лицо и тело, как ваше.

Отлично сыграно, Роман Блейк. Подослать свою бабушку с комплиментами и запугиваниями. Просто отлично.

— Спасибо, мадам.

Она махнула морщинистой рукой перед своим лицом.

— Пожалуйста, зовите меня Колетт.

Я улыбнулась.

— Ваш акцент не...

— Британский? Я не британка. Я родилась здесь, в Майами. Мать Романа, моя дочь, встретила мужчину, которого посчитала достойным, и вышла за него замуж во время своего отпуска в Оксфорде.

По ее тону я поняла, что отец Романа вовсе не был тем, кого Колетт бы выбрала в мужа.

своей дочери.

— Звучит романтично.

Она хмыкнула.

— Элизабет сказала то же самое, — со вздохом объяснила она.

— Полагаете, это банально?

— Честно говоря, да. Она была слишком молода, чтобы бросить все ради парня, но она сделала это. Но благодаря своему выбору она подарила мне Романа и Рейчел, так что я никогда не злилась на нее за это.

— У Романа есть сестра? Она и их родители все еще живут в Лондоне?

Она с любопытством прищурила глаза.

— Вы и правда не очень давно знакомы с Романом, не так ли?

С моих губ сорвался нервный смешок.

— Правда, но я счастлива, что встретила его.

— Знаете, возможно, вы как раз то, что нужно моему упрямому внуку.

Я покраснела.

— Ох, нет, все совсем не так. Я...

— Замужем? Это я уже слышала. Роман сказал, что вы не встречаетесь, но я хорошо знаю своего внука, — и вместо того, чтобы уточнить, что именно она имела в виду, она пристально смотрела на меня несколько секунд.

— Ну что ж, — глубоко вздохнув, она встала, опираясь на крышку стола. — Не буду больше задерживать вас, дорогая. Вы пришли в мой салон вовсе не для того, чтобы вести долгие беседы со старой женщиной.

— Не говорите глупостей. Мне очень понравилось беседовать с вами. Может быть, мы смогли бы пообедать как-нибудь вместе?

Она улыбнулась.

— С удовольствием. Когда вы зашли в мой кабинет, мне показалось, что вы никогда не расслабитесь, и я боялась, что сделаю только хуже.

Мы вместе подошли к выходу из ее кабинета, затем она опередила меня на пару шагов и открыла дверь.

— Клянусь вам, что вы тут ни при чем.

— Ладно. В любом случае мой персонал постарается сделать все, чтобы вы почувствовали себя заново родившейся. Маркус очень хорошо позаботится о вас.

Выяснилось, что Колетт не преувеличивала. Через двадцать минут я лежала на столе, раскинув руки и ноги, прикрытая одним только полотенцем, а Маркус и правда отлично позаботился обо мне.

Первые двадцать минут массажа я провела, пытаюсь прикрыть те части тела, которых стеснялась, но когда его умелые руки сняли напряжение, сковывающее мои мышцы, мне стало все равно, что он увидит или подумает.

Мне сделали глубокую чистку лица, а маска с растительными компонентами и очищенными маслами оживила кожу, за которой уже много месяцев никто не ухаживал. Благодаря маникюру и педикюру мои руки и ноги выглядели идеально для любой вечеринки. После быстрого и вкусного ланча, я была готова к походу к парикмахеру. Четыре часа меня холили и лелеяли — я сделала новую ультрамодную стрижку, потом легкое мелирование. Теперь я была почти готова к тому, чтобы сдержать обещание и пообедать с Колетт. Я не чувствовала себя совершенно другой женщиной, но знала, что это стало началом, и я иду в

правильном направлении.

Саманта

Припарковавшись возле ресторана «Джорджина», я выключила двигатель и с удовольствием вдохнула аромат итальянской еды. Это не «Мама Мария», но этот ресторан лучший после них, а я проголодалась.

Я взяла рецепт, который выписал мне Роман, и взглянула на второй пункт его предписаний. Там, довольно разборчиво докторскими каракулями было написано *обед с другом*.

Обед с другом — звучит здорово. Единственная проблема заключается в том, что у меня нет друзей. Мне хотелось получить удовольствие, но я знала, что если приглашу кого-нибудь из жен, посещающих загородный клуб, я буду слишком сильно нервничать и мечтать сбежать, как только это закончится.

Решив провести день наедине с собой, я забронировала столик и выделила время, чтобы одеться, уложить волосы и нанести макияж перед выходом. Мне очень нравилась моя новая стильная прическа, а Джина — косметолог из спа-салона «Сиренити» — открыла мне несколько секретов правильного макияжа. Я не пыталась произвести впечатление на кого-то, ну, только если на себя. Мне хотелось забыть все, что происходит у меня дома, все предписания Романа, и просто уделить некоторое время себе.

— Столик на одного, для Олдридж, — сказала я девушке, администратору в ресторане, когда вышла на открытую террасу.

Она кивнула и улыбнулась, затем схватила меню.

— Сюда, пожалуйста, — сказала она, готовая проводить меня внутрь, но быстро оглядевшись, я остановила ее.

— Как думаете, могла бы я сесть на террасе? Сегодня прекрасный день.

Она улыбнулась и кивнула.

— Конечно же.

— Спасибо.

Я следовала за ней, пока мы лавировали между столиками, стоящими на террасе. Она остановилась возле столика для двоих рядом с небольшим садиком.

— Этот столик вам подойдет?

Я вдохнула сладковатый запах разноцветных цветов и сняла пиджак.

— Да, отлично, — сказала я присаживаясь.

— Чудесно. Ваш официант сейчас подойдет к вам.

— Спасибо, — я улыбнулась ей, когда она вручила мне меню.

Я привыкла ходить в «Старбакс» одна, но никогда не ходила одна обедать. Мне было неуютно, и именно поэтому я решила сесть снаружи, где в мою сторону будет направлено меньше любопытных взглядов, интересующихся, почему я недостойна чьей-либо компании.

С трудом сглотнув, я почувствовала, как на меня обрушился ливень взглядов, но проигнорировала их и стала просматривать меню.

Вместо того чтобы решить, что буду есть, я сидела там, размышляя, с каких пор обед в одиночестве стал чем-то запретным в глазах тех, у кого за столиком была компания. Почему я не могу насладиться обедом в одиночестве без осуждения с чьей-либо стороны?

Потерявшись в своем маленьком мире, я едва слышала, как кто-то, стоящий рядом со мной, зовет меня по имени.

— Саманта? — раздался надо мной голос Романа, отчего у меня по коже побежали мурашки.

Я посмотрела вверх и увидела его и еще двух мужчин, стоящих по другую сторону железной перегородки, которая разделяла места на веранде. Он был одет в черные брюки и однотонную футболку, и я едва узнала его без белого халата и щетины.

Он возвышался надо мной, его губы изогнулись в улыбке, которую я не смогла бы описать, но все внутри меня сжалось, и я списала такую реакцию на нервы. Я поняла, что просто сижу там, пока на меня внимательно смотрят три пары глаз, ожидая, что я скажу или сделаю что-то.

— Роман, — в итоге промямлила я. — Какой приятный сюрприз, — улыбнулась я ему.

— Как дела? — спросил он, как будто мы не виделись несколько лет, а не несколько дней.

— Отлично. Вот, следую рекомендациям врача, — указала я на столик.

Его взгляд переместился к пустому стулу напротив, затем он перевел взгляд обратно на меня.

— Ты одна? — спросил он.

Я кивнула, с трудом сглотнув.

— Да.

Знаю, что лицо залила краска, пока я пыталась сосредоточиться только на Романи, который, казалось, забыл, что пришел сюда не один. Двое других мужчин уставились на меня, будто я только что прилетела на летающей тарелке с другой планеты. Словно впервые вспомнив, что он не один, Роман повернулся к двум мужчинам.

— Прошу прощения. Рик, Джерри, это Саманта Олдридж. Саманта, это мои коллеги.

— Очень приятно познакомиться с вами обоими.

— Олдридж? Вы в родстве с Майклом Олдриджем? — спросил мужчина, которого звали Рик.

Он был самым низеньким из трех мужчин, и, видимо, самым молодым из них.

Я улыбнулась, и за этой улыбкой скрывалась гордость. Я всегда ощущала ее, когда кто-нибудь узнавал Майкла и его достижения, гордилась всей той тяжелой работой, которую он проделал, чтобы достичь того места, где он сейчас находился. Я гордилась тем, что я его жена, та, кто была рядом с ним все эти годы и та, кто все еще рядом. Но сейчас, вместе с этим чувством также появилось унижение оттого, что они знали все, чему я была свидетелем.

— Да. Он мой муж.

— Он хороший человек и чертовски прилежный работник, — мужчина постарше, Джерри, улыбнулся мне. Он, видимо, не знал историю моего мужа, поэтому в его улыбке не было жалости. — Я всегда говорю, что за каждым трудягой стоит чертовски хорошая женщина.

Уверена, что еще никогда в жизни не улыбалась так широко, как сейчас. Джерри не понял, сколько усилий мне понадобилось приложить, чтобы не вскочить и не расцеловать его за эти слова или то, как сильно и отчаянно я нуждалась услышать их.

— Я обязательно передам ему ваши слова.

Они все рассмеялись, хотя мне показалось, что Роман сделал это не совсем искренне.

— Почему бы вам, джентльмены, не пойти внутрь и не заказать столик? Я скоро присоединюсь к вам, — сказал Роман коллегам.

Когда администратор повела их внутрь, и они исчезли из вида, Роман повернулся ко мне. Я покраснела, когда он бегло осмотрел меня сверху донизу.

— Мне нравится твой новый образ, — его взгляд прошелся по моему подбородку и медленно спустился по шее и груди, а затем наши взгляды снова встретились.

— Спасибо. Мне это было необходимо. Когда я пошла заплатить за день, проведенный в спа-салоне, счет уже был оплачен. Пожалуйста, позволь мне...

— Нет, — ответил он строго. Я прикусила губу, так сильно мне хотелось запротестовать, но то, как он произнес одно это слово, вынудило меня подумать дважды, прежде чем спорить с ним. — Так, значит, дамы в салоне хорошо позаботились о тебе? — спросил он, меняя тему.

— Нуу, на самом деле, это были руки Маркуса, но да, все там хорошо заботились обо мне.

— Ахх, да, Маркус. Я забыл, что он все еще работает там.

Знаю, глупо с моей стороны было надеяться, что мне послышалась нотка ревности в его голосе, но я позволила себе насладиться этим ощущением, хотя и знала, что это было не так.

— Ты, кажется, забыл упомянуть, что твоя бабушка владелица этого спа-салона.

— Виноват. Она ведь не мучила тебя неуместными вопросами? Она забывает, что не стоит лезть в чужие дела, когда речь заходит о моей личной жизни или отсутствии таковой.

— Она была очень мила. По правде говоря, мы планируем пообедать вместе.

Он застонал.

— Ты даже не представляешь, во что втянула себя.

Я рассмеялась.

— Честное слово, она была великолепна.

— Звучит так, будто между вами завязывается дружба.

Я кивнула.

— Очень на это надеюсь.

— И если память мне не изменяет, разве не предполагалось, что какой-нибудь друг будет присутствовать здесь? — он махнул рукой, указывая на другую сторону столика, и, приподняв брови, со значением посмотрел на меня.

— Да, думаю, предполагалось, но в этом-то и проблема.

Не спрашивая, может ли присоединится ко мне, он зашел за ограждение и скользнул на стул напротив меня.

— И что же это за проблема? — легкая улыбка появилась на его полных губах.

Я глубоко вздохнула.

— Ладно, на самом деле у меня нет друзей. Как бы печально это ни звучало, я честна с тобой.

Его улыбка сразу же исчезла, брови сошлись на переносице, а в глазах появилось печальное выражение.

— Все в порядке, — сказала я с фальшивой улыбкой и еще более фальшивым выражением лица. Я уронила руки на колени, но слегка выпрямилась, не желая принимать его жалость. — Поверь мне, я гораздо сильнее наслаждаюсь временем наедине с собой, чем если бы здесь была какая-нибудь заносчивая дамочка, с которой я имела несчастье повстречаться, — с искренней улыбкой я посмотрела на него, и солнце согрело мне лицо

своими лучами.

Грусть растворилась и ее сменила еще одна сладкая улыбка.

— С этим я могу согласиться.

Мы оба рассмеялись. Протянув руку за меня, я кончиками пальцев ухватила за уголок обтянутой в кожу книги.

Сколько бы я ни убеждала себя, что хотела пообедать одна, я не могла отрицать, что наслаждалась компанией Романа. С ним легко беседовать, и он, наверное, первый настоящий друг за очень долгое время. Он симпатичный, да, и, хотя я смущалась при мысли об интрижке с ним, я говорила себе, что нуждаюсь в нем больше как в друге, чем в какой-либо другой роли.

Я люблю своего мужа, и спокойствие объятий Романа на одну ночь ничего не изменит. К тому же нечестно так обойтись с Романом, после всего того, что он сделал для меня.

— Не хочу задерживать тебя, — в конце концов сказала я. — У тебя тут есть друзья, к которым ты должен вернуться, — я не планировала, чтобы это звучало так печально.

— Джерри, видимо, также друг твоего мужа.

— Майкл умеет быть очаровательным, когда хочет. У него мало недоброжелателей.

Странное выражение промелькнуло на его лице, он сжал губы и нахмурился. Казалось, он собирался сказать что-то, но не стал.

— Не будешь против, если я присоединюсь к тебе? — неожиданно спросил он, достав телефон и двигая пальцем по экрану.

Его вопрос застал меня врасплох, и мне понадобилась минута, чтобы заставить себя ответить.

— Но твои друзья...

— Я только что написал Джерри, — объяснил он, показывая мне экран телефона. Затем он улыбнулся, положил его на стол и откинулся на спинку стула. — Кажется, ты застряла тут со мной.

Не так я себе это представляла, но я знала, что он дразнит меня. Я улыбнулась ему в ответ и наклонилась вперед.

— Я ведь могла подумать о чем-нибудь неправильном.

Его взгляд быстро прошелся по моему лицу, после чего он отвел глаза в сторону. Всякий раз, как он смотрел на меня, я чувствовала, словно он видит кого-то, кого не существует — женщину, которой есть что предложить. Я чувствовала, что он видит женщину, которой я хотела стать, и мне это нравилось.

Раскрыв наши меню, мы сделали выбор. Когда я оценила множество возможностей, открывающихся передо мной, то почувствовала себя счастливой. Для меня все вокруг изменилось. Я чувствовала себя лучше и выглядела лучше. Роман уже так много сделал для меня, а мы еще только начали.

— Саманта? — раздался голос Романа с другой стороны стола, и по моим рукам побежали мурашки.

Когда я подняла взгляд, Роман все еще смотрел в меню, заставляя меня размышлять, действительно ли я слышала, как он позвал меня по имени. Затем наши взгляды встретились.

— Я, — он сказал просто одно слово. Его голос звучал глухо и серьезно, так, будто он делал важное сообщение. — У тебя есть я. Как друг.

Роман

На следующий день, когда Саманта пришла ко мне в кабинет, она выглядела совершенно иначе. Дело было не в новой прическе, или в том, как свет отражался от ее светлых прядей, или легком макияже, который она нанесла, а в том, как она вела себя.

Плечи не так сильно напряжены. Осанка стала прямее — она высоко держала голову и вся сияла. Ее улыбка могла посоперничать с лучами солнца, проникающими в окно моего кабинета; я снова понял, что внимательно смотрю на нее и заморожен тем, насколько она красива. Казалось, Саманта начала осознавать свою красоту и та расцветает прямо на моих глазах.

Я быстро начал копаться в документах на столе и кашлянул. Делал все что мог, чтобы не смотреть на нее.

— У меня не было возможности спросить тебя вчера во время обеда, понравилось ли тебе в спа-салоне? — спросил я. Затем я вспомнил весь наш разговор про спа-салон и почувствовал, что краснею, а со мной такое случается крайней редко.

Она хихикнула, и ее смех бальзамом пролился на мое смущение и неудачный в целом день. Напряжение, вызванное большим количеством пациентов, начало отпускать, и я впервые за весь день нормально задыхался. Вместо того чтобы подтвердить, что мы уже обсуждали спа, она ответила на мой вопрос.

— Очень даже. Я даже не подозревала, насколько сильно мне необходимо было расслабиться. Спасибо.

Мы оба улыбнулись. Я почувствовал себя глупо, когда понял, как широко улыбаюсь.

— Всегда пожалуйста.

Если раньше я думал, что она красива, то сейчас, с улыбкой на лице, она восхитительна. Ее глаза сверкают, когда она смотрит на меня, и в какую-то долю секунды у меня сбилось дыхание.

Я отвернулся и сел за стол.

— Так мы переходим к этапу номер три? — спросил я.

Она снова захихикала.

— Подожди. Теперь это этапы? — она провела рукой по длинным волосам, словно знала, что это привлекает мое внимание. Именно тогда я заметил, что ее ногти покрыты нежно-розовым лаком. В моем мозгу незамедлительно появился образ этих розовых ноготков на моей коже, но я отогнал его. — Что это, проект «Саманта»? — спросила она.

Красивое имя для сногшибательной женщины. Я наслаждался тем, что мы обращаемся друг к другу по имени. Благодаря этому, личное общение с ней было менее напряженным. Проникнуть человеку в душу и узнать, чем же он живет — очень личное дело.

— Нет. Совершенно точно это не проект «Саманта», — я не удержался и усмехнулся. — Скажем, это просто другой метод исцеления. Метод, который, возможно, поможет лучше, чем все то, что я делаю своим скальпелем.

— Тогда ладно. Будем продолжать *исцеление*, — поддразнила она.

Мне нравится эта ее черта — игривая черта — в такие моменты она не выглядит так, словно через секунду расплечется. Я уже вижу перед собой другого человека, а мы еще

только начали. К тому времени, когда мы закончим, Майкл Олдридж будет плясать под ее дудку.

— Хорошо. Давай пойдём кое-куда. Я хочу тебя кое с кем познакомить.

В ее глазах отразилось замешательство, но она взяла свой клатч и последовала за мной, когда я встал и направился к двери. Я открыл дверь и сделал шаг в сторону, пропуская ее вперед. Я мужчина, потому опустил взгляд и наблюдал, как она идет по коридору передо мной до тех пор, пока во мне не проснулся профессионал, и я не заставил себя отвести взгляд в сторону.

Жаркий воздух Майами опалил лицо, когда мы вышли из дверей здания. Прищурившись от солнечных лучей, я надел очки и нажал на кнопку разблокировки на ключах. Мигнули фары, и раздался тихий гудок моей машины, припаркованной сбоку от здания клиники.

— Твоя? — спросила она.

— Моя, — ответил я, открывая для нее дверь с пассажирской стороны.

Она улыбнулась мне так, словно нечто столь невинное, как открытие дверцы машины для нее, никогда ранее с ней не случалось. Ненависть к Майклу Олдриджу снова подняла свою уродливую голову.

Когда я удобно расположился на водительском месте и завел двигатель, она пристегнула ремень и повернулась ко мне. Ее глаза сверкали в предвкушении, и она выглядела гораздо моложе своих тридцати лет. Она практически подпрыгивала от нетерпения на своем сиденье.

— Куда мы едем? — спросила она.

Довольный, я выехал со стоянки.

— Очень скоро узнаешь.

По дороге она беспокожно крутилась на своем сиденье, надув губы, потому что я отказался сообщить, куда мы направляемся.

Когда мы подъехали к клинике Святого Винсента — детскому госпиталю, в котором я проводил немало времени — Саманта посмотрела на меня в замешательстве.

— Никаких вопросов. Просто прими это, как факт, — напомнил я ей.

Она улыбнулась и кивнула, показывая, что понимает. Я видел, как ее глаза загорелись в возбуждении, и был счастлив, что привез ее сюда.

Припарковавшись на своем месте, я выключил двигатель и поставил машину на ручной тормоз.

— Никогда не умела водить машину с механическим управлением, — сообщила она, пока наблюдала, как я паркуюсь.

— Может быть, тебе стоит добавить это в свой список самых важных в жизни дел, — ответил я.

Она улыбнулась.

— Никогда не планировала составлять список подобных желаний, — она повернулась, чтобы посмотреть на меня. — У тебя есть такой?

— Да. И тебе стоит начать составлять свой.

— Может быть, я попробую, — согласилась она перед тем, как выйти из машины и закрыть за собой дверцу.

Нежный аромат ее духов донесся до меня, и я сделал глубокий вдох, прежде чем выйти из машины.

Она шла в нескольких шагах позади меня, следуя за мной к лифтам. Мне совершенно не

нравилось то, что она считает необходимым идти позади меня, а не рядом со мной. Знаю, что многие другие мужчины просто бы не заметили этой детали. Совершенно точно, Майкл не замечал, но я заметил. Нужно научить ее ходить рядом со мной, а не позади меня. Надеюсь, она поедет домой и будет вести себя так же и с Майклом. Если она будет считать себя равной ему, то со временем и он тоже начнет видеть в ней равную себе.

Я пошел медленнее, мы поравнялись и шли рядом друг с другом. Она заметила, и, поколебавшись, посмотрела на меня и вопросительно приподняла бровь.

— Тебе неловко, что тебя видят рядом со мной? — поддразнил ее я.

Она нахмурилась.

— Что?

— Ты идешь позади меня, будто не хочешь, чтобы кто-нибудь подумал, что мы вместе.

Несмотря на всю серьезность моего вопроса, я задал его с улыбкой на губах.

Она рассмеялась.

— Конечно же, нет. Я просто медленно хожу. Майкл всегда напоминает мне про мою медлительную походку, — она издала звук, напоминающий хихиканье. — Но когда я иду быстро, он пытается понять, куда я спешу. Боже, — она покачала головой.

В ее глазах плясали чертенята, когда она улыбнулась, но мне пришлось не по душе, что она охарактеризовала бесчувственность Майкла, как черту, присущую каждому человеку.

Я взял ее за руку — ее мягкая кожа была такой теплой под моей ладонью. Мы двигались вместе, шагая в одном темпе, по одной дороге — равные друг другу.

— Ты идешь не слишком медленно или слишком быстро, Саманта, и ты заслуживаешь находиться рядом с тем, с кем ты вместе. Не позволяй им оставлять тебя позади.

Мы подошли к дверям лифта. Я нажал кнопку вызова вверх, и она горела, пока мы ждали, чтобы двери лифта открылись. Саманта тихо стояла возле меня, наши плечи на мгновение соприкоснулись, и я почувствовал, какая она теплая. Я наблюдал за ее отражением в стальных дверях лифта, пока они не открылись, разъединяя наши отражения.

Мы вошли в пустую кабину лифта, и я быстро нажал кнопку, прежде чем кто-нибудь смог бы присоединиться к нам. Я знал, что Саманта не закончила наш разговор, и хотел дать ей возможность сказать то, что она считала необходимым.

Двери закрывались, наверное, целую вечность, но они все же закрылись раньше, чем кто-либо присоединился к нам. Я с удовлетворением вздохнул и ждал, когда Саманта что-то скажет.

— Мне постоянно кажется, что я ставлю Майкла в неловкое положение, потому что не веду себя так, как другие жены. Майкл никогда не был нежным, но раньше он всегда держал меня за руку и ждал меня. Со временем он прекратил. Полагаю, я теперь недостаточно хороша.

Лифт приехал на нужный этаж, и хотел я того или нет, но двери открылись. Я прошел сквозь них, придерживая их, чтобы они не закрылись, и посмотрел Саманте в лицо.

— Не все мужчины такие, Саманта. Я не такой. Я хочу, чтобы ты была рядом со мной, а не позади меня. Я всегда буду ждать тебя, понимаешь?

Ее губы медленно растянулись в улыбке.

— Ладно.

Улыбаясь, я отошел в сторону, она прошла вперед и ждала меня, чтобы идти рядом со мной к сестринскому посту. Мы были на седьмом этаже больницы, в ожоговом отделении.

Как всегда на посту было четыре медсестры, и все они были очень заняты. Я знаком с

большинством из них, и все они сутками работают, стараясь позаботиться о детях. Медсестры — их надежда, их сила, смех и, что более важно, хранители шоколадного пудинга и мороженого.

Я улыбнулся своей любимой медсестре Линде, наклонился над стойкой и подмигнул ей.

— Доктор Блейк, рада вас видеть сегодня. Дети тоже будут счастливы видеть вас, — сказала она, вытащила три карточки и передала их мне.

— Эти чувства полностью взаимны, — ответил я, просматривая карточки и изучая информацию, которую дежурные медсестры записали в них.

— Тори, наверное, уже раз тридцать спросила меня, придете ли вы сегодня. Ей не терпится, чтобы вы встретились с новеньким, — Линда со значением посмотрела на меня.

— Как его зовут?

Она рассмеялась.

— Дэвид. Дэвид Рейнольдс, — затем выражение ее лица стало печальным. — После вчерашнего вечера я рада, что она познакомилась с Дэвидом. Бедной девочке нужен хороший день.

— Спасибо, Линда. Я рад, что именно вы были с ней прошлым вечером.

Наклонившись поближе к ней, я оглянулся, чтобы убедиться, что поблизости нет никого, кто услышит меня и прошептал:

— Вы ведь знаете, что вы моя самая любимая медсестра?

Я улыбнулся, когда жаркий румянец окрасил щеки пожилой женщины. Взяв несколько карточек со стойки, она притворилась, что занята с ними.

— Уверена, вы говорите то же самое всем медсестрам, доктор Роман.

Услышав, как Саманта рассмеялась рядом со мной, я тоже не смог удержаться от улыбки и повернулся лицом к ней.

— Ты на ее стороне? — поддразнил я.

Она подняла руки в воздух.

— Я просто сторонний наблюдатель, просто заглянула.

— Угу. Линда, это Саманта Олдридж. Саманта, это Линда. Моя любимая медсестра.

Обе, Линда и Саманта рассмеялись, пожимая друг другу руки. Они начали о чем-то говорить, пока я просматривал карточку Тори.

Судя по всему, у Тори была плохая ночь и ей потребовалась дополнительная доза обезболивающих. Мне было больно читать эту часть заключения.

Я чувствовал, что Саманта рассматривает мой профиль, пока я тщательно изучал карточки. Когда я повернулся к ней и поймал ее разглядывающей меня, ярко-розовый румянец появился на ее щеках. Мне нравится, что, несмотря на то, что она замужняя женщина, она все еще достаточно невинна, чтобы краснеть. Это очень привлекательная черта.

— Спасибо, Линда, — сказал я, когда в беседе женщин возникла пауза. — Не говорите им, что я здесь. Хочу сделать сюрприз.

Повернувшись к Саманте, я сказал:

— Пойдем. Хочу познакомить тебя с несколькими замечательными людьми, — и направился по коридору к палате Тори.

Ее каблучки мягко стучали по ковровому покрытию, я чувствовал нежный аромат ее духов возле моей щеки. Ощущал жар ее тела рядом со своим. Она была так близко. Мне нравилось это.

Я резко остановился перед дверью палаты Тори. Саманта не обратила внимания и врезалась в меня, тем самым возбуждая и воспаляя меня.

— Ты в порядке? — спросил я.

Робко заправив прядь волос за ухо, она улыбнулась мне и кивнула. Мне тоже хотелось прикоснуться к ее волосам так же, как она только что. Пробежаться пальцами по ее мягким светлым прядям, а затем поднести их к носу и понюхать локоны. Ее шампунь пах восхитительно. Мне удалось сделать несколько вдохов, когда она поправляла длинные пряди рядом со мной. Это было похоже на афродизиак.

Снова мне пришлось взять себя в руки и начать думать о другом.

Когда я вошел в палату, личико Тори радостно засветилось, и я тоже широко улыбнулся. Маленькая девочка стала особенной для меня. Просто навещая ее, я уже доволен. Особенно это касается тех дней, когда она улыбается.

— Доктор Роман, — выкрикнула она со своей больничной койки.

Ее лицо заживало неплохо. Ожоги были все еще заметны, но новая кожа, которую я трансплантировал, приживалась хорошо. Ей еще будут нужны операции, но, тем не менее, даже несмотря на то, что большая часть ее лица все еще покрыта ожогами, она самая красивая маленькая девочка.

— Тори! — выкрикнул я в ответ, мой голос звучал так же радостно, как и ее. — Как ты себя чувствуешь сегодня, дорогая? — спросил я, протягивая руку, чтобы взъерошить мягкие волосы, которые отросли после пожара.

— Я в порядке, — ответила она. А затем ее личико вытянулось, разбивая мне сердце, и я почувствовал, как желудок рухнул вниз.

— Расскажи мне. Что случилось? — спросил я.

— Он никогда не приходит.

Под «он» она имела в виду своего отца, которому неожиданно стало сложно приходить и навещать свою дочь. Ее мать проводила в больнице целые дни, но отца я видел только один или два раза.

— Уверен, что он просто очень занят, Тори, — высказал я свою точку зрения, и в моем голосе зазвучала печаль.

Я полез в карман, вытащил новую ракушку и положил ее на кровать. Ее опущенные вниз глаза засветились, и она улыбнулась мне.

— Вы принесли мне еще одну. Большое спасибо, доктор Роман.

Она медленно встала с кровати и пошла к столу, где лежали все раковины, которые я ей принес. В самом начале Тори рассказала мне, что она хочет быть красивой, как русалка. Я сказал ей, что она уже сейчас красивее русалки, и с тех пор приносил новые ракушки каждый раз, когда навещал ее.

На пляжах Майами я искал в песке целые ракушки, достаточно хорошие для такой маленькой милой девочки. Я испортил две пары дорогих туфель, пока искал, но она достойна каждого потраченного цента.

По пути обратно к койке, ее глаза остановились на Саманте, которая стояла в дверях. Я увидел, как вся ее уверенность улетучилась, и она опустила голову, словно стараясь скрыть свои шрамы от ожогов.

— Как грубо с моей стороны. Тори, это мой очень хороший друг Саманта, — жестом я пригласил Саманту войти в палату. — Саманта, знакомься, Русалка Тори, также известна как одна из моих любимых пациенток.

Глазки Тори загорелись от моих слов, и она забралась обратно на койку.

Неожиданно я заволновался, что переоценил Саманту. Что если она такая же низкая, как и люди, к чьему кругу принадлежит? Что если она бросит один взгляд на Тори и ее ожоги, и отвращение отразится на ее лице? Не уверен, что смогу посмотреть когда-либо еще на нее снова, и уж тем более помогать ей, если она не отнесется к Тори как минимум с добротой, которую девочка заслуживает.

Саманта вошла в комнату, ее глаза блестели, словно она была готова расплакаться, а затем она улыбнулась.

— Привет, Русалка Тори. Следует ли понимать, что твои плавники и хвост появляются, только когда ты в океане? — спросила она игриво.

Тори громко захихикала, она снова была восьмилетней девочкой, каковой, по сути, и являлась, и что-то внутри меня изменилось. Я отошел в сторону и наблюдал, как Саманта, сидя в кресле рядом с ее кроватью, играет и смеется вместе с ней. Ни разу ее глаза не подвели ее. Ни разу я не увидел, чтобы она слишком долго смотрела на кожу Тори. Казалось, она вообще не замечает шрамов и ожогов, и я начал ценить ее еще сильнее.

Когда пришло время уходить, она наклонилась и обняла Тори. Ее губы изогнула улыбка, когда она склонилась еще ниже и шепнула что-то Тори на ушко, отчего маленькая девочка еще больше оживилась.

— Было приятно познакомиться с тобой, Тори. Постарайся не доставлять доктору неприятностей, когда меня не будет поблизости, — она повернулась и ухмыльнулась мне.

Я улыбнулся, снова потрепал Тори по волосам и пообещал заглянуть к ней в ближайшее время.

Мы посетили еще двух моих пациентов. Шестилетнего Логана с химическими ожогами живота. Он жертва ужаснейшего случая насилия над ребенком. И Бейли, у которой в результате пожара пострадала половина лица, и она частично потеряла зрение. Она тоже, вполне возможно, самая умная десятилетняя девочка, которую мне когда-либо посчастливилось повстречать.

Во время всех этих встреч, Саманта была мила с каждым ребенком. Она разговаривала с ними так, словно они не находились в ожоговом отделении, а были обычными веселыми детьми. Кокетливо взмахнула ресницами Логану, когда он назвал ее милой, и даже преподала Бейли небольшой урок макияжа с розовыми тенями, которые нашлись у девочки в палате и с которыми она играла.

Она потрясающая. Поняв насколько потрясающая, я был шокирован. Я помогу ей, чего бы мне это ни стоило. Я помогу ей, даже зная, что мужчина, ради которого она делает все это, бесполезный мудака, недостойный целовать пальчики на ее ногах.

Когда мы вышли из больницы, я открыл для нее дверь машины, она расположилась на сиденье и улыбнулась мне. У нее была заразительная улыбка, и после того, как я видел ее с детьми, мне очень хотелось обнять ее.

После того как я пристегнул ремень безопасности и завел двигатель, она повернулась ко мне и привлекла мое внимание. Я готов платить деньги, чтобы каждый день видеть такой восторг в ее глазах.

Я покачал головой.

— Ты другая, знаешь это?

— Другая? — улыбка пропала, и она в замешательстве нахмурила брови.

— Самое забавное, что ты не осознаешь, насколько ты чудесная, Саманта Олдридж.

Двигатель тихо работал, и ее глаза изучали мое лицо, проверяя, не шучу ли я. Убедившись, что я говорил серьезно, она протянула руку и игриво потрепала меня по руке, улыбнулась, а затем отвернулась и пристегнула ремень безопасности.

Поправила волосы и снова повернулась ко мне.

— Что дальше, док? — спросила она с воодушевлением.

Я ухмыльнулся про себя, вливаясь в поток транспорта.

— Рад, что ты спросила. У тебя когда-нибудь был питомец? — задал я вопрос.

Саманта

Я никогда не видела ничего прекраснее, чем то, как Роман общался с детьми в больнице. Даже с ожогами более пятидесяти процентов тела, они все еще способны улыбаться и счастливо играть. Я чувствовала себя подавленной — гораздо хуже, чем просто подавленной, если честно.

Всего несколько дней тому назад я практически умоляла Романа изменить мое идеальное прекрасное лицо, в то время как есть красивые маленькие девочки и мальчики, которые никогда не будут выглядеть так, как прежде. Встреча с маленькими пациентами Романа, ради которой он взял меня в больницу, рассказала мне кое-что обо мне самой, чего я раньше никогда не знала. Я эгоистка.

Сидя в тишине рядом с ним, я думала обо всем, что хотела изменить в себе. Я чувствовала себя глупой и наивной. В этот момент я решила, что независимо от того, что случится в результате «исцеления», придуманного Романом, я откажусь от пластической операции. Мне она не нужна. Детям в больнице — да. Я начала понимать Романа и причины, по которым он предпочитает реконструктивную пластику косметической.

— Пенни за твои мысли, — предложил Роман со своего водительского сиденья.

— Спасибо, что свозил меня туда, — поблагодарила я.

Мне не нужно было объяснять, за что я благодарю его. Он посмотрел на меня и кивнул, показывая, что понимает.

— Спасибо тебе, — тоже поблагодарил меня он.

— За что? Я ничего не сделала.

— Ты сделала больше, чем можешь себе представить. Ты разговаривала с ними. Ты играла с ними, и ни разу я не увидел в твоих глазах отвращения. Ты ни секунды их не разглядывала. Им это очень нужно.

Его слова смутили меня. Как кто-то может испытывать отвращение к детям?

— Они же просто дети, и ни в ком из них нет ничего отвратительного.

И тогда Роман удивил меня, потянувшись и взяв меня за руку. Когда он слегка сжал мою руку своей большой ладонью, меня охватило чувство эйфории. Тепло его руки поднялось по запястью и всей руке стало горячо, а затем все мое тело вспыхнуло. Я никогда не ощущала ничего подобного от такого простого жеста, как пожатие руки.

Почти сразу он отпустил мою руку и снова сосредоточился на дороге. Он остался совершенно невозмутимым после прикосновения, но я чувствовала себя так, будто распадаюсь на части. Это сбивало с толку, но я списала эти ощущения на то, что уже долгое время ко мне никто не прикасался.

Когда мы проехали несколько улиц, я начала узнавать город. Размер зданий изменился, а тротуары были полны людей, спешащих по своим ежедневным делам. Наконец, он припарковался напротив здания и начал отстегивать ремень безопасности. Посмотрев на вывеску, я улыбнулась.

— Городской приют для животных? — смущенно спросила я.

С какой стати он привез меня в приют для животных? Он еще и животным помогает?

Губы Романа изогнулись в широкой улыбке.

— Следуй за мной.

Там стояли длинные ряды клеток с животными, которые ждали, что их кто-нибудь возьмет к себе. Когда я засунула палец в одну из клеток, крошечный черный котенок забавно замахнулся на него лапой. Я заворковала над ним, уверенная, что никогда раньше не видела ничего более милого. Роман стоял рядом и наблюдал за мной, словно я была одним из экспонатов выставки. Он стоял, сцепив руки за спиной, пока я переходила от клетки к клетке, восхищаясь животными. Он молчал, но меня успокаивало само его присутствие. За последние несколько часов я поняла, что Роман сумел заставить меня почувствовать себя женственной и обожаемой. Даже такой мелочью, что придержал для меня дверцу машины — он доставил мне удовольствие.

Мы направлялись к собакам: слышался лай щенят, и в воздухе отчетливо пахло собаками. Я была не против. На самом деле, я никогда не знала что это такое. У меня никогда не было питомца. У отца была аллергия, а Майкл считает их омерзительными созданиями, но я понимаю, почему люди хотят их. Они игривые, и должна заметить, идея, что будет кто-то, помимо Майкла, к кому ты будешь спешить домой, звучала здорово.

Женщины, работающие в приюте, не сводили с Романа глаз. Он ходил по помещению, рассматривал всех животных и периодически улыбался мне, будто я чокнутая, беседующая с животными, которая считает, что они ее понимают. Знаю, что видели эти дамы, потому что я видела то же самое. Я замужем, но не слепа. Роман красив — и не только из-за того, как он выглядит, а из-за того, как смотрит на людей. Трудно не смотреть на него.

Пока я бродила по комнате, я заметила большого черного пса. Он был лохматый и казался слишком большим для клетки, в которой находился. Шерсть свисала с его долговязого тела, и уверена, что он нуждался в горячей ванне с мылом, но что-то в выражении его глаз напомнило мне Романа. Они карамельного цвета и очень добрые. Когда я подошла к его клетке, он кокетливо склонил голову, быстро лизнул мои пальцы, а затем отошел в заднюю часть клетки.

Он казался напуганным и побитым, близким мне по духу. Я понимаю его желание найти пристанище, его нужду быть любимым и страх попытаться получить все это.

— Все в порядке, — мягко сказала я и опустилась на колени перед клеткой.

Он посмотрел на меня своими большими дружелюбными глазами, снова подошел ко мне и лизнул руку.

— Думаю, ты ему нравишься, — заметил Роман, стоя сбоку от меня.

— Мне он тоже нравится, — сказала я с улыбкой. — Он напоминает мне тебя, — слова сорвались с губ прежде, чем я поняла, насколько ужасно это прозвучало.

— Ты сравниваешь меня с собакой? — спросил Роман, но по его голосу я поняла, что он улыбается, склонившись над тем местом, где я села на коленях.

— Я имею в виду, что он дружелюбный. У него светлые и дружелюбные глаза, как у тебя. Я чувствую себя в безопасности рядом с ним, — я не поднимала голову, уделяя большому псу все свое внимание, в котором, уверена, он нуждался.

Он не был самым милым существом этого приюта, и боюсь, никто не сможет определить, какой он породы. На его задних лапах виднелись залысины, и, похоже, что кто-то делал что-то ужасное с его шеей, но, тем не менее, я не могла оторвать от него глаз. Он просто большая милая собака, которая нуждается в любви, и я его понимаю.

— Хочешь его забрать? — спросил Роман откуда-то сверху.

— Думаю, да.

И вот так просто Роман сделал его моим. Когда все бумаги были заполнены, мы еще целый час прождали, пока приведут собаку. И я была очень удивлена, что Роман не имел ничего против того, чтобы посадить огромного вонючего пса на заднее сиденье своей дорогой шикарной спортивной машины.

Дьюк, как я мило назвала его, занял все заднее сиденье. Оказалось, у него серьезные проблемы с пусканием газов. Всю обратную дорогу к офису Романа мы ехали с открытыми окнами и смеялись.

— Входи, Дьюк. Чувствуй себя как дома, но не разваливайся уж слишком комфортно где-нибудь на полу, — сказала я с улыбкой, когда ввела своего нового питомца в дом.

Последнее, чего мне хотелось, чтобы он оставил где-нибудь неприятно пахнущие сюрпризы. Сомневаюсь, что он приучен к выгулу. Я остановилась возле местного зоомагазина и купила все необходимое для него, а также несколько брошюр по воспитанию взрослой собаки.

Весь оставшийся день я провела с Дьюком. Я искупала и накормила его, прежде чем вывести в сад на заднем дворе, чтобы он мог познакомиться со своим новым домом. Сначала он вел себя робко и боязливо, но вскоре увидел белку и, отбросив страхи, помчался через сад, лая и прыгая с искренней радостью.

Уверена, что спасла его от неминуемой смерти в приюте, и мне приятно это осознавать. Я улыбнулась сама себе, когда подумала о дне, который провела с Романом. Вспомнила, как он вел себя с детьми в больнице и как играл с крошечными щенками в приюте, но резко прекратил, будто он слишком мужественный, для таких действий, когда увидел, что я за ним наблюдаю.

Он действительно особенный мужчина, и женщина, которая в итоге покорит его, безусловно, станет самой удачливой девушкой.

— Дьюк! — крикнула я, когда была готова пойти внутрь. — Пойдем, малыш!

Он обернулся, как будто уже отзывался на свое имя, и побежал ко мне, его уши развевались, а язык свешивался изо рта.

Подбежав ко мне, он уткнулся своим мокрым носом мне в ладонь, а затем быстро лизнул ее. Наклонившись вниз, я прошлась пальцами по его короткой шерсти и хорошенько потрепала за ушами.

— Что, черт возьми, это такое? — спросил Майкл из-за моей спины, нарушая счастливый момент. Мы с Дьюком оба напряглись.

Пес низко зарычал рядом со мной, словно уже стал моим великим защитником. Я протянула руку и успокаивающе погладила его по голове.

— Я... эм... — я замолчала.

— Откуда взялась эта омерзительная тварь? — спросил Майкл.

— Я привезла его из приюта для животных. Он просто большой старый песик, — объяснила я, будто разговаривая с ребенком.

Наклонившись вперед, я обхватила морду Дьюка ладонями и зарылась пальцами в его шерсть.

— Отвези его обратно, — потребовал Майкл. — Я не хочу, чтобы мой дом провонял какой-то большой и уродливой дворнягой.

Он мог быть грубым со мной сколько угодно, я привыкла к этому, но мне не нравится, когда плохо относятся к невинному животному. Выпрямившись, я отряхнула брюки, и сдула

прядь волос с лица.

— Не отвезу, — уверенно сказала я.

Выражение лица Майкла изменилось. Он сжал губы и прищурился.

— Что прости?

— Я сказала... я не повезу обратно. Он мой, — я сделала шаг вперед. — Ты бросаешь меня одну в этом доме, который слишком велик для двоих, пока сам занимаешься Бог его знает чем, и меня тошнит от этого. Он здесь, чтобы составить мне компанию. Он остается, — серьезно объявила я.

Майкл посмотрел на меня, словно впервые видел, затем резко развернулся и ушел обратно в дом. Я не могла не услышать слова, которые он выкрикнул на весь дом:

— Отлично! Может быть, он трахнет тебя! — затем входная дверь с треском захлопнулась, и Дьюк и я снова остались одни.

Саманта

Я не видела Майкла весь оставшийся день, и он не пришел ночевать этой ночью. Но в этот раз все было иначе. Вместо того чтобы сидеть всю ночь, гадая, чем или с кем Майкл занят, я отправилась спать, безразличная к этому вопросу. С того момента, как Дьюк расположился на полу в изножье моей кровати, оставаться одной в доме было не так ужасно.

Я посмотрела телевизор и затем спокойно заснула.

Следующим утром я вывела Дьюка на улицу, чтобы он сделал свои дела, и мы оба сели на кухне завтракать. Я не чокнутая и понимаю, что Дьюк — это собака, но должна отметить, что приятно быть не одной. Для меня достаточно того, как он с улыбкой смотрит на меня.

Около девяти утра мне позвонили из клиники Романа. Это была та симпатичная медсестра, которая всегда провожала меня к его кабинету. Я поняла, что это она, потому что ее голос показался мне знакомым, и я узнала ее имя — Мелани — в последний визит в клинику.

— Миссис Олдридж, доктор Блейк хочет встретиться с вами в парке имени Дэвида Т. Кеннеди (*Примеч. Дэвид Т. Кеннеди — адвокат и мэр Майами до 2014 года*) в десять часов. Я должна позвонить ему и сообщить, сможете ли вы подъехать.

Я улыбнулась сама себе. Каким-то образом Роман стал другом, и я предвкушала провести с ним время снова. Словно я могла оставить свою жизнь в стороне и просто быть собой. Роман не осуждал. Он не смотрел на меня, как на самого неприятного в мире человека, и это как раз то, что мне нужно.

— Пожалуйста, сообщите доктору Блейку, что я буду там.

— Отлично. Он также просил вас надеть что-нибудь удобное.

— Я могу это сделать. Большое спасибо, — улыбнулась я в телефон.

— Миссис Олдридж? — торопливо позвала женщина.

— Да?

— Доктор Роман просил вас привезти Дьюка.

Я снова улыбнулась в телефон.

— Спасибо.

Повесив трубку, я отправилась наверх. Моя походка была энергична, и я взволнованно ожидала, каким будет следующий этап проекта «Саманта».

Я ехала по Коконат-Гроув (*Примеч. Коконат-Гроув или Кокосовая Роцца — район, примыкающий к центру Майами, где проживают зажиточные жители города*) с опущенными окнами, голова Дьюка торчала в одном из них. Запах океана заполнял машину, а соленый бриз развеивал мои волосы. Остановившись на красный свет, я улыбнулась парочке, сидящей на террасе местной кафешки. Склонившись над железным столиком, они счастливо улыбались, полностью растворившись в глазах друг друга. Я вздохнула и наслаждалась видом, пока машина позади меня громко не засигналила, давая понять, что на светофоре загорелся зеленый свет.

Пальмы, растущие по бокам улицы, двигались по направлению движения машины, когда я проносилась мимо них, краем глаза замечая неясные очертания шикарных отелей и

машин. Подъехав к парку, я увидела людей, выгуливающих своих собак, а вдалеке мужчины бросали фрисби. Был рабочий день, но люди все равно играли, словно в разгар выходных. Люди наслаждались жизнью, и в кои-то веки я была счастлива быть частью этого.

Выбравшись из машины, я поправила свои спортивные брюки и подтянула розовую футболку, чтобы она лучше прикрывала живот. Я чувствовала себя странно, выйдя из дома одетая так просто, но не похоже, чтобы в парке гуляли женщины в костюмах от Джимми Чу. Я была одета подходящим образом, и это было приятно.

Потянув Дьюка, который хотел обнюхать всех и все, мы пошли искать Романа. Мы нашли его, ожидающего нас возле таблички «вход». Он не заметил меня, и я наблюдала, как он распрямился и размял шею, словно готовился к сложной работе. Серые спортивные штаны свободно сидели на бедрах, поддерживаемые только шнурком пояса. Он сменил дорогие туфли на кроссовки и был в футболке без рукавов. Профессионал исчез — вместо него появился высокий, темный, сексуальный мужчина, готовый попотеть.

Почувствовав мой взгляд, он обернулся ко мне и улыбнулся. Это была понимающая улыбка — по этой улыбке я поняла, что он знает, что я разглядывала его, но я не могла отвести взгляд. Вместо этого, я засунула руку в карман, вытащила резинку для волос и стянула локоны в «конский хвост».

— Надеюсь, ты пришла, чтобы потренироваться, — заметил он, когда начал бег на месте. — Сегодня мы хорошенько поработаем задницами.

— Таким образом ты сообщаем мне, что необходимость поработать над моей задницей повысит мою самооценку? — пошутила я.

Прогнувшись, он снова потянулся, прерывая наш зрительный контакт. Он смотрел в небо, пока выполнял растяжку.

— Не то чтобы я смотрел, но твоя задница может стать более упругой.

И тогда я рассмеялась. Глупо, но благодаря простому факту, что Роман оценивал мою задницу, я поняла, что мой день прошел не зря.

— Так, доктор Блейк, вы признаете, что рассматривали мой зад? Как непрофессионально с вашей стороны, — снова пошутила я.

Он бросил на меня взгляд, затем закатил глаза и улыбнулся.

— Тебе, наверное, хочется размяться. Я не из тех, кто делает поблажки леди.

Он говорил о разминке, но неожиданно я представила Романа на мне — его шея напряжена, пока он ритмично двигается. Так же быстро как этот образ возник, я отмахнулась от него. Мгновенье спустя от образа ничего не осталось, но моя улыбка пропала. Отвернувшись в сторону, я начала разминать руки и ноги так, словно знаю, как это делать.

Мы бежали трусой, наши кроссовки стучали по пешеходным дорожкам парка, выложенным черным камнем. Мы молчали, и только звуки нашего дыхания заполняли тишину. Мне нравится бегать — это возможность встряхнуть себя и свои мышцы. Проветрив мозги, я смогла подумать о последних нескольких годах своей жизни. Я думала о своем браке. Думала о том, как потеряла отца и о том, что у меня не было возможности погоревать о его смерти.

Не то чтобы я не была готова к этому, ведь мой отец всегда был честен со мной. Он знал, что умирает. Знал с того мгновения, когда онколог поставил диагноз. Это не сделало его потерю легче, но я горевала не так сильно.

Конечно же, наблюдая, как кто-то борется и молит о каждом следующем вздохе, я

увидела все с другой стороны. Смерть была более тихой чем то, что он вытерпел. Я эгоистка не до такой степени, чтобы просить его остаться со мной и терпеть все это. Я прошептала ему на ухо, что ничего страшного в том, что он покидает меня, нет, и он ушел с мирной улыбкой на губах.

— Ты наслаждаешься, — заметил Роман сбоку от меня, прерывая мои мысли.

— Да. Чувствуешь себя хорошо, когда бежишь, — ответила я.

— Так и есть. Я бегаю здесь минимум два раза в неделю, на случай, если ты захочешь присоединиться ко мне. Физическая нагрузка полезна для души, и еще больше для тела.

— Ты бегаешь здесь дважды в неделю? Я думала, ты посещаешь спортзал.

— Нет. Мне нравится бегать на улице. Плюс мы тренируемся.

— Да? Тренируемся для чего? — спросила я с любопытством, тяжело дыша.

— Один раз в году проводится благотворительный забег по сбору средств для больницы Святого Винсента. Я принимаю участие, и ты тоже примешь.

Я гадала, наступит ли когда-нибудь момент, когда Роман Блейк перестанет меня удивлять, и решила, что предпочитаю, чтобы он еще долго оставался таким же чудесным.

Положив руки на бедра, я наклонила голову и послала ему ошеломленный взгляд.

— Ты — это нечто, ты знаешь это, Роман Блейк? — спросила я с улыбкой. — Буду рада принять участие в этом забеге вместе с тобой.

И я действительно имела это в виду. Он был самым бескорыстным человеком, которого я имела удовольствие встретить за долгое время. То, что он делает для детей в больнице Святого Винсента, так же как и то, что он делает ради меня, говорит многое о том, какой он человек.

— Что ж, спасибо, миссис Олдридж, — поблагодарил он игриво. — Я думаю то же самое о тебе.

— А теперь, расскажи-ка мне, что ты имел в виду под «сделать мне поблажку»? — спросила я, набирая темп и наслаждаясь жжением в икрах.

Он подстроился под мою скорость и улыбнулся мне — влажная прядь волос прилипла к его лбу, он выглядел молодым и сильным.

И мы побежали. Мы обгоняли друг друга, он делал мне поблажки, хотя обещал не делать. Когда мы вернулись к моей машине, я рухнула на капот, прижимаясь вспотевшим лицом к прохладному металлу и тяжело дыша.

Когда я, наконец, встала и повернулась к Роману, он стоял возле меня, держа руки на бедрах, в его глазах светилось странное выражение.

— Ты в порядке? — спросила я.

Его взгляд прояснился и снова он отвернулся, чтобы потянуться после пробежки.

— Да. Я в порядке.

Был уже почти полдень и мой желудок неустанно напоминал о себе.

— Думаю, раз уж ты вытащил меня и заставил пахать, как лошадь, меньшее, что ты можешь сделать, это составить мне компанию за ланчем. Возле твоей клиники есть фантастический итальянский ресторанчик. Мне кажется, тебе понравится там.

Я остановилась, когда поняла, что мои слова звучали так, будто я приглашаю его на свидание. На самом деле весь сегодняшний день странным образом был похож на свидание. И честно говоря, не могу сказать, что мне это сильно не нравилось.

— Я имею в виду, если ты не хочешь, то я все понимаю, — я попыталась исправить свою оплошность.

Он подошел ближе ко мне. Протянул руку и вытащил засохший листик из моих волос.

— Звучит здорово. Умираю от голода.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

После того как я завезла Дьюка домой, мы встретились в ресторане «Мама Мария», все еще одетые в пропотевшие тренировочные костюмы. Мы оба хотели есть, но для начала я заказала воду и жадными глотками пила ее.

Вода стекала по моим губам и подбородку, и я замерла. Затем рассмеялась и вытерла подбородок.

— Вау. Это было очень «красиво», правда? — пошутила я.

Выражение его глаз стало серьезным, а потом он отвернулся и начал просматривать меню. Что-то происходило в его голове, и я хотела знать что именно.

— Я не была здесь уже так давно. О, Господи, прежде чем мы уйдем, ты просто обязан попробовать их шоколадные пончики, — предложила я голосом, в котором было слишком много энтузиазма.

Роман, наконец-то, рассмеялся.

— Значит, мы потренировались, а затем приехали сюда есть шоколад?

Я рассмеялась вместе с ним.

— Да.

— Тогда, если спросить меня, наша маленькая пробежка не имела никакого смысла, — он посмотрел на меня поверх меню. В его глазах цвета виски мелькнула игривая искорка.

Мне нравится игривый Роман.

— Нет. Наша пробежка была потрясающая. Я сейчас чувствую, что горы готова свернуть, — я улыбнулась. — А это означает, что я могу съесть шоколадный пончик. К тому же, это не просто шоколадные пончики.

С милой ухмылкой он сказал:

— Ох, ладно, тогда, пожалуйста, просвети меня насчет этих знаменитых шоколадных пончиков.

— Видишь ли, они — аналог печений с предсказаниями. Внутри каждого пончика есть предсказание.

Мы сделали заказ и, пока ели, разговаривали о его практике. Он рассказал мне, как встретил Стейна и как долго они знают друг друга. Нормальное дружеское общение.

— Должен заметить, Саманта, в этом месте действительно готовят так вкусно, как ты и сказала.

— Правда? Не могу поверить, что ты работаешь в здании напротив этого маленького рая уже не первый год и ни разу здесь не был.

— Не могу поверить, что позволил тебе притащить сюда мою задницу сразу после тренировки, — парировал он, откидываясь на спинку стула и похлопывая себя по плоскому животу.

Мы оба заказали шоколадные пончики и, хотя я протестовала, Роман оплатил счет. Вскрыв свой пончик, я впила зубами в кусочек шоколада и раскрутила бумажку с предсказанием.

Нечто великолепное находится прямо перед вами.

Я улыбнулась сама себе и посмотрела на Романа. Еще никогда мое предсказание не было таким правдивым.

— Что в твоём предсказании? — поинтересовался он.

Скрутив свое предсказание, я засунула его в карман.

— Оно говорит, что ты опоздаешь, если мы не встанем и не уйдем сейчас.

Покинув Романа, я напрямик поехала домой, чувствуя себя лучше, чем когда-либо за очень долгий отрезок времени. Зашла в дом и меня встретил Дьюк и вонючий сюрприз от него на кухне. Я выпустила Дьюка в сад и убрала беспорядок. Закончив убираться, я отправилась наверх, чтобы принять душ и на ступеньках встретила с Майклом.

— Где ты была? — спросил он.

Сегодня он казался спокойным — другим. Словно хотел провести со мной какое-то время или что-то типа того.

— Была на пробежке, — ответила я.

Он последовал за мной наверх, в спальню, где я стала копаться в одежде, перед тем как отправиться в душ.

— С каких пор ты начала бегать, кроме тех случаев, когда за тобой гонятся? — пошутил он.

Он намеревался оскорбить меня, но я не могла не рассмеяться. Мой смех стер улыбку с лица Майкла. Уверена, его разозлил тот факт, что меня не задело его замечание.

— С сегодняшнего дня. Собственно говоря, я нашла это занятие очень расслабляющим, — сказала я, задвигая бедром ящик с нижним бельем.

— Самое время заняться своей внешностью, — сказал он.

Снова, его слова должны были оскорбить меня, но я пропустила их мимо ушей. Я не позволю ему унижать меня. Чувствуя себя счастливой и в игривом настроении, я повернулась и выпятила задницу.

— Что ты думаешь, Майкл?

Его губы округлились, и на лице появилось озадаченное выражение.

— Что я думаю по поводу чего? — уточнил он.

Забыв, что я не с Романом, я склонила голову набок и снова выпятила задницу.

— Думаешь, можно сделать мою задницу более упругой?

Взгляд Майкла наполнился отвращением и метнулся к моему лицу. Я будто в дерево врезалась и почти сразу же мое хорошее настроение улетучилось.

— Думаю, твоя задница и так достаточно большая, чтобы добавлять еще и упругость к этой проблеме. Ты можешь позаниматься месяц-другой в спортзале, но не думаю, что небольшие улучшения что-то изменят.

Он развернулся на пятках и вышел из комнаты. Весь день, проведенный с Романом, был забыт. Я опустила руку и провела пальцами по животу, ощущая складки и жир, которые с утра были только в моем воображении.

Все старания Романа пробиться в мой мозг и постараться помочь мне оказались очень быстро спущены в трубу. Один шаг вперед и пять назад.

Роман

Все изменилось, и только я могу позаботиться, чтобы ничего не произошло. Я подумал, что, наверное, пришло время снова начать встречаться с кем-то. Все что угодно, лишь бы остаться в игре и прекратить смотреть на грудь Саманты, пока она бежит рядом со мной.

Это не похоже на меня. Я не такой парень. Я всегда умел не смотреть на женщин, которые вешались на меня, так почему у меня не получается то же самое с женщиной, которая явно влюблена в своего дрянного мужа?

Я обещал ей, и сдержу свое слово, но когда речь заходит о ней, все становится сложнее и сложнее. Я увидел ее в другом свете. Я и так считал ее привлекательной, но увидев ее игривой и счастливой, с сияющей улыбкой на лице, я словно получил пинок в живот.

Мне не следовало принимать ее приглашение на ланч, но я был не готов находиться вдали от нее. Не хочу думать, что это может означать. Я джентльмен во всех отношениях и знаю, что никогда не буду действовать, поддавшись влиянию желаний, но меня тошнит оттого, что я не могу контролировать свои мысли.

Вскрывая свой шоколадный пончик, я глаз не сводил с губ Саманты, пока она, закрыв глаза, наслаждалась кусочком шоколада так, словно у нее был оргазм. Я почувствовал, как под столом определенная часть моего тела стала твердой. Мне сразу же захотелось попросить у нее прощения. Я чувствовал себя грязным и был сам себе противен.

Предсказание в моей руке, на которое я опустил взгляд, не улучшило ситуацию.

То, что ты хочешь, находится прямо перед тобой. Просто возьми это.

Очевидно, что Вселенная против меня.

Моя мать обожала танцевать. Я помню как она, подняв меня или мою маленькую сестру, скользила по гостиной со счастливой улыбкой. Это одни из моих лучших воспоминаний, именно поэтому, когда дело дошло до того, что нужно было придумать что-то еще, что повысило бы уверенность Саманты и сделало ее счастливой, я подумал о танцах. Бальных танцах, если быть точным.

Я договорился встретиться с ней в лучшей танцевальной студии Майами в четверг днем. Она вошла, одетая в кокетливое платье длиной до колен и в туфли на каблуках, из-за которых ее икры приняли соблазнительную форму. От вида ее задницы в моей голове что-то произошло и мне пришлось отвести взгляд.

Она улыбалась мне, пока шла по блестящему паркету в ту часть комнаты, где стоял я.

— Откуда ты узнал? — спросила она, ее лицо покраснелось от счастья, а глаза блестели.

Я сделал это. Подарил ей немножко счастья. Если мне придется завтра уйти в сторону, потому что подошел слишком близко, я уйду, зная, что сделал это.

— Откуда я узнал что?

— Я добавила танцы в список вещей, который обязательно должна успеть сделать, — объяснила она, снимая легкий пиджак с плеч и открывая вид на пару красивых загорелых плеч. Они выглядели так, будто молили, чтобы к ним прикоснулись — будто молили о моих поцелуях.

Прочистив внезапно пересохшее горло, я отвел взгляд.

— Не думал, что у тебя есть такой список.

Подозреваю, что мой ответ прозвучал сердито и грубо, но я не сумел остановить себя. Это мой способ защиты — единственное, что удерживает меня в вертикальном положении, когда неожиданно появляется желание опуститься перед ней на колени.

— Ну, благодаря тебе, я составила его. Бальные танцы идут под номером четыре.

Мне захотелось узнать, что же значится под первыми тремя номерами, но у меня не было времени спросить, так как мисс Брайт, инструктор по танцам, позвала нас на танцпол.

Мы прижались друг к другу, моя рука оказалась на нижней части ее спины, одна ее крошечная ручка в моей, а вторая покоилась на моем плече. Жар ее тела достиг моей груди, и сладкий аромат ее кожи окутал меня. Именно в этот момент я осознал, каким полным придурком оказался, выбрав занятие, которое заставит нас находиться так близко друг к другу. Возможно, где-то в глубине души, я знал о близости. Жаждал ее.

Заиграла музыка, и мисс Брайт стала выкрикивать команды как крошечный сержант-инструктор. Вскоре мы с Самантой двигались по комнате так, будто танцевали вместе не один раз. Я вел ее по танцполу, сосредоточив свой взгляд на ее глазах, все было так, словно ничего и никого больше не существовало. Она больше не моя пациентка, и она, совершенно точно, не замужем. Она просто Саманта, а я просто Роман, и мы просто танцуем.

— Очень хорошо, — протараторила по-испански мисс Брайт. — Вы такая милая пара.

Саманта сжала губы, чтобы не рассмеяться, когда подняла на меня свои темные таинственные глаза. Я не стал утруждать себя, исправляя инструктора. Меня слишком захватило чувство того, что она так близко ко мне.

— Все именно так, как я и надеялась, — сказала Саманта, когда я крутанул ее и ее волосы зацепились за мою талию.

Совершенно очевидно, что мы не были лучшей парой в студии, но мы добились успеха.

— Почему ты не пробовала танцевать, если это то, чего ты хотела? — спросил я, хотя уверен, что уже знаю, каким будет ее ответ.

— Майкл всегда очень настороженно реагировал, когда я упоминала танцы, а позже у него никогда не было времени. И сейчас все еще нет, — ее улыбка померкла, и я мысленно дал себе оплеуху за то, что задал этот вопрос.

Потянувшись к ней, я погладил мягкие пряди ее волос.

— Ты сегодня очень красивая, Саманта, — я сделала ей комплимент, и был награжден еще одной улыбкой, от которой у меня чуть не остановилось сердце.

— Спасибо, Роман. Ты тоже выглядишь очень мило, — игриво сказала она.

Она отвечала так, будто мы репетировали сценарий, словно все, что я говорил, сказано только из-за нашей ситуации и моих попыток повысить ее уверенность в себе.

Мне хотелось, чтобы она поняла, что я *действительно имею в виду* то, что сказал. И не только из-за каких-то своих эгоистичных причин, а потому, что сказал *правду*. Каждое мое слово было сказано искренне, и мне было важно, чтобы она поверила мне. Не ради меня, а ради себя. Ей нужно знать, что она красивая и очаровательная.

— Саманта, — ее имя сорвалось с моих губ полупшепотом, и я не думал, что она расслышит его из-за музыки.

Она смотрела вниз на наши ноги, но подняла взгляд на меня, когда я произнес ее имя. Как только она это сделала, я почувствовал, как ее маленькая ножка наступила на мою ногу.

— О, Боже мой, Роман! — она покраснела, и в ее глазах плескался самый настоящий

ужас. — Мне так жаль. Я причинила тебе боль?

Я не удержался и ухмыльнулся.

— Ни малейшей.

— Я не очень хорошая танцовщица.

— А я не очень хорошо пою, но это не останавливает меня, и иногда я громко распеваю свои любимые песни. Ты еще услышишь это, и если снова наступишь мне на ногу, нам придется танцевать так до самого конца занятия.

Она рассмеялась, и мне очень понравилось, как звучит ее смех. Очень оптимистичный и сладкий звук. Слаще, чем тихая музыка, которая льется из динамиков. Красивее, чем любое определение красоты.

— Ты собирался сказать мне что-то?

— Разве? Ах, верно, да.

Неожиданно то, что я собирался сказать, перестало казаться уместным в нашей беседе. Я не знал, как вернуться к той теме, но мне было важно, чтобы она поняла. Сделав глубокий вдох, я решился.

— Я говорил искренне.

Между ее бровей образовалась маленькая складочка.

— О танцах?

Я покачал головой.

— Нет, о том, что ты красивая.

Ее улыбка увяла, и она ничего не ответила, когда посмотрела мне в глаза. Мне хотелось знать, о чем она думает, что чувствует. Я гадал, вдруг она думает и чувствует то же самое, что и я. Мне хотелось спросить ее, но она заговорила прежде, чем мне выпал шанс спросить.

— Мне легко верить в это, когда ты рядом. С тобой я другая, Роман. Ты делаешь меня другой.

— Нет, вовсе нет. Я просто показываю тебе, какой вижу тебя, и отношусь к тебе так, как следует относиться ко всем женщинам. Я уважаю твой ум и считаю, что твои слова имеют значение. Я не только считаю тебя красивой, но думаю, что твое сердце и сострадание тоже красивы.

В уголках ее глаз заблестели слезы, но я знал, что не расстроил ее. Мне удалось коснуться какой-то ее частички, о прикосновении к которой мечтает каждая женщина. Ее душа. Она глубоко внутри — заперта в ящик, окутанный эмоциями — и каким-то образом мои слова оказались способны пробить эту защиту. Я почувствовал себя счастливым, когда понял по выражению ее лица, что слезы, стекающие по ее щекам, это не слезы грусти, а наоборот, слезы радости.

— Я бы хотела... — она сделала глубокий вдох и не закончила предложение.

— Чего? — спросил я, держа ее крепче и притягивая еще ближе к себе.

Я жаждал ее слов, словно они были моим следующим вдохом.

— Итак, леди и джентльмены! — громко сказала инструктор. Она хлопнула в ладоши и разрушила мгновенье между мной и Самантой. — Давайте слегка поменяем танец.

Мы моргнули, отступили на шаг друг от друга, и она первой отвела взгляд.

Мы танцевали рука об руку еще около часа, и все это время я пытался контролировать свое тело и его реакцию на Саманту. Когда занятие закончилось, я взял свой пиджак и собрался отправиться обратно в клинику. Все мое тело было напряжено после того, как она так долго была крепко прижата ко мне, но я не мог позволить себе двигаться дальше.

Несмотря на то, что я думал, реальность никуда не делась. Я доктор — она моя пациентка. Моя замужняя пациентка.

Я сел в машину, размышляя над тем, что пришло время прекратить так часто видеть Саманту. Может быть, сократить встречи до одного-двух раз в неделю. Кажется, что с тех пор, как мы начали это, я видел ее почти каждый день. Это начало оказывать влияние на меня.

Но все эти мысли не помешали мне взять свой телефон и отправить ей сообщение.

Я: Бар «Пальмовая ветвь» завтра вечером в девять.

Саманта: Да, доктор Роман.

Ну что я могу сказать? Я мазохист.

Когда наступил вечер пятницы, я разнервничался. Знаю, что познакомиться Саманту с моими друзьями не самая хорошая идея, но она сама сказала, что у нее нет друзей. Ей нужно стать общительнее — оказаться среди людей, посмеяться... и, может быть, выпить пару бокальчиков. Ей нужна вечеринка.

Я ждал у барной стойки, а в противоположной части бара сидели мои друзья, с которыми я пришел. Я ждал, пока бармен приготовит заказанный мной напиток. Бросив взгляд на часы, я почувствовал нервозность, когда увидел, что уже почти десять часов. Саманта опаздывает уже почти на час, и я начал волноваться, что с ней могло что-то случиться.

Дав барменше чаевые, я взял напиток и повернулся, чтобы отправиться к столику, за которым сидел. Именно тогда я увидел ее. На ней было черное платье на бретельках длиной до колен. От подола платья вверх шел разрез, и когда она двигалась, можно было разглядеть ее бедро и крошечный кусочек подвязки.

Все тело напряглось, когда мой взгляд прошелся по длинным аппетитным ногам до самых кончиков ее туфель на шпильках. Она очаровательная. Красивая. Сексуальная. Она оглядела бар, нервно прикусила ярко-красную нижнюю губу, и мгновенно я представил, что делаю то же самое — покусываю эту губу и пробую ее на вкус.

Ее темные глаза встретились с моими через всю комнату, и она с облегчением улыбнулась. Я поднял свой бокал и помахал ей рукой, призывая подойти к бару. Ее провожали взглядами, пока она шла через заполненную комнату. Парням нравилось ее тело, и они наклоняли головы набок, чтобы бросить взгляд на ее задницу, пока она проходила мимо. Она понятия не имела, какое влияние оказывала на парней, но я знал. Я определенно знал, когда поправил брюки и сел на стул у стойки.

— Что будешь пить? — спросил я, стараясь перекрыть музыку, когда она подошла ко мне.

— Я бы хотела попробовать пиво, — ответила она с улыбкой.

Повернувшись, я заказал ей пиво и постарался подумать о чем-нибудь, что могло бы стереть мысленный образ обнаженной Саманты в моей постели.

Саманта

Я не выбиралась развлечься с тех пор, как была подростком — с тех пор, как встретила Майкла. Он не любитель танцев и выпивки. Собственно, он вообще не любитель развлечений, конечно же, за исключением случаев, когда развлечение включает в себя какую-нибудь шлюшку у него на коленях.

Я не представляла, что Роман пьет пиво, но когда он вручил мне бутылку с длинным горлышком, было слишком поздно менять свое решение. Бутылка оказалась холодная, она покалывала ладонь и остужала губы. Сначала вкус показался мне невыносимым. Пузырьки прокатились вдоль языка, наполняя рот горечью, но я продолжила пить его, так как Роман вручал мне бутылки. После первой я уже не замечала вкуса.

Он представил меня небольшой группе друзей, с которыми пришел, и там были две женщины, которые, совершенно очевидно, сходили с ума по Роману. Я ни слова не упомянула об этом, поскольку не хотела знать, встречается ли он с кем-нибудь из них. Не знаю, когда его свидания начали иметь для меня значение, но это та область, куда я не имею никакого права вмешиваться.

После того как вчера я побывала в его объятьях, я знала, что должна отступить. Когда я получила его сообщение, в котором он предлагал встретиться с ним следующим вечером, я была близка к тому, чтобы сказать «нет». Но затем в памяти проскользнули воспоминания о Майкле и блондинке, и я поняла, что неважно, насколько сильно мое тело и разум реагирует на Романа, я должна стоять на своем, должна спасти свой брак.

Обе женщины — Лори и Сара — симпатичные. Лори высокая блондинка. Ее ноги потрясающе выглядят в обтягивающей юбке. Сара пониже ростом, с черными, как смоль волосами и большими пухлыми губами. Я позавидовала некоторым частям их тела, но когда заметила, что Роман смотрит на меня с противоположной стороны столика, всю зависть как ветром сдуло.

Все джентльмены в группе, Чейз, Грег и Маршал, были коллегами Романа. Несомненно, все за столиком, кроме меня, доктора или что-то вроде того. Очень страшно находиться в окружении таких умных людей. Тем не менее, они оказались веселыми и болтливыми — задавали вопросы и постоянно вовлекали меня в общее веселье.

Вечер продолжался, и глаза Романа остекленели, щеки покраснелись, словно он слишком много выпил. Но он все равно оставался джентльменом. Аккуратно сопровождал меня по залу, положив руку мне на поясницу. Выдвигал стулья для меня и девушек, которые были с нами. Это то, что мне в нем нравится. То, что, я надеюсь, Майкл однажды сделает.

Выдернув пиво из моей руки, он улыбнулся мне.

— Думаю, пришло время вытащить тебя из твоей зоны комфорта.

Я рассмеялась. Я начала ощущать легкое мельтешение вокруг меня.

— Боюсь, что я вышла из своей зоны комфорта, когда вошла в двери этого бара.

— Не думаю. Пойдем, — он схватил меня за руку, посылая волну мурашек вверх по ней, и повел в ту часть зала, где располагалась небольшая сцена.

— Нет, Роман! — рассмеялась я, когда увидела караоке. — Я отказываюсь.

Обернувшись, он ладонями обхватил мое лицо, словно собирался поцеловать.

Возбуждение наполнило его глаза, показывая мне совершенно другую сторону доктора, а затем он улыбнулся.

— Я помог тебе выполнить один из пунктов твоего списка, а ты не сможешь мне выполнить мой?

Он играл на моей совести, и это было самое забавное.

— Спеть в караоке один из пунктов в твоём списке желаний? — спросила я.

Мне было тяжело сосредоточиться, пока его руки касались моего лица, но я не хотела быть грубой и отталкивать его. К тому же мне нравилось ощущать его теплые ладони на своих щеках. Если бы я закрыла глаза, то смогла бы представить, как он склоняется и нежно целует меня.

Он убрал руки, словно осознав, что касается меня уже слишком долго, и затем повернулся в сторону сцены.

— Ну, не совсем. Я уже пел в караоке, но смысл в том, что ты — нет. Пожалуйста, Саманта.

Большого и не потребовалось. Взгляд его блестящих глаз. Алкоголь в дыхании, который я почти могла ощутить на вкус, так близко он стоял. Не знаю, пиво или Роман заставили меня почувствовать радость жизни в этот момент. Все, что я знаю, это что мы очутились на сцене, на виду у всего бара, и исполняли ужасную версию песни Бон Джови, но мне нравилась каждая минута этого.

Позже, когда вечер близился к концу, я переключилась с пива и шотов, которые мы пили вместе со всеми, на воду. Моя машина была припаркована снаружи, и если я не протрезвею немного, то мне придется вызвать такси. Нельзя не заметить, что Роман был здорово навеселе, и в какой-то момент мне захотелось позаботиться о нем. Его нужно будет отвезти домой и мне хотелось сделать это. Я хихикнула про себя от этой мысли и этим привлекла его внимание.

Он придвинулся ближе ко мне и положил руку на колено, заставив подпрыгнуть.

— Знаешь, что, — нечетко пробормотал он мне в ухо, — знаю, ты считаешь, что удержишь Майкла, но правда заключается в том, что это он удерживает тебя. Подумай обо всех тех вещах, которые ты могла бы делать или смогла бы сделать, если бы он только чуточку постарался сделать тебя счастливой. Если бы он хоть разочек сделал то, что ты хочешь.

Он никогда не говорил о Майкле вот так. Насколько я знала, Роман старался сделать меня лучше для Майкла, но вот он сидит и утверждает, что проблема вовсе не во мне. Я не могла в какой-то степени не согласиться.

— Знаю. Прошло уже очень много времени с тех пор, как я развлекалась так, как сейчас развлекаюсь с тобой.

Слова прозвучали как-то неправильно. Случайно они прозвучали так, словно мы встречаемся или что-то еще, а это, совершенно точно, не наш случай. Жар прилил к щекам, и я отвернулась сделать глоток воды, чтобы охладить пожар в горле.

Зал вокруг нас казался дымкой размытых силуэтов, играла музыка, на которую я не обращала никакого внимания. Лори и Сара, извинились и ушли чуть раньше, оставив меня в качестве единственной женщины в компании.

— Он совсем никуда с тобой не ходит? — задал вопрос Роман, наклоняясь ближе.

Мы очень тихо беседовали в углу, и это был очень приватный разговор. Настолько приватный, что я чувствовала, будто стены сжимаются вокруг нас.

Я снова отхлебнула воды. Покачав головой, я поставила стакан на стол и pokrutila соломинку между пальцев. Когда я подняла взгляд, Роман смотрел на мои губы, и казалось, готов был слизнуть с них влагу. Я сделала глубокий вдох и вернулась мыслями к Майклу.

— Майкл ничем больше со мной не занимается, — я отвернулась. — И уж тем более не ходит со мной на свидания.

Его теплые пальцы согрели мой подбородок, когда он повернул мое лицо к себе снова. Он был так близко. Такой теплый. Такой идеальный.

— Ничем? — переспросил он. Его взгляд был прикован к моим губам.

Я отвернулась, и мне сразу же стало не хватать его прикосновений к моему лицу.

— Нет.

И затем я почувствовала, как его рука накрыла мою руку, лежащую на столе, и я, не удержавшись, повернулась и посмотрела на него. Его глаза пожирали мои, затем он опустил взгляд ниже, снова останавливаясь на моих губах.

— Майкл глупый-преглупый человек, Саманта.

А затем он разрушил очарование момента, отодвинувшись, схватив свое пиво и сделав большой глоток.

Мы досидели до закрытия бара и уехали в два часа ночи. Я была еще не совсем трезва, но знала, что смогу добраться до дома нормально. Но я волновалась за Романа.

Я вытащила ключи от машины, когда мы вышли из бара, и повернулась к нему лицом.

— Я отвезу тебя домой. Ты пьян.

— Ты права. Я мертвецки пьян, но вынужден отклонить твоё предложение отвезти меня. А еще, ты тоже не едешь домой.

Так, словно мы были героями кинофильма и наступил ключевой момент, перед нами затормозил шикарный черный лимузин. Из него вышел пожилой мужчина и открыл перед нами заднюю дверь. Я не ожидала, что у Романа есть водитель, поскольку он всегда ездил на спортивной машине, но, по крайней мере, он обо всем позаботился заранее, так как знал, что сегодня вечером будет пить.

Я кивнула, убрала ключи обратно в сумочку и забралась в машину. Роман последовал за мной, его бедра прижались к моим. Я постоянно думала о Майкле, не позволяя себе анализировать, что чувствую, находясь так близко к такому мужественному мужчине. Роман крупный мужчина, и он всегда так хорошо пахнет. Становится все сложнее и сложнее не замечать за ним подобные вещи.

Я постаралась вспомнить, чем мы занимались вместе, но затем он подвинулся, и присущий только ему одному аромат окружил меня. Я больше не могла лгать себе. Хотя я замужем и сильно люблю Майкла, физически меня влечет к Роману. С самого начала влечет.

— Ты повеселилась сегодня вечером? — спросил он из своего темного угла.

Его голос звучал низко, и по тому, как он звучал, я поняла, что он смотрит на меня — наблюдает за мной. Мне это нравилось. Когда он смотрит на меня, я чувствую себя сексуальной, красивой. Знаю, что его милые комплименты всего лишь часть лечения, но каким-то образом, его слова пробрались в мои мысли. Я ощущаю себя желанной, когда я с Романом, и это возбуждает.

— Повеселилась.

Я свела бедра вместе, наслаждаясь прикосновением кружевных трусиков и стараясь изо всех сил не думать о мужчине, сидящем рядом со мной. Я сломлена. Майкл не один год

заботился, чтобы я стала такой. И вот я сижу рядом с мужчиной, который старается помочь мне спасти мой брак, и в это же время, не могу перестать думать, что бы ощущала, окажись он у меня между ног.

Затем что-то оборвалось. Все обрушилось на меня. Возможно, виной тому выпитый алкоголь или тот факт, что я достигла переломного момента, но все, что давило на меня, вызвало поток слез. Так много всего произошло. Так много всего происходит, и я больше не знаю, кто я.

Женщина, которой я была с Майклом, не одна и та же женщина, которой я бываю с Романом. Где-то в глубине души я понимаю, кто из этих женщин нравится мне больше, но неправильно любить одну из них сильнее.

Слезинка стекла вниз по моей щеке, когда я вспомнила последние несколько месяцев. Измена Майкла с другой женщиной. Смерть отца — единственного человека, которому я действительно была небезразлична. И честно, слезы принесли облегчение.

Я думала, что веду себя тихо в своем углу, и полагала, что Роман не увидит моих слез, так как в машине темно, но неожиданно он оказался рядом и его руки обняли меня. Его тепло проникло в меня, посылая спокойствие по всему телу.

Всего несколько недель назад Роман был для меня незнакомцем, но сейчас он мне ближе, чем кто-либо другой за долгое время.

— Все в порядке. Не держи это в себе, — сказал он, круговыми движениями поглаживая меня по спине. В нем снова проснулся профессионал, задвинув пьяного, веселого мужчину на задний план.

Отодвинувшись назад, я быстро вытерла слезы. Его большие пальцы проследовали за моими руками, стирая остатки слез. Для таких больших пальцев, они у него очень мягкие. Мне хотелось закрыть глаза и крепче прижаться к ним.

— Спасибо, — сказала я, сквозь комок в горле. — Мне был нужен сегодняшней вечер.

Его кадык дернулся, когда он с трудом сглотнул, и снова его пальцы нежно обвели контур моих щек. Кончиками пальцев он прошелся по моим губам, и я задохнулась от ощущения, которое возникло внизу живота. Закрыла глаза, чтобы насладиться его прикосновениями, прежде чем он уберет руку.

— Прости меня, — сказал он нежно.

Он такой джентльмен. Приятное разнообразие, в сравнении с «умником», с которым я живу.

— За что? — спросила я. Он всегда вел себя со мной очень учтиво. Прощение — последнее, что ему нужно.

— Мне не следовало так прикасаться к тебе. Этого больше не произойдет.

Мне сразу же стало не хватать его прикосновений, и хотя я знала, что говорить такое было неправильно, я все же не смогла не сказать.

— Мне понравилось.

И снова в машине вокруг нас стало тихо. Защитное окно было поднято, отделяя нас от водителя, и я подумала, что, наверное, было бы разумно опустить его, чтобы у меня не было выбора, и я контролировала себя. Но затем его большие ладони обхватили мое лицо, большим пальцем он поглаживал кожу под моим глазом.

— Саманта, с тобой все в абсолютном порядке. Ты такая красивая женщина, как внутри, так и снаружи, и как уже говорил раньше, я считаю, что твой муж идиот.

Опустив взгляд, я улыбнулась.

— Ты мой врач. Ты, вроде как, должен говорить подобное.

Прочистив горло, он убрал руки от моего лица, и мне сразу стало холодно.

— На самом деле, мне не следует говорить такие вещи именно потому, что я твой врач. Не профессионализм говорил все это, это был мужчина.

Я понимала, что он, должно быть, очень много выпил, но его слова все равно попали в самое сердце, скрепляя некоторые из разбитых частей, которые Майкл уничтожил. И, несмотря на то, что я не очень наглая женщина, все равно что-то во мне щелкнуло. Роман говорил и делал все то, в чем я нуждалась последние несколько лет, и ощущения были захватывающие. Черт, достаточно было того, как он на меня смотрел. И я не сдержалась.

Склонившись к нему, я обвила руками его шею и притянула лицо к себе. Мои губы коснулись его один раз, горячее дыхание, вырвавшееся из его носа, опалило мою щеку, а затем я сделала решающий шаг, прижавшись к нему. Его губы согрели мои, но он не поцеловал меня в ответ — по крайней мере, сначала.

Когда я прижалась теснее, он обхватил меня руками, его пальцы вцепились в мое платье на спине, и он ответил на поцелуй. Я впустила его. Его язык танцевал вокруг моего, посылая искорки пламени по всему телу, и моя киска начала пульсировать. Наше дыхание сбилось, с его губ сорвалось мужественное рычание прямо мне в рот.

Взобравшись на него, я постаралась прижаться ближе. Я была неуправляема. Для меня стала сюрпризом реакция моего тела. Никогда я не ощущала себя такой дикой и неуправляемой с Майклом. Задрав платье, он вцепился в мои бедра, прижимая к себе сильнее. Развел мои ноги в стороны, и я была шокирована, когда его эрекция прижалась к местечку, которое жаждало его.

Отстранившись, я резко втянула в себя воздух и застонала. И затем, все закончилось. Словно очнувшись ото сна, он резко пересадил меня на сиденье и отодвинулся так далеко, что его тело вжалось в дверцу с его стороны машины.

Он потянулся рукой к губам, чтобы стереть следы поцелуев, а затем опустил взгляд на свою ладонь, словно там могли остаться видимые следы меня.

— Прости меня, Саманта.

Заправив прядь волос за ухо, я отвела взгляд, смущенная своей реакцией на него.

— Все в порядке, — прохрипела я.

— Нет. Все совершенно точно не в порядке. Это было непрофессионально с моей стороны, и уверяю тебя, это больше никогда не случится.

Из меня будто выпустили воздух после его слов. А я хочу, чтобы это произошло снова? Теоретически я изменила Майклу, а я люблю его, правда люблю, но мое тело нуждается в том, что сейчас предложил мне Роман. И хотя мне, наверное, стоило бы, но я все же не могла заставить себя пожалеть об этом.

Я согласно кивнула, так как не доверяла себе достаточно, чтобы сказать что-то вслух. Мне так сильно хотелось сделать все это снова, но я понимала, что если открою рот, то именно это и скажу. А я уже и так достаточно унизилась.

Роман прочистил горло, и мы молчали до тех пор, пока машина не притормозила напротив моего дома.

Я попрощалась, даже не взглянув на него, и вылезла из машины. Прохладный ночной воздух овеял платье, остужая разгоряченную плоть и напоминая о том, чем я занималась с Романом. Находясь вдали от тяжелого воздуха, окружавшего нас в машине, я почувствовала, что снова могу дышать.

Престранно, когда человека влечет к тому, кто не является его супругом, но меня влечет. Боже, меня так влечет к Роману. А после этого поцелуя, я уже не уверена, что возвращаться в его клинику будет такой уж хорошей идеей. Единственная проблема заключается в том, что Роман мне небезразличен. Он гораздо больше для меня, чем просто мой доктор — он мой друг. И хотя я сказала себе, что никогда его больше не увижу, я все же слишком сильно привыкла к тому, как ощущаю себя рядом с ним.

Я вошла в дом, положила сумочку на столик возле двери и начала подниматься по лестнице.

— Где, блядь, ты была? — раздался голос Майкла из кресла в гостиной. Он сидел там так, будто поджидал меня.

— Я звонил тебе снова и снова. Я писал тебе сообщения, пока мой телефон не сдох. Чей это был лимузин и опять-таки, где ты, блядь, была?

Он был взбешен. В его глазах сверкал гнев.

— Гуляла с друзьями, — ответила я честно.

— Бред собачий, Сэм. У тебя нет друзей, и мы оба знаем это.

Я снова двинулась в сторону лестницы. Я не в настроении спорить с ним, и честно говоря, у него нет права задавать мне вопросы о том, где я была. Вина подняла свою уродливую голову, когда я вспомнила, что случилось на заднем сиденье лимузина Романа, но я засунула эти мысли подальше и занесла ногу на очередную ступеньку.

Меня развернуло, когда Майкл, вцепившись в мою руку так сильно, что мог почувствовать все косточки, резко развернул к себе лицом.

— Ты трахаешься с кем-то другим? — задал он вопрос, широко раскрыв глаза, как будто едва мог поверить, что сам предположил такое.

— Ты делаешь мне больно, Майкл, — сказала я и дернула руку, стараясь освободиться из его хватки.

— Отвечай мне, Саманта! Трахаешься? — он посмотрел на мое платье, и его глаза округлились еще сильнее. — Разве я не говорил тебе никогда не надевать это платье? Не говорил, что ты слишком старая для подобного дерьма?

Его пальцы еще сильнее впились в мою плоть, и у меня заболела рука и плечо.

— Прекрати это. Отпусти меня, Майкл.

— Просто ответь мне. Скажи, что трахаешься с другим. Я хочу слышать это.

Я едва могла поверить, что он ведет себя подобным образом. Мы женаты уже девять лет, и он никогда не поднимал на меня руку. Сейчас же он вел себя так, будто это был совершенно другой человек. Словно кто-то злой завладел его телом.

— Нет никого другого, Майкл. Пожалуйста, отпусти меня. Ты делаешь мне больно!

Он быстро отпустил меня, и я, потеряв равновесие, врезалась в перила. Рука, которую он сжимал, ударилась об дерево, и разряд боли снова пронзил всю руку и плечо.

Не проверяя в порядке ли я, Майкл слетел по ступенькам, схватил плащ у двери и хлопнул за собой входную дверь.

Роман

Я играю с огнем и понимаю, что обязательно обожгусь. Черт, да я уже обжегся тогда в машине с ней — умер и попал на небеса, прежде чем рухнуть в преисподнюю. Мое тело напряглось от ее поцелуев, мышцы жаждали ее прикосновений. И я — тот, кто лучше всех из тех, кого я знаю, умеет контролировать себя — утратил контроль. Весь мой самоконтроль растворился, и я мог думать только о том, как прижаться к ее телу.

Я хотел оказаться в ней, вокруг нее — полностью потеряться в ней. Я был готов показать ей все, готов был отдать ей всего себя. В моей голове крутились мысли, как я срываю с нее трусики и погружаюсь в ее теплую влажную киску. Но затем я почувствовал прохладу ее обручального кольца на своей щеке, и реальность незаметно вернулась.

Замужем. Она замужем.

Слово вертелось в моей голове, как острый нож, который колот мою совесть и повергал в шок. Я честный человек. Всегда таким был. Я горжусь своей честностью всю свою жизнь. Переспать с пациенткой, к тому же замужней, не то, что мне бы хотелось добавить в свой список сокровенных желаний.

Майкл Олдридж — гребаный ублюдок, не заслуживающий Саманту, но кто я такой, чтобы решать, кто чего заслуживает? Я, а не он, посторонний человек в этом сценарии. И хотя мне совсем не нравится этот мужчина, он все же ее муж. Он появился первым, и, очевидно, что-то в нем было, из-за чего Саманта влюбилась в него. Мне нужно вспомнить, что его положение в ее жизни заслуживает крошечной частички уважения.

Конечно же, он спит с каждой женщиной, до которой может дотянуться, но это его проблемы, не мои. Я не собираюсь опускаться до его уровня, переспав с его женой. И неважно, как сильно я этого хочу. Ох, а я очень хочу, и мне хочется обвинить во всем алкоголь. Одному Богу известно, я очень старался напиться, чтобы избавиться от тех чувств, которые испытывал к Саманте в тот вечер, но я понимал, что делал. Я был достаточно трезв, чтобы понимать, что это все неправильно.

Я пришел домой той ночью, решив держаться подальше от Саманты. Она моя пациентка. Нет необходимости встречаться с ней за пределами клиники. Я даже решил сказать ей, что больше не будет никаких «процедур» для нее. Особенно с учетом того, что единственная процедура, которую я хотел провести, заключалась в погружении части моего тела в нее.

Все воскресенье я провел, избегая телефона, что очень не похоже на меня, поскольку я врач. Я не выходил на связь по вопросам своей практики, но всегда держал телефон под рукой на всякий случай. Я знал, если она напишет мне или позвонит, я не смогу сопротивляться, и также знал, что если телефон будет у меня в руке или возле меня, я сам напишу или позвоню ей. Я должен сопротивляться ей. Другого выхода нет.

Наступило утро понедельника, а я все еще не связался с ней и ничего не слышал от нее. Честно говоря, я с ума сходил, просто думая о ней. Не мог сосредоточиться на работе или на встрече с доктором Стейном. Я перепачкал очень хороший белый халат чернилами и пролил кофе на коврик в своем кабинете. Мой день стал сплошной неприятностью, и неважно, как

сильно старался, я не мог думать ни о чем другом, только о ней.

В итоге я отменил все свои встречи и уехал из клиники как можно быстрее. Отправившись в ресторан «Мама Мария», я заказал ланч и шоколадный пончик, и съел его, вспоминая наш совместный ланч. Когда я достал кошелек, чтобы расплатиться, предсказание, которое мне выпало во время нашего первого визита сюда, напомнило о том, чего я хочу.

Потратив достаточно времени, просто потягивая воду, я ушел и отправился проводить своих любимых пациентов. Во время поездки в больницу Святого Винсента, я прокручивал в голове сладкие звуки, которые издавала Саманта, в результате мне пришлось остановиться на обочине и снять напряжение рукой, как какому-то похотливому подростку.

Припарковав машину на своем обычном месте, я какое-то время посидел в машине. Мне нужно собраться с мыслями, прежде чем я войду внутрь, и нацепить на лицо счастливое выражение ради детей. Я не болтал с медсестрами как обычно, когда забирал у них необходимые мне карточки. Они заметили. Я понял это по взглядам, которые они бросали друг на друга. Но никто из них ничего не сказал, слава Богу.

Просмотрев записи ночных медсестер, я проведал нескольких пациентов, и лишь потом отправился к Тори. Мои туфли стучали по полу больницы, пока я шел в направлении ее палаты, но остановился, прежде чем войти внутрь, когда услышал голос Саманты.

Она была внутри, хихикала с Тори над чем-то, и ее смех наполнил меня ощущением счастья. Приблизившись к двери, но все еще не обнаруживая себя, я слушал, как они разговаривали. Прижавшись затылком к стене, я улыбался, когда Тори задавала неловкие вопросы о вещах, которые она вряд ли понимала.

— Тебе нравится доктор Роман? — спросила Тори.

Саманта фыркнула. Я закрыл глаза и представил ее улыбку.

— Он мне очень нравится. Он замечательный друг, — ответила она.

— Ты считаешь, что он забавный? — спросила Тори, совершенно не в курсе о моей ситуации.

Саманта снова захихикала, и я мысленно улыбнулся.

— Знаешь, Тори, должна заметить, что доктор Роман очень симпатичный мужчина. А теперь, давай дочитаем книжку?

Она считает меня красивым. Ее слова, казалось, растворили все мои мысли. Теперь там была только она.

Я сидел и слушал, как Саманта читает Тори книгу. Время от времени Тори останавливала ее и задавала вопросы, как любой нормальный ребенок ее возраста, но что-то произошло в этот момент. Увидев ее с Тори, услышав, как она разговаривает с девочкой и как хорошо к ней относится, я вдруг все понял.

Я влюбляюсь в Саманту. На самом деле знаю, что уже влюбился. Она замужем, но она идеальна во всех аспектах. И вот она здесь, встречается с моими пациентами, с теми, которые мне важнее всего, когда ей вовсе не обязательно это делать. Она несет свет в жизни других людей, даже когда ее никто об этом не просит.

Остановив медсестру, я усадил ее рядом с собой.

— Леди в палате Тори... как давно она здесь? — спросил я.

— Миссис Олдридж? — уточнила медсестра, нахмутив брови.

Я был удивлен, что она знает фамилию Саманты.

— Да. Она здесь давно?

— Сегодня нет, но она приходит минимум один раз в день, чтобы проведать детей. Им она, кажется, нравится.

Я кивнул.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Что-то теплое расцвело в моей груди и затем распространилось по всему телу. Саманта Олдридж великолепна. Она даже не представляет насколько.

Пришло время посмотреть правде в глаза. Слишком поздно. Не знаю, как это случилось, и, Боже, я не планировал ничего такого, но я влюблен в нее. Она что-то сделала со мной — изменила образ моего мышления, мои чувства. Пробылась сквозь мой профессионализм и щедро одарила чувствами, которых, я думал, у меня никогда не будет.

Можно отрицать сколько угодно, но я хочу, чтобы она стала моей. Хочу надежно спрятать ее ото всех, кто может заставить ее думать, что она не прекрасна. Но правда — бездушная стерва, которая причиняет боль. Саманта никогда не будет моей. Этого никогда не случится, и это означает, что жестокое разочарование неизбежно.

Саманта

Прошло три дня, а от Романа не было никаких вестей. Мне ненавистно было думать, что что-то столь глупое, как выпивка и поцелуи, может разрушить дружбу, которая так много значит для меня. Впрочем, когда я думаю об этом, то понимаю, что случившееся между нами было больше, чем просто поцелуй.

Вспоминать, как горячо он ощущался у меня между ног или как приподнял свои бедра, желая большего... было невыносимо. Я была так сильно напряжена, что казалось, могу взорваться в любую секунду, если не получу хотя бы какую-то разрядку, но ее не будет ни от Майкла, ни, совершенно очевидно, от Романа.

Всякий раз, когда я звонила в клинику, он был занят, а когда звонила на его личный телефон, он переключался на голосовую почту. Меня игнорировали, официально, и мне было очень больно, хотя не должно было. Три дня... именно столько мне понадобилось, чтобы начать скучать по Роману. Майкл уезжал из города на несколько недель, и я не скучала по нему так сильно. Это неправильно... так неправильно.

Роман игнорировал меня. После того как Майкл толкнул меня и оставил на коже синяки, я игнорировала его. Если бы не Дьюк, я бы осталась на выходные совсем одна, но, тем не менее, я избегала Майкла. Ситуацию можно было бы посчитать забавной, если бы я не думала, что, наверное, схожу с ума. Я волновалась о том, что Роман никогда больше не заговорит со мной гораздо больше, чем о том, что огорчила Майкла. И это делало меня самой худшей женой.

Я продолжала ездить в больницу Святого Винсента, навещая детей каждый день. Проводить с ними время было просто замечательно. Я видела, как они спокойно воспринимают свои ожоги и шрамы, и у меня поднималось настроение. Нельзя не отметить, что сами дети были чудесными. Я получила диплом по дошкольному воспитанию, когда была моложе. Общение с детьми показало, как сильно мне хочется преподавать. Я отказалась от этой мечты в ту минуту, когда вышла замуж за Майкла. А еще, общение с детьми помогло осознать, как сильно я хочу своего собственного ребенка.

В понедельник утром я проснулась и обнаружила внизу завтракающего Майкла. Обычно он бесследно исчезает из дома к тому моменту, когда я просыпаюсь, так что было странно видеть его на кухне, поедающего яичницу и читающего газету.

— Доброе утро, Сэм, — сказал он, когда я зашла на кухню.

Я хотела продолжить игнорировать его, но мне стало любопытно, что он замышляет.

— Доброе утро, — ответила я.

Когда я подошла к столу, он удивил меня тем, что встал и выдвинул для меня стул. Это было похоже на то, как будто я оказалась в параллельной реальности.

— Я сварил кофе и пожарил яичницу, если ты голодна, — он улыбнулся мне.

Он был похож на прежнего Майкла — того, за которого я вышла замуж много лет назад, но все же что-то изменилось. Что-то умерло.

— Спасибо, — неуверенно ответила я.

Я села, и он поставил передо мной тарелку с яичницей и чашку с кофе. Он даже не забыл, какой я люблю кофе — две ложки сахара со сливками. Кофе оказался горячим, когда

я сделала глоток, и яичница была очень вкусная.

Протянув руку, Майкл пробежался пальцами по моей руке и по фиолетовым синякам, которые он оставил.

— Я никогда раньше не поднимал на тебя руку. Это никогда больше не повторится, — заявил он.

Это не было похоже на извинение, но я приняла его. Его пальцы двигались по моей руке вверх к плечу, которое он обхватил своей ладонью и виновато мне улыбнулся. Но все же, все это было очень странно. Не знаю, из-за него или из-за меня, но за последние пару недель все изменилось. Изменения — вещь довольно пугающая. Особенно когда не понимаешь, что именно изменилось.

Следующее утро я провела на пляже, искала ракушки для Тори, пока в мои дорогие туфли набивался песок. Это напомнило мне о Романа. К тому же было весело играть с ней, притворяясь, что она русалка. Я даже купила ей несколько рубашек с русалками, в которые она буквально влюбилась. Я была счастлива, что могу сделать ее счастливой.

Я шла по коридору в сторону палаты Тори, и в моих руках была куча игрушек. Я улыбнулась медсестрам, когда проходила мимо. Они оказались очень милыми дамами — всегда делали все для детей. Я обожала их и все, что они делали.

Я уже почти вошла в палату Тори, когда услышала Романа. Низкий тембр его голоса прошел сквозь меня, и в груди стало легко, как будто тяжесть, о существовании которой я не знала, исчезла. Затем я услышала женский смех, и тяжесть снова навалилась на меня. Я увидела красивую женщину, которая обнимала Романа.

И тогда случилась очень странная вещь. Во мне вспыхнуло болезненное желание оторвать ее руки от его тела. Я не сторонник конфликтов. Особенно с тех пор, как ушла, когда застучала своего мужа, занимающимся сексом с другой женщиной. Тем не менее, с Романом я другая. Они не занимались сексом, но даже мысль, что она прикасается к нему, посылала огонь вверх по спине.

Желудок рухнул вниз, и неожиданно я почувствовала, что меня сейчас стошнит. Коридор завертелся вокруг меня, когда я подумала убежать куда-нибудь, куда угодно, лишь бы избежать открывшейся передо мной сцены. Но затем он рассмеялся, мое сердце оттаяло, и я не могла сдвинуться с места, не важно, как сильно этого хотела.

Роман

Я заканчивал обход пациентов в клинике Святого Винсента и размышлял, не позвонить ли Саманте, когда доберусь до машины. Прошло уже несколько дней, и я соскучился по ней. Мне, конечно же, придется притвориться, что я встречаюсь с ней исключительно ради ее воссоединения с Майклом. Ей вовсе не нужно знать, что с тех пор, как я высадил ее возле дома в тот вечер, когда мы немного перегнули палку в лимузине, я могу думать только о встрече с ней.

— Доктор Роман, как приятно снова видеть вас, — раздался сбоку от меня женский голос, прерывая мои размышления.

Обернувшись, я столкнулся лицом к лицу с Дафной Рейнс, всемирно известным детским хирургом из Вашингтона, с которой я встречался несколько лет тому назад. Я тогда только перебрался в Штаты, был молод, а она была красива. Даже сейчас, она по-прежнему красива, но она не стоит и мизинца Саманты.

— Доктор Рейнс, какой сюрприз. Что привело тебя в Майами? — спросил я, отворачиваясь и отходя от двери в палату Тори.

— Молодой человек на третьем этаже нуждался в моих целительных прикосновениях. Но довольно о работе. А ты, Роман? — тихо спросила она и прильнула ко мне. — Нуждаешься в моих целительных прикосновениях?

Мы расстались, когда я понял, что у нас разные цели. Если вкратце: она хотела спать с разными людьми, я же предпочитаю быть единственным. Мне всегда было любопытно, что бы подумали родители детей, которых она лечила, если бы они узнали о ее тайном пристрастии к сексу.

Но, тем не менее, тогда я попался прямо в ее соблазнительную ловушку. Ночь за ночью я проводил с ней, до тех пор, пока мне не стало казаться, что я больше не могу ходить, что больше не хочу ходить. И вот она стоит передо мной, смотрит на меня и улыбается своими пухлыми губами, как мне известно, очень умелыми губами, но когда закрываю глаза, все что я вижу, это милая Саманта с ее огромными карими глазами.

— Думаю, я пас, — сказал я как можно вежливее.

Неожиданно сбоку от меня послышался громкий шум, и, обернувшись, я увидел женщину, о которой только что думал. Она смотрела на меня.

Она нахмурилась и наклонилась подобрать то, что уронила. Там были ракушки и конфеты — все эти вещи заставили меня улыбнуться. Ее лицо покраснело, и она что-то бормотала себе под нос.

Отойдя от Дафны, я опустился на колени, чтобы помочь ей все подобрать.

— Не надо. Я справлюсь, — отрезала она.

Я отдернул руку, как будто она ударила меня. Но затем все равно продолжил помогать ей.

— Я серьезно, доктор Блейк. Оставьте.

В ее голосе звучала злость, и она ни разу после нашей первой встречи не называла меня доктором Блейком. Слова, срывающиеся с ее сладких губ, были больше похожи на оскорбления.

— Саманта? — тихо спросил я. — Что случилось?

И тогда она посмотрела на меня. Пламя, сверкающее в ее глазах, обожгло меня прямо там, где я стоял на коленях. Она злится. Уверен, это из-за того, что я поцеловал ее, а затем исчез, но ее ответ оказался совершенно неожиданным.

— Просто возвращайся к своей подруге, — негодуяще выдала она.

Я едва мог поверить этому. Саманта Олдридж ревнует. И хотя это было неправильно, я не мог не почувствовать себя счастливым из-за этого. Мои губы начали изгибаться в улыбке, и мне пришлось потрудиться и сохранить нейтральное выражение на лице.

Она встала и поправила пакеты в своих руках. Все это предназначалось для детей, и мое сердце растаяло. Когда я протянул руку, чтобы помочь ей, она снова отстранилась. В этот раз я не позволил ей. Схватил ее за локоть и заставил посмотреть мне в лицо. Она обвела взглядом коридор, не желая смотреть на меня. А я никогда не хотел ничего сильнее, чем чтобы она сейчас посмотрела на меня. Мне хотелось взглядом сказать ей, что она подумала неправильно.

— Спасибо, что приходишь проведать детей, — сказал я, пытаясь сменить тему разговора.

Она открыла рот, чтобы ответить, но тут возле нас показалась Дафна. Я уже почти забыл, что она была где-то рядом.

— Вижу ты занят. Встретимся позже, — сказала она.

Ее слова прозвучали кокетливо, и я заскрежетал зубами. Зачем она сказала это так, словно между нами что-то есть? Но с другой стороны, почему меня заботит, что она сказала это именно таким образом?

Лицо Саманты покраснело, и она отвела взгляд, стараясь сделать вид, что не обращает внимания на разговор между мной и Дафной.

Я кивнул Дафне и подождал, пока она уйдет, прежде чем снова заговорить с Самантой.

— Мне нужно идти, — сказала она, отступая на шаг от меня.

Когда я остановил ее, положив ладонь ей на руку, она посмотрела поверх моего плеча.

— Саманта, — мягко позвал я. Я хотел сказать так много того, чего не имел права говорить, но вместо этого молчал. А затем ее темные глаза посмотрели на меня, и я почувствовал, что снова могу дышать. — Давай пойдём проведем Тори.

Забрав у нее из рук несколько пакетов, я взял ее за локоть и повел в палату Тори.

Я, как обычно, осмотрел Тори и был очень рад, что ее состояние улучшилось. Она была в хорошем настроении и улыбалась Саманте, пока перебирала ракушки, которые та ей принесла.

Согрев мембрану стетоскопа своим дыханием, я прижал ее к груди Тори, придерживая за провод, чтобы лучше слышать. Переместив мембрану на спину, чтобы прослушать легкие, я обрадовался, что там не оказалось жидкости. По сравнению с ее состоянием через неделю после госпитализации из-за очень серьезного воспаления легких, это прогресс, ведь тогда в ее легких постоянно находилось немного жидкости.

— Дела, кажется, идут отлично, — сообщил я, вытаскивая наушники стетоскопа из ушей и вешая его на шею.

— А как же она? — спросила Тори, указывая на Саманту. — Ты должен проверить и ее сердце тоже.

— Ты совершенно права, Тори, — я улыбнулся Саманте. — Я, безусловно, должен проверить миссис Олдридж.

Посмеиваясь про себя, я взял стетоскоп и вставил наушники обратно в уши, блокируя все звуки в комнате вокруг меня. Когда я сделал шаг к Саманте, она выпрямила спину и улыбка пропала с ее лица. Мы смотрели друг на друга, когда я приложил мембрану к мягкой коже в том месте, где пуговички ее блузки были расстегнуты.

В ушах у меня раздался размеренный ритм биения ее сердца. Когда я слегка сместил мембрану, ее сердце пропустило удар, а затем ритм ускорился. Она тяжело дышала, в ее взгляде отчетливо читалась нервозность.

Я заставляю ее сердце биться чаще?

— Ты нервничаешь? — прошептал я.

Ее кожа покраснела, и она с трудом сглотнула. Ее сердце снова пропустило удар и забилось еще быстрее.

— Я заставляю тебя нервничать? — снова осторожно спросил я так, чтобы Тори не услышала.

Она кивнула и сделала глубокий вдох.

Мне понравилась ее реакция. Она в некотором смысле совпадала с моей. Кончиком пальца я убрал выбившуюся прядь ее волос, упавшую на стетоскоп. Она закрыла глаза и выдохнула, и я услышал, как ее сердцебиение ускорилось.

— Она в порядке? — громко задала вопрос Тори, возвращая меня к реальности.

Вытащив наушники, я снял стетоскоп с шеи и засунул его глубоко в карман своего халата.

— С ней все в порядке, — сказал я, пожирая Саманту глазами.

Десять минут спустя я попрощался с обеими девочками. Казалось, что стены комнаты сжимаются вокруг меня, а у меня было назначено еще несколько встреч до конца рабочего дня. Мне нужно было оставаться собранным.

Как только я сел в машину, я вытащил телефон и, пока мужество не покинуло меня, отправил ей сообщение.

Я: Ужин сегодня вечером в семь?

Она будет считать, что мы продолжаем исцеление. Ей не нужно знать, что ужин с ней скорее для меня, чем для нее.

Ответ от нее пришел, когда я уже вернулся в клинику и просматривал карточки пациентов. Вытащив телефон из кармана, я улыбнулся.

Саманта: Назови место и я буду там.

И вот я сижу напротив нее и заказываю ужин. Не знаю, что вынудило меня пригласить ее на свидание, но меня тянет к ней, и еще я очарован ее реакцией на меня и другую женщину. Из-за этого я чувствую что-то, что не в силах описать. Ненавижу это ощущение.

Ужин это же просто ужин. Ничего серьезного. Кому есть дело до того, что взглядом я слежу за тем, как она подносит вилку ко рту и кладет кусочек себе в рот, что мое тело реагирует на то, как ее губы обхватывают вилку, и что жует она так, словно еда — это сплошное наслаждение. Приятно наблюдать за женщиной, которая ест, не ограничивая себя, а не съедает три кусочка, оставляя все блюдо портиться на тарелке.

Нет. У Саманты Олдридж здоровый аппетит и, кажется, когда дело касается ее, и у меня тоже.

Сделав глоток вина, она облизнула губы. Она не знает, что делает. Совершенно не

замечает, что соблазняет меня, но именно это происходит. Если бы Саманта только знала, какая она соблазнительная и красивая. Именно в этом заключался мой план — показать ей то, что вижу я. То, что, я уверен, также видят и другие мужчины. Как только у нее получится понять это, все окажется на поверхности и Майкл тоже заметит это.

Я хочу ее, но я, правда, также хочу помочь ей. Если Майкл тот, кто сделает ее счастливой, тогда я сделаю все, что в моих силах, чтобы она получила его.

— Итак, расскажи мне, Роман, — она промокнула свои пухлые губы салфеткой, — каким будет следующий этап проекта «Саманта»?

Улыбаясь, я сделал плоток вина и поставил бокал обратно на стол. Я не понимал, как близко находились наши руки, пока случайно не зацепил костяшками пальцев ее кисть.

— Уверена, что не хочешь дождаться пока мы окажемся в уединении моего кабинета?

Это прозвучало сексуально. Я не планировал, чтобы мои слова прозвучали таким образом, но, очевидно, она поняла их именно так, потому что мило покраснела.

— Я хотел сказать, что...

Она прервала меня.

— Я поняла, что ты имеешь в виду, — она улыбнулась мне с противоположной стороны стола, отвела взгляд и сосредоточила свое внимание на ножке винного бокала.

— Ты должна чувствовать себя сексуальной, — выпалил я. К черту мой долбаный рот. Очевидно, сегодня он живет своей собственной жизнью.

— Прости, что? — переспросила она, краснея еще сильнее.

— Я хотел сказать, что тебе необходимо надевать то, в чем ты будешь чувствовать себя привлекательной, — я поперхнулся словами и сделал огромный плоток вина, прежде чем закончил свою мысль. — То, как женщина ощущает себя, обычно отражается в ее глазах. Когда она чувствует себя привлекательной, это заметно всему миру. Уверенность, Саманта, самый сексуальный аксессуар, который может надевать женщина. Когда чувствуешь себя уверенно, это заметно всем окружающим.

Боже, помоги мне. Она придет ко мне в клинику и будет при этом выглядеть так же аппетитно, как еда, лежащая передо мной на тарелке, и я захочу ее съесть. Мне пришло в голову, что я ведь мучаю себя. Как обычная встреча с пациентом могла вылиться во что-то выше моего понимания. Меня влечет к этой женщине так сильно, как не влекло ни к кому уже очень долгое время. И я собираюсь усложнить все еще больше. Каламбур.

— Ладно, я выясню это, — ответила она с улыбкой.

И еще я кое-что понял о себе — мне нравится вызывать улыбку на ее лице. Каждый раз, когда она улыбается, я словно получаю заряд энергии на целый день. От этого я чувствую себя сильнее, мужественнее. Приятное чувство.

Мы закончили ужин, я оплатил счет, мы вышли из ресторана и каждый неловко пошел своей дорогой.

Когда я приехал в клинику на следующий день, у меня было назначено еще три встречи. Я постарался уделить каждому пациенту необходимое внимание, но, тем не менее, мысленно постоянно возвращался к Саманте и тому, что она наденет, когда придет сюда.

Роман

Стоя возле огромного во всю стену окна в своем кабинете, я смотрел на противоположную сторону улицы. У меня практически никогда не было свободного времени между пациентами, чтобы сидеть и думать, но я знал, что скоро придет Саманта, а мне нужна трезвая голова.

Всю ночь я мысленно перечислял причины, по которым мои чувства и мысли о Саманте были неправильными и когда проснулся, моя сила воли стала крепче. Она моя пациентка, а я ее доктор и обещал ей помочь. Так что я помогу ей, но на этом все и закончится. Не будет больше горячих поцелуев или прикосновений. Не будет больше непристойных мыслей. Я позабочусь об этом.

Раздался легкий стук в дверь, я обернулся и увидел Белинду, новую медсестру, она стояла у двери, улыбаясь.

— Доктор Блейк, миссис Олдридж пришла на встречу с вами.

Кивнув, я поправил халат и сел за стол.

— Пожалуйста, проводи ее ко мне.

Я предполагал, что Саманта наденет что-нибудь сексуальное, но, когда она вошла в мой кабинет, я удивился, увидев на ней пару слаксов и простую блузку.

Она улыбнулась Белинде, прошла и села возле моего стола. Дверь закрылась, оставляя нас в кабинете наедине. Мои глаза пробежались по ее лицу, спустились ниже на шею и остановились на расстегнутом воротнике. Не знаю, как ей это удастся, но даже в простой одежде она выглядит сексуально.

— Саманта, — ее имя сорвалось с моих губ с небольшим придыханием, и я остановился, чтобы собраться с мыслями. — Как ты сегодня? — спросил я.

Она нервно пригладила волосы и опустила голову.

— Помню, ты попросил надеть что-нибудь сексуальное, но я не разбираюсь, что сексуальное, а что нет.

Или она действительно совсем не догадывается, или лжет. Тогда в баре, когда она пришла в коротком черном платье, мой член встал по стойке смирно и оставался в таком положении всю ночь. Саманта сексуальна и осознает она это или нет, она знает, как одеться, чтобы выглядеть таковой.

Я стоял в полной боевой готовности перед барьерами, которые воздвигал все утро, но когда стены кабинета начали давить на меня, я понял, что не понадобится много времени, прежде чем я начну разрушать их ради Саманты. Быстро вскочив, я обошел стол и направился к двери. Мне необходимо выйти из комнаты, где я нахожусь наедине с ней и вдыхаю сладкий запах ее духов, и нужно выйти быстро.

Она сидела возле моего стола и смотрела на меня так, будто я сошел с ума.

— Ты идешь? — позвал я.

— Куда мы идем?

Я открыл дверь, и свежий воздух из коридора ворвался в кабинет, обдувая мое лицо.

— За покупками. Вставай и пошли.

Я вышел из кабинета, и вскоре она догнала меня.

Поездка в дорогой бутик на Майами-Бич прошла спокойно. Мы оба осознавали присутствие друг друга, но никто из нас не знал, что сказать, и было сложно не упомянуть ту ночь в лимузине и снова извиниться. Я был пьян, но хорошо понимал, что происходит, а еще я знаю, как сильно хочу, чтобы это произошло снова.

Придержав для нее дверь, я последовал за ней в отдел, где было полно женской одежды. Я чувствовал себя там не в своей тарелке, но, по крайней мере, мы были не одни. Я мог выполнять свою работу, отбросив опасения, так как мы были окружены людьми.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь мы что-нибудь купим, — ответил я.

По привычке я положил руку ей на поясицу и повел вглубь магазина. Затем услышал, как она сделала резкий вдох, и быстро убрал от нее руку.

Встав рядом, я наблюдал, как она перебирала вешалки с одеждой. Продавец-консультант подошла и спросила, нужна ли нам помощь, но мы заверили ее, что сами прекрасно справимся. Хотя спустя полчаса наблюдения за Самантой, я посочувствовал ей. Она действительно понятия не имеет, что смотрится на ней хорошо.

— Эм. Думаю, помощь все же не помешает, — сказала она, улыбаясь мне поверх вешалок с одеждой.

Она восхитительна.

— Хмм... давай посмотрим, — сказал я, оглядываясь по сторонам.

Мой взгляд остановился на платье золотистого цвета, висящее в другой части магазина напротив нас. Шелк струился, как жидкое золото, а верх был без бретелей, и я представил Саманту в этом платье с неприкрытыми красивыми плечами и шеей.

Я направился туда через весь магазин, и она пошла за мной.

— Это, — указал я на платье. — Я бы хотел увидеть тебя в этом.

— Даже не знаю, Роман, — нервно сказала она, встав рядом со мной.

Отбросив ее страхи, я позвал консультанта, попросил ее принести нужный размер и отнести платье в примерочную. Саманта нервно суетилась, пока консультант несла платье и затем приглашала Саманту войти в примерочную.

Я сел возле примерочных и стал ждать.

— Хочу увидеть платье до того, как ты его снимешь, — крикнул я со своего места.

— Да. Да. Да, — пошутила она.

Я слышал, как внутри она сражается с платьем — несколько крошечных ругательств были произнесены шепотом. Я не удержался и тихонько фыркнул себе под нос.

— Там внутри нужна помощь? — спросил я.

Когда эти слова слетели с моих губ, я мысленно пнул себя. Находиться в крошечном пространстве с полуобнаженной Самантой Олдридж не самое умное решение.

— Если честно, я бы воспользовалась твоей помощью, — крикнула она в ответ.

Я снова пнул себя.

Я встал, остановился возле двери и ждал, пока она откроет мне. А затем я увидел ее, она стояла там, такая красивая в этом великолепном платье. Лампочка на потолке заставила кожу Саманты сиять, и мне еще сильнее захотелось целовать ее плечи. Наши взгляды встретились, и легкий румянец окрасил ее щеки. Ее карие глаза казались темнее, чем обычно, словно все самые великие тайны мира были спрятаны за ними.

С трудом сглотнув, я подошел ближе к ней. Она повернулась, приподняла волосы с

плеч, показывая, что не смогла застегнуть молнию на спине. Желание прижаться губами к задней части ее шеи было очень сильным. Прочистив горло, я протянул руку и застегнул молнию.

— Вот и все, — сказал я.

И тогда я увидел, что она, не таясь, смотрит на мое отражение в зеркале, и наши взгляды встретились. Она красивая. Больше чем просто красивая.

Я накрыл ее плечо своей ладонью и провел вниз вдоль всей руки. Мы по-прежнему смотрели друг на друга, и я заметил, как ее щеки снова мило покраснели.

— Ты такая красивая, Саманта, — прошептал я.

И тогда она посмотрела вниз на себя и сделала глубокий вдох.

— Я выгляжу растолстевшей и старой, — сказала она, одергивая подол платья вниз.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я.

Ее глаза снова встретились с моими в зеркале.

— Делаю что?

— Каждый раз, когда я думаю, что мы добились успеха, и ты наконец-то начала открываться и понимать, какая ты чудесная, ты говоришь что-то негативное о себе, как вот сейчас.

Опустив взгляд, она покачала головой.

— Честно? Не знаю. Полагаю, я так запрограммирована или что-то в этом роде.

— Посмотри на себя, Саманта. Посмотри, какая ты красивая.

Но она, тем не менее, не посмотрела на свое отражение. Я заметил это. Она могла смотреть в зеркало на меня, но не могла смотреть на себя. Вместо этого она посмотрела вниз на платье, словно этого было достаточно.

— Нет. Я хочу, чтобы ты посмотрела на свое отражение в зеркале, — потребовал я, приподнимая ее подбородок, чтобы она могла увидеть.

Она отстранилась, отвернула голову и снова посмотрела вниз. Пальцем я очертил линию ее подбородка, затем спустился к шее. Я чувствовал, как сильно бьется ее пульс под моим пальцем.

— Предполагается, что ты согласишься в зеркало, а не вниз, — пожурил я, приподнимая ее подбородок выше так, чтобы она увидела себя.

Но она снова отвернулась.

— Это смешно, Роман, — она наигранно ухмыльнулась. — Я знаю, как смотреться в зеркало.

— Да неужели? — спросил я. — Тогда почему ты не делаешь этого? Наоборот, ты делаешь что угодно, но в зеркало не смотришь.

Она действительно не смотрела. Теперь, когда она не смотрела на меня, ее глаза блуждали по примерочной, словно ей было противно видеть свое отражение.

Я придвинул ее ближе к зеркалу, и снова она отстранилась и отвернулась.

— Посмотри в зеркало, Саманта, — строго сказал я.

Она закрыла глаза и с досадой вздохнула.

— Снова, во избежание недоразумений, хочу заметить, что это смешно.

И все же она не посмотрела в зеркало.

— Отлично, — сказал я более мягким тоном. — Это смешно, но, пожалуйста, постарайся. Ради меня.

Ее глаза встретились с моими в зеркале и удерживали мой взгляд, вышибая из меня дух

и вынуждая снова отвести взгляд. Наконец, она отвела глаза и посмотрела в зеркало на себя. Счастье, которое я видел в ее глазах, медленно пропало, и я сразу же ощутил, как мне чего-то не хватает. Мне хотелось ударить себя за то, что ее улыбка исчезла из-за моей настойчивости.

— Что ты видишь? — спросил я.

Я знаю, что вижу, и это женщина в цвете лет. Женщина, которая ждет, чтобы ее выпустили из запертой скучной раковины. Вижу женщину... мягкую и милую, с формами, которые я бы с удовольствием приласкал. Женщину такую милую и невинную, что она до сих пор способна краснеть. Женщину, которая жаждет прикосновений своего мужа и умоляет взглядом хотя бы о грамме внимания от кого-либо.

— Не делай этого со мной, — печально прошептала она.

Ее плечи снова напряглись. Лицо стало напряженным.

— Не делать чего? — мой голос дрогнул.

В примерочной было слишком тихо. Звуки ее дыхания казались слишком громкими. Интимность, которой я не ожидал, вспыхнула именно в этот момент.

— Не заставляй меня говорить, что я вижу.

Я хотел услышать ее ответ больше чем что-либо. Возможно, несколько эгоистично с моей стороны заставлять ее проходить через это. Особенно после того, как она так мило меня об этом умоляла, но все же это нужно сделать. Она должна знать, что в этом зеркале кроется нечто гораздо большее. Что-то, за что такие мужчины, как я, готовы были бы отдать все.

— Расскажи мне, что ты видишь, — повторил я свою просьбу.

По ее щеке скатилась слезинка, унося вместе с собой кусочек моего сердца.

— Я вижу девушку, которая не может сделать счастливым своего мужа. Вижу стареющую женщину, которая хочет быть красивой, как те девушки, которых хочет ее муж, — вниз покатила еще одна слеза. — Я вижу незнакомку, чей муж не прикасался к ней уже больше года, потому что она слишком отвратительная.

И прежде чем я сумел остановить ее, она рванулась к двери. Я быстро схватил ее за руку и потянул обратно. Она врезалась в меня и разрыдалась у меня на груди. И хотя знал, что это неправильно, я развернул ее в другую сторону от зеркала и обнимал, пока она плакала.

Я зарылся лицом в ее волосы и глубоко вдохнул. Ее запах наполнил мои легкие и я понял, что я самый низкий из всех самых низких людей в этот момент. Она стоит здесь и у нее нервный срыв, а я стою, и, пользуясь моментом, эгоистично вдыхаю ее запах.

Просто чудесно ощущать ее в моих руках. Мне никогда не захочется отпускать ее, но я должен. Она не моя, чтобы удерживать ее. Никогда не будет моей.

Я повернул голову набок, пока держал ее, и посмотрел на наше отражение в зеркале. Мы тесно прижались друг к другу, пока она цеплялась за меня. Она прекратила плакать, но все еще крепко держалась за меня. Мой взгляд медленно прошелся по ее длинным светлым волосам вниз по всему ее телу. И тогда я увидел его.

Отвратительный черный синяк на ее предплечье — совершенно точно отпечаток пальцев, повредивших ее красивую кожу. Глубоко во мне вспыхнул гнев, которого я никогда до того не испытывал. Отстранившись и забыв обо всех пролитых ею слезах, я коснулся ее руки на месте синяка и она вздрогнула.

Я посмотрел ей в глаза, чтобы увидеть реакцию, но не увидел ничего. Вместо этого я смотрел в покрасневшие глаза, полные боли и смущения.

— Кто это сделал? — задал я вопрос, и еще раз провел пальцем по синяку.

Она напряглась, а затем ее губы растянулись в вынужденной улыбке.

— Никто. Просто я снова была несколько неуклюжа, — ответила она.

Ложь. Она лгала мне, и я понял это. Я видел это по напряженности в ее глазах и улыбке.

Этот ублюдок поставил ей синяк, и пока я стараюсь изо всех сил, чтобы сделать Саманту счастливой, я не стану молча сидеть и позволять человеку, которого она любит, обижать ее.

Я отстранился.

— Нам пора ехать. У меня назначена встреча через час, — солгал я.

Правда в том, что я больше не мог стоять и смотреть на ее синяк. Мне действительно нужно вырваться из этого крошечного пространства, прежде чем сорвусь. Дело в том, что я на самом деле люблю Саманту... и убью любого, кто причинит ей боль.

Саманта

Методика исцеления Романа работает, только когда он рядом со мной. Он — источник моей уверенности. Рядом с ним я чаще улыбаюсь и более счастливая, но эти мысли стараюсь спрятать где-нибудь глубоко.

После его милых слов в примерочной я почувствовала, что горы могу свернуть. Роман считает меня красивой. Он говорил это раньше, но когда сказал это в последний раз, мне показалось, что он говорит правду. Я поняла это по тому, как он относится ко мне — как смотрит на меня. Мне нужно все, что он может дать мне, но я не должна забывать, что мне нужно все это от Майкла, а не от Романа.

После того как мы вернулись к клинике и я вышла из машины Романа, я села в свою и вернулась в бутик. Консультант помогла мне подобрать несколько вещей, которые выглядели на мне сексуально, и я вышла из магазина с кучей пакетов с одеждой, которую планировала надевать для Майкла.

Я затащила пакеты в дом и со вздохом уронила их на пол. Швырнув сумочку на столик возле входной двери, отправилась наверх в спальню, чтобы начать просматривать покупки.

— Ты где была? — раздался голос Майкла из-за спины.

Я повернулась и увидела, что он стоит в дверях спальни, гневно хмурия брови.

— Ездила за покупками, — ответила я, отворачиваясь, чтобы вытащить свою новую одежду.

Я практически могла видеть, как он закатил глаза у меня за спиной, и услышала, как он вздохнул. Затем он подошел ко мне и взял пару черных кружевных трусиков, когда я вытащила их из пакета.

— Вижу, ты снова пытаешься, — пробормотал он.

Именно тогда я заметила оскорбительную интонацию в его словах. Я повернулась посмотреть на него и увидела, что его глаза остекленели. Он уже успел сегодня присосаться к бутылке со скотчем, а это означает, что он проиграл дело.

Поправив галстук, он одернул рукава своего дорого пальто. Майкл выглядел хорошо, но я не собиралась тратить на это время и говорить ему об этом. По его выражению лица итак понятно, что он уже знает это.

Впервые за долгое время он не казался мне симпатичным. Всезнающая ухмылка на лице и тщательно уложенные с помощью геля волосы смущали. У Романа же, напротив, милая улыбка — честная, с ямочками на щеках. Его волосы частенько взлохмачены, но этот небрежный стиль располагает к нему. Он часто бывает небрит, и, вспомнив, как его колючая щека прикасалась к моей на заднем сиденье лимузина, я задрожала.

Неожиданно у меня пропало желание красиво наряжаться для Майкла. Почему он не может любить меня такую, какая я есть? Почему мне нужно из кожи вон лезть, чтобы возбудить его?

— Не знаю, что ты имеешь в виду. Я ничего не пытаюсь.

Обойдя вокруг него, я проскользнула вдоль стены и ушла.

Он спустился вниз, следуя за мной по пятам. Я вошла на кухню и потрепала Дьюка по голове, а когда повернулась, увидела что Майкл стоит рядом, уперев руки в бока.

— Что с тобой происходит? — поинтересовался он.

— Понятия не имею о чем ты, — честно ответила я.

Ничего со мной не происходит. Я просто устала пытаться, когда речь заходит о нем. Что я ни делаю, это ничего не меняет. Так в чем смысл? Мне с трудом удалось вспомнить, за что конкретно я борюсь.

— Нет. Ты изменилась. Раньше ты никогда не уходила от меня вот так, и если честно, не думаю, что мне нравится твое такое поведение.

Снова я посмотрела на него, и снова, он смотрел на меня иначе.

— Серьезно, Майкл. Не будь ребенком. Ты, кажется, собирался отправиться в какое-то важное место. Иди. А я посмотрю, смогу ли заняться чем-нибудь, пока тебя нет.

Я отвернулась от него, открыла дверцу холодильника и начала искать бутылку воды.

— Ты даже не собираешься спросить, куда я отправляюсь? — его голос эхом отразился от кафеля на кухне.

В его голосе послышалась незащищенность, из-за чего он стал похож на того, старого Майкла, но все равно, я почувствовала раздражение. В любое другое время он бы ушел, наплевав на меня, но опять же, разве он не делает сейчас именно то, что я хочу, чтобы он делал?

Выпрямившись, я закрыла дверцу холодильника и облокотилась на нее.

— Мне жаль. Ты прав. Куда ты собрался? — спросила я.

Его взгляд пробежался вниз по моему телу, а затем он посмотрел мне в глаза. Такое случалось редко, и в любой другой раз я бы наслаждалась нашим зрительным контактом, но не сейчас. Я отвела взгляд, делая вид, что поправляю блузку.

— Трахаешься с кем-то? — внезапно спросил он.

В этом весь Майкл. Я гадала, когда он вернется ко мне. Я подняла голову, ошарашенная, и посмотрела на него в ужасе.

— Ты на полном серьезе снова задаешь мне этот вопрос? — парировала я.

— Отвечай на вопрос, Саманта, — он использовал тон профессионального юриста — неумолимый тон, отмечающий любые аргументы.

— И что ты скажешь, если я отвечу «да»? — я едва могла поверить, что эти слова сорвались с моих губ, но наслаждалась эффектом, который они произвели. — Не секрет, что у тебя немало женщин. Почему те же правила не могут распространяться и на меня?

Я блефовала. Другие мужчины едва ли замечали меня. За исключением поцелуя с Романом, который, я уверена, никогда не повторится снова, я была верна Майклу.

Он пересек кухню, подошел ко мне и схватил меня за руку. Его пальцы сжались на моем предплечье, сдавливая кожу. Его лицо покраснело, а ноздри трепетали.

— Ты моя. Поняла? Кто бы он ни был, избавься от него или это сделаю я.

Это угроза? Похоже на угрозу, но я не уверена. Конечно же, иррациональная часть меня расцвела от его ревности. Что я за чокнутая женщина? Я по-прежнему чувствую, будто его реакция означает, что я все еще небезразлична ему. Если мысли о руках другого мужчины на моем теле до такой степени сводят его с ума, значит, он все еще любит меня.

Когда он отпустил мою руку, я отошла и потеряла места, куда вцепились его пальцы. Взглядом он проследил за моими движениями, и сожаление проскользнуло в его глазах. Затем он развернулся и ушел, оставив меня одну стоять на кухне и гадать, куда он собрался.

Этим вечером я сделала вид, что сплю, когда он вернулся домой. Он прошел рядом с кроватью, и когда я почувствовала запах женских духов, мое сердце снова разбилось. В душе

зашумела вода, и дверь в ванную тихо закрылась. Крошечная слезинка стекла вниз по моей щеке, перед тем как я уснула.

Когда я проснулась на следующее утро, Майкл уже ушел на весь день. С новыми силами я подошла к гардеробу и вытащила белое платье, которое купила накануне. Милое летнее платье с пояском на талии, в котором я почувствовала себя хорошенькой. Если Роман хочет, чтобы я одевалась сексуально, то я буду одеваться именно так.

Приняв душ и уложив волосы, я нанесла макияж, надела платье и украшения. Перед выходом я еще раз проверила, как выгляжу в зеркале. Мы с Романом не назначали встречу, но после того, как вчера вечером я почувствовала запах женских духов на Майкле и вспомнила все те нежные слова, которые Роман сказал мне накануне, я была несколько не в себе.

Пока я сидела в приемной и ждала, когда меня позовут, в моей груди бурлило волнение. Я дожидаться не могла, когда увижу реакцию Романа на мой внешний вид. Майкл уже довольно ясно дал понять, что я выгляжу нелепо, надевая такие наряды, но, может быть, он просто пытался как обычно унизить меня.

Новая медсестра провела меня в обычную смотровую, а не в кабинет Романа. Не знаю, то ли потому, что она новенькая, или потому, что мне не было назначено, в любом случае, когда я вошла и увидела кушетку, застеленную бумажной простыней, я почувствовала, как щекам стало жарко.

Оказавшись в комнате, я сняла пиджак. Меня приветствовала тишина, пока я нетерпеливо ждала знакомый щелчок его планшетки и легкий стук в дверь. Когда стук наконец-то раздался, я подпрыгнула и встала, поправляя платье. Я напряглась, когда он вошел в смотровую.

Глядя в планшечку, он поздоровался.

— Доброе утро, Саманта. Надеюсь, сегодня ты чувствуешь себя хорошо?

Затем он поднял взгляд и его глаза распахнулись, когда он медленно проследовал взглядом от лица вниз по всему моему телу к ногам. Я инстинктивно расправила плечи, зная, что платье слегка приподнимется, и мои ноги станут видны. Не знаю, как Роман, но благодаря ему я чувствую себя бесстыдной и смелой.

— Черт возьми! — прошептал он себе под нос, и его глаза снова вернулись к моему лицу.

Из-за его реакции я занервничала. Может быть, он думает то же самое, что и Майкл. Может, считает, что я слишком стара, чтобы носить такое сексуальное платье. Я опустила руки, чтобы немного прикрыть ноги, и робость снова овладела мной.

— Что, все так плохо? — спросила я. — Ты сказал, что я должна носить то, в чем чувствую себя сексуальной и хорошенькой и вот, я...

— Совершенно прекрасно, — прервал он мою речь.

Жар снова прилили к щекам, и прошел через все мое тело.

Он прочистил горло и прошел к своему месту. Поправил свой белый халат, прикрывая очевидную выпуклость на его медицинской форме.

— Я хотел сказать, ты выглядишь очень мило, Саманта.

Мне нравится, как он произносит мое имя. Он не называет меня Сэм, из его рта не сочится презрение, как это получается у Майкла. Он произносит мое имя так, словно я человек, и мое имя приятно ощущается на языке. Это странным образом возбуждает меня.

— Спасибо, — сказала я.

Сев, я закинула ногу на ногу и положила руки на колени. Я заметила, как он снова скользнул взглядом по моим ногам.

— Так, как дела дома? — спросил он.

Его вопрос застал меня врасплох. Странно, что он смотрел на меня вот так и при этом спрашивал, как дела у нас с Майклом.

— Э, ситуация изменилась, — сказала я.

Его глаза изучили мое лицо, затем он отвел взгляд и спросил:

— Изменилась в какую сторону?

Я рассказала ему все, что произошло после того, как вернулась домой из магазина. Я честно рассказала ему все. Его челюсть напряглась, когда я упомянула, как Майкл вцепился в мою руку. Я закончила рассказ на том, как он вернулся домой, и от него пахло другой женщиной. Я почувствовала, как глаза наполняются слезами от моей истории, и опустила голову. Мне уже не так больно, но я все равно в замешательстве от того, что мой муж так открыто изменяет мне.

Я ахнула, когда почувствовала прикосновение его теплых пальцев к моему подбородку. Он приподнял мое лицо и посмотрел мне в глаза.

— Он идиот, Саманта. Не стоит проливать слезы по этому мужчине.

Его палец двинулся вверх, чтобы стереть горячую слезу, которая катилась из уголка глаза вниз по щеке.

Я кивнула, так как голос изменил мне. Его рука двинулась выше, он зарылся пальцами мне в волосы, и я закрыла глаза от ощущения этого прикосновения. Другой рукой он обхватил мою щеку, и я прижалась к его ладони.

— Ты такая красивая, — прошептал он мне.

А затем он наклонился и поцеловал меня. Схватив его за руки, я поцеловала его в ответ. Встала, не прерывая поцелуя, и придвинулась к нему, жар его тела успокаивал меня, и Роман застонал.

Когда я приоткрыла рот, его язык скользнул внутрь, и я почувствовала его вкус на своем языке. Мои пальцы запутались в его волосах, когда я углубила наш поцелуй. Я не могла насытиться.

Он подталкивал меня назад до тех пор, пока мои бедра не коснулись края кушетки. Бумажная простыня, покрывающая кушетку, шумно зашуршала, когда я прижалась к ней. Инстинктивно, я слегка раздвинула ноги, позволяя ему вклиниться между моих бедер. Его эрекция прижалась к моим белым кружевным трусикам. Отстранившись, он обхватил мое лицо ладонями и, тяжело дыша, посмотрел на меня.

— Что ты делаешь со мной? — спросил он, в его глазах плескалось замешательство.

А затем его губы опять коснулись моих, и я ответила на поцелуй. Он отпустил мое лицо и обхватил рукой под коленкой. Медленно его рука поползла вверх по моей ноге под платье, пока не сжала мое бедро. Платье задралось вверх, открывая ему вид на мои трусики, но мне было все равно.

Выпрямившись, он посмотрел вниз, закрыл глаза и зарычал. Проведя рукой вверх по его груди, я сдернула белый халат с его плеч, оставив его стоять передо мной только в голубой медицинской форме. Он такой сексуальный. Пряди волос упали на глаза, когда он наклонился, углубляя и ускоряя поцелуй. Я вонзила ногти ему в спину, а он мягко прикусил мою нижнюю губу.

Он перемещал руку по моему бедру, пока его пальцы не начали тереть край моих трусиков, сводя меня с ума.

— Все нормально? — спросил он между поцелуями.

Мои бедра дернулись вперед, тело умоляло его о прикосновениях.

— Пожалуйста, Роман.

И тогда его рука проникла под трусики, и он прикоснулся костяшками пальцев к коже. Я была готова взорваться почти сразу же. Так долго. Прошло так много времени с тех пор, как ко мне прикасались подобным образом — с тех пор как мое тело было таким влажным и готовым.

Прервав поцелуй, я склонила голову набок и простонала его имя. Раздвинула ноги для него. Единственный звук, наполнявший комнату — наше затрудненное и частое дыхание.

За стенами смотровой шел своим чередом рабочий день, но внутри жара достигла максимума и я была близка к тому, чтобы нарушить клятву, данную девять лет назад. Тем не менее, в этот момент угрызения совести не мучили меня. Все это слишком правильно и ощущается слишком хорошо.

Большим пальцем он провел по клитору, и я закусила губу так сильно, что испугалась, что почувствую вкус крови.

— Ты такая влажная, дорогая, — прошептал он мне в шею, прежде чем всосать нежную кожу между зубами. — Скажи мне, чего ты хочешь, Саманта.

Как только он задал этот вопрос, он погрузил два толстых пальца глубоко в меня, от чего я выгнулась и снова дернула бедрами.

— Я хочу... — тяжело дышала я.

Я хочу его. На мне. Во мне. Вокруг меня. Мне нужен он.

Он вводил и выводил пальцы, кружа вокруг клитора и сводя меня с ума.

— Ты такая тугая, — сказал он, толкая пальцы еще глубже. — Когда у тебя был последний раз?

Я поняла, о чем он спрашивает, но соображала с трудом. Открыв глаза, я посмотрела на него.

— Год назад, — призналась я.

Этот ответ он и хотел услышать. Я поняла это по выражению триумфа на его лице.

— А когда ты последний раз кончала, дорогая? — спросил он.

В его сильном акценте слышалась нужда, пока он, не останавливаясь, погружал в меня пальцы снова и снова. Когда он подобрал ритм, комнату наполнили звуки, которые издавало мое влажное тело — они были громче, чем наше дыхание.

— Так давно... — с трудом выдохнула я.

Неужели это, правда, я? Женщина, в чьем голосе звучат соблазнительные нотки страсти, не может быть мной, но, тем не менее, это я. Роман воскресил эту женщину во мне и крепко удерживал на цепи своими длинными пальцами.

Потянувшись к нему, я вцепилась в завязки, удерживающие его медицинскую форму. Мне уже не было дела до того, что правильно, а что нет. Я хотела почувствовать его глубоко в себе. Хотела взорваться вокруг него так, как у меня никогда не было с Майклом.

Он остановил меня другой рукой и поцокнул языком.

— Нет, красавица. Позволь мне доставить тебе удовольствие.

Он прижался своим лбом к моему и мимолетно коснулся губ своими губами, пока продолжал кружить вокруг клитора большим пальцем и проникать внутрь.

Его дыхание коснулось моих губ, а мое — его губ, и я почувствовала, что внутри меня что-то напряглось.

— Так близко, — выдохнула я. — Пожалуйста, Роман. Так близко.

Он снова поцеловал меня и затем ответил:

— Кончай, дорогая. Я держу тебя.

Его слова подтолкнули меня к краю. Я вскрикнула, и он быстро закрыл мне рот рукой. Я кончала сильно и долго, мое тело вздрагивало рядом с его, пока я стонала ему в руку.

Он продолжал свою сладкую пытку, пока я не поняла, что больше не выдержу, и тогда он вытащил из меня пальцы. Холодный воздух ворвался внутрь, заполняя меня, и я задрожала. Живот болел от того, что я удерживала себя в этом странном полустоячем положении, поэтому я расслабилась и рухнула на кушетку.

Я глубоко дышала, пытаюсь выровнять дыхание, и почувствовала, как мне не хватает его, когда он отошел от меня и прошел в другую часть комнаты, чтобы взять коробку салфеток.

Когда он протянул их мне, я увидела виноватое выражение на его лице. Протянув руку, вытащила несколько салфеток из коробки. Сев, я посмотрела на него и увидела на его лице целую гамму эмоций. Я разочаровала его, и не уверена, что смогу справиться с тем, что я еще чье-то разочарование.

Роман

— Прости меня, — извинился я на выдохе.

Я просил прощения у нее в целом и конкретно за то, что только что сделал. Это было неправильно. Так чертовски неправильно, но она так чудесно ощущалась и так сладко пахла. Даже после всего, когда она смотрела на меня своими большими темными глазами, мне хотелось опрокинуть ее на спину и потеряться в ней. Но я не мог. Я и так зашел слишком далеко и знаю, что должен прекратить видеться с ней.

Я поставил под угрозу все, ради чего так усердно трудился. Саманта замужняя женщина. Она несчастлива в браке, но все равно замужем. Я никогда не относил себя к тем, кто причиняет боль другим людям, но вот я стою, моя рука на ее платье, а на пальцах ее сладкие медовые соки.

Я даже не стал ждать, пока она что-то скажет. Вместо этого, засунул руки в карманы халата и вышел из смотровой. Зашел в свой кабинет, и, закрыв за собой дверь, прислонился к ней спиной. Сделав несколько глубоких вдохов, я смог нормально дышать. Я по-прежнему сильно возбужден из-за Саманты и не имеет значения, как сильно стараюсь перестать думать о ней, она повсюду.

Тихая, робкая женщина исчезла в мгновение ока и вместо нее появилась соблазнительница. Она стонала и двигалась под моей рукой, словно от этого зависела ее жизнь. А как она выглядела, когда кончала у меня на руках. Ее рот приоткрылся в экстазе, она прикрыла глаза, словно не могла больше терпеть эту сладкую пытку.

Прошло два дня, а я все еще не могу избавиться от мыслей о Саманте. Я провожу все дни на работе, обследуя пациентов, проводя операции, а затем прихожу домой, принимаю горячий душ, думаю о ней и зажимая член в руке.

Но что еще хуже, я начал ревновать. Мысль о том, что она возвращается домой к Майклу, сводит меня с ума. Представляя, как она спит с ним, я бесился так, как бывало, только когда я был мальчишкой. Он недостаточно хорош для нее, но опять-таки, я тоже. Я подлец, который посмел прикоснуться к чужой жене.

— Как ты себя сегодня чувствуешь, мисс Тори? — спросил я, протянул руку и взъерошил ее темные волосы.

Она улыбнулась мне, половину ее лица скрывала марлевая повязка.

— Сегодня день прошел хорошо, — утомленно сказала ее мать.

Несправедливо. Такая молодая, а уже так много испытала. Каждый раз, когда я навещаю ее, мне больно, но я не могу не приходить. Она так сильно напоминает мне о моей младшей сестре. Это одна из причин, почему я согласился провести операции, даже зная, какой это риск.

С моей сестрой Рейчел случился несчастный случай, когда ей было четыре года. У мамы на плите стоял горячий чайник, и сестра перевернула его на себя. Она очень сильно обожгла себе правую сторону лица, и у нее осталось много шрамов.

Она росла, как и любой другой ребенок, но повзрослев, дети становятся жестокими. Помню, как она умоляла отца отвести ее к пластическому хирургу. У нас было достаточно

средств, чтобы сделать необходимое количество операций, но отец просто сказал, что в этом нет необходимости.

Но это было необходимо.

Рейчел хотела выглядеть как все. Она часто плакала из-за того, как подло вели себя другие дети и что они ей говорили. До тех пор, пока ей не исполнилось семнадцать, тогда она не смогла все это больше терпеть. Я обнаружил свою малышку сестру мертвой на полу спальни, и никогда не смогу забыть это.

Тогда я решил, что когда окончу школу, поступлю в университет и буду учиться на пластического хирурга. Я поклялся, что всегда буду помогать тем, кто в этом нуждается.

Саманта Олдридж в помощи не нуждается — она более чем прекрасна, но все же хочет измениться. Хочет, чтобы ее муж смотрел на нее так, как смотрит на других женщин. Хочет стать кем-то, кем не является, но я не могу даже подумать о возможности изменить ее внешность, как бы она ни умоляла.

Проведя операцию и навестив Тори после нее, я умылся и вернулся в клинику.

Стейн убедил меня посетить еще одно торжество, и я, скрепя сердце, согласился. Я спокойно могу посещать благотворительные вечера и им подобные мероприятия, но идти куда-то, чтобы наблюдать, как богатые люди целыми группами пытаются перещеголять друг друга, такая тоска.

Присев возле бара, я заказал еще один напиток и улыбнулся барменше. Она милая девушка, и думаю, ей так же, как и мне, не хочется находиться здесь.

— Спасибо, милая, — поблагодарил я и сделал глоток из своего бокала, наблюдая, как легкий румянец окрасил ее щеки.

Я обернулся посмотреть на людей, и мой взгляд остановился на Майкле Олдридже. Он, как обычно, был в самой гуще народа, заставляя своих собеседников смеяться над тем, что он рассказывал. Возле него крутилась молоденькая брюнетка, и я видел, как он прошептал что-то милое ей на ушко. Она облизнула губы и улыбнулась, отходя от него.

Чертов ублюдок.

Не знаю, что подтолкнуло меня, выпитые напитки или все, что произошло за последние несколько недель, но я направился к нему. Когда я подошел, он повернулся ко мне лицом и смерил взглядом.

— Можешь уделить мне минутку, Майкл? — вежливо спросил я.

В его глазах промелькнуло выражение недоверия, но затем он повернулся к своим собеседникам, взял свой напиток и отошел в сторону.

Мы направились к бару, где он молча, подняв в воздух палец, заказал себе еще один напиток.

— Чем могу помочь, Блейк? — поинтересовался он, его голос сочился раздражением.

— Ну, ты можешь держать руки подальше от Саманты, — грозно сказал я и сделал глоток, глядя на него поверх бокала. Его щеки покраснели, и он свел брови вместе.

— Прости, что? — невинно спросил он.

— Не прикидывайся дурачком. Я столкнулся с Самантой на днях и видел синяк на ее руке. Забавно, но он выглядел в точности, как опечаток мужских пальцев.

Он поправил галстук и сделал большой глоток из стакана. Прежде чем он успел что-то сказать, я продолжил:

— Ни для кого не секрет, Майкл, какую жизнь ты ведешь. Меняешь женщин как

перчатки, унижая свою жену. Твои обожатели восторгаются тобой, но мы, настоящие мужчины, знаем правду.

— И какую правду ты знаешь? — спросил он.

— Ты кусок дерьма, недостойный целовать даже кончики туфель своей жены, и уж тем более ее губы. Хотя твои отношения с женой не мое дело.

— Ты прав. Не твое, — ответил он.

Тот факт, что он не опроверг мои обвинения о синяках Саманты, не остался незамеченным.

— Делай что хочешь со своими маленькими шлюшками, но от нее руки убери. Понял меня?

Я не стал дожидаться ответа. Напротив, отошел от барной стойки и направился через весь зал к Стейну и группе своих коллег. Я почувствовал на себе ее взгляд, но сосредоточился на Стейне, когда он начал рассказывать о своей последней пациентке и ее лечении.

Хотя я старался не сильно глазеть по сторонам, мой взгляд инстинктивно скользил по комнате в поисках Саманты. И тогда я увидел ее. Она пересекала зал в направлении алькова, где расположен туалет. На ней платье с низким вырезом, открывающее ее изящную спину. Сжав руки в кулаки, я закрыл глаза, представляя, как прокладываю дорожку поцелуев по этой спине и медленно раздеваю ее. Я еще не видел ее полностью обнаженной, и могу только мысленно представлять себе, как шикарно она выглядит.

Отставив напиток в сторону, я покинул свою компанию и через весь зал направился туда, где она только что повернула за угол. В штанах сразу же стало тесно. Одна только мысль быть рядом с ней, и я уже тверд как скала. Она словно очаровала меня каким-то странным заклинанием. Только так я могу описать то, что чувствую из-за нее.

Завернув за угол, я обнаружил, что она стоит там и ждет. Ее кожа сверкает в отблесках света, льющегося с потолка. Ни секунды не раздумывая, я потянулся к ней, не заботясь, видит ли нас кто-нибудь.

Саманта

На самом деле мне вовсе не нужно в туалет, но я больше не могла сидеть там и наблюдать за Романом. Не тогда, когда все во мне умоляет быть рядом с ним. Я даже безразлично отвернулась, когда Майкл, как обычно, открыто начал флиртовать. Дело в том, что мне теперь все равно, чем он занимается.

Вырвавшись из душного зала и не имея больше возможности наблюдать за Романом, я почувствовала, что стало легче дышать.

Я толкнула дверь туалета, но она оказалась заперта. Поэтому я просто стояла там и ждала. Именно тогда я почувствовала такое знакомое прикосновение пальцев Романа к своей спине. Затем он медленно провел ими вверх по моей руке, и вслед за его пальцами помчались толпы мурашек, поднимаясь, словно волна в океане. Закрыв глаза, я наслаждалась моментом... смаковала прикосновение другого человека.

Он дотянулся до моего плеча, обхватил его своей теплой ладонью и начал нежно поглаживать. Другой рукой он потянулся к другому моему плечу, его жаркое дыхание щекотало заднюю часть шеи.

— Саманта, — услышала я свое имя, произнесенное мне на ушко.

Сначала я была не в состоянии ответить, но, когда смогла управлять голосовыми связками, единственный звук, который смогла воспроизвести был:

— Хммм.

— Ты должна остановить меня, — сказал он.

Мысль, что он остановится, показалась невыносимой. Мое тело молило о его прикосновениях — все внутри напоминало раскаленную лаву, и я была готова взорваться. Я не чувствовала такой привязанности к другому человеку уже много лет, и не была готова отпустить это чувство.

— Нет, — сказала я твердо.

— Нет? Почему нет? — спросил он.

Повторяя его же слова, я объяснила:

— Потому что я заслуживаю этого.

Тихое фырканье приподняло волоски на задней части шеи, и я задрожала.

— Это так?

— Уг-гу.

— Что ж, в таком случае чего еще ты заслуживаешь?

Повернувшись в его руках, я прижалась к нему. В этот же момент он нагнулся, и его губы прижались к моим. Язык скользнул вдоль моего, и я ощутила его вкус и вкус напитков, которые он пил возле бара. Вскоре я была уже пьяна им.

Он прижал меня к стене и медленно начал задира́ть мое длинное платье. В любой момент кто угодно может войти в альков. Не стоит также забывать о женщине, которая занимает туалет и тоже может в любой момент выйти оттуда. Все знают, что я жена Майкла, а еще они знают, что Роман не Майкл.

Оттолкнув его, я осмотрелась в поисках места, куда мы бы могли пойти. Заметив еще одну дверь, я потянула его за собой.

— Сюда, — позвала я, толкая дверь и затягивая его в еще один зал для торжеств.

Дверь шумно захлопнулась за нами. Роман зарылся пальцами в мои волосы, как мужчина, который жаждет обладать, и во все стороны полетели заколки, а затем он снова начал меня целовать.

— Не могу... — пробормотал он, тяжело дыша, — не могу насытиться тобой.

Он снова начал задирать мое платье вверх, пока подол не оказался на уровне бедер. Теперь, когда платье не мешало, я смогла закинуть ногу ему на бедро. Он воспользовался возможностью прижаться ко мне, и мне пришлось прервать поцелуй, когда из меня вырвался вздох наслаждения.

Он приподнял меня так, будто я ничего не вежу, усадил на покрытый скатертью стол и столовые приборы громко зазвенели. Опустив руку между нашими телами, я расстегнула пуговицу и молнию на его брюках. Я хочу его. Нет, я нуждаюсь в нем. Когда я дернула его брюки и боксеры вниз, его член выпрыгнул мне в руку, согревая мою ладонь своей твердостью.

Роман запрокинул голову и зашипел, а затем начал неистово целовать мою шею. Я начала поглаживать его член рукой, и он прерывисто дышал мне в шею.

— Саманта, — прошептал он, — не останавливайся, милая.

Я не планировала все это, но я сыта по горло тем, что меня дразнят. Я замужем, и знаю, что это все неправильно, но я хочу его. Хочу почувствовать его в себе. И сегодня вечером мне мало одних только рук, хочу его в себе.

— Ни за что. Я хочу тебя, Роман, — сказала я, мой голос сочился желанием.

Он отстранился и посмотрел мне в глаза, словно желая удостовериться, что я понимаю, что только что сказала, и тогда кивнул, соглашаясь.

Опустив руку, он запустил пальцы под кромку моих трусиков, сорвал их с меня и засунул в карман пиджака.

— Прости меня, — сказал он вдруг, ни к кому конкретно не обращаясь.

После чего встал между моих разведенных ног и направил свой член к моей киске. Внезапно открылась дверь, и в комнату вошел официант. К счастью, мы были в темноте, и у нас было время привести себя в порядок, прежде чем он увидел нас.

— Вам нельзя находиться здесь, — сообщил парень, когда щелкнул выключателем и комнату залил золотистый свет.

Схватив меня за руку, Роман потащил меня к двери.

— Наши извинения, — сказал он, когда мы проходили мимо парня.

Как только мы снова оказались перед туалетом, он притянул меня к себе так, чтобы успеть шепнуть на ухо.

— «Мама Мария». Завтра в полдень. Встретимся там.

После чего направился в бальный зал походкой человека, у которого есть какая-то важная цель, ну и мои трусики в кармане.

Той ночью я отправилась домой одна. Майкл так домой и не пришел, но мне было все равно. Ненавижу это, но после того, как он так долго вел себя подобным образом, я решила, что мне отныне все равно, что он делает и с кем. Либо для меня наступил переломный момент, либо я начала влюбляться в Романа. Оба эти сценарии не очень хороши.

На следующий день, я сидела за столиком в тихом углу ресторана «Мама Мария» и ждала Романа. Я с волнением ожидала встречи. С учетом того, что происходило между нами

последние несколько встреч, я поняла, что пришло время выяснить, чем конкретно мы занимаемся.

Как только он вошел, я сразу его заметила. Он выглядел очень сексуально в темных джинсах и рубашке. Этот наряд очень сильно отличался от его обычной медицинской формы или костюма. Волосы, как обычно, взлохмачены, а глаза цвета виски заблестели, когда наши взгляды встретились через весь зал.

Я задышала чаще, когда он направился ко мне, обходя столики и при этом не отводя взгляда от меня. Его полные губы растянулись в понимающей улыбке, на щеках появились ямочки, когда он занял место напротив меня.

— Я буду то, что есть у этой леди, — сообщил он официантке, когда она остановилась перед нашим столиком.

Официантка покраснела от его слов. Очевидно, я не единственная в этом зале, кто находит британский акцент Романа и его превосходный внешний вид очень возбуждающим.

Официантка отошла, а Роман продолжал сидеть и молча смотреть на меня. Повернув голову, я заправила несколько прядей за уши. Взглядом он проследил за моими движениями, и я занервничала. Мои многочисленные ошибки всплыли в моей памяти, и я постаралась понять, которую из них он заметил.

— Ты смотришь, — констатировала я очевидное.

Еще одна порочная улыбка появилась на его губах, он откинулся на спинку диванчика и забросил на нее руку.

— Прости. Кажется, я ничего не могу поделать с собой, когда дело касается тебя.

Взглядом он снова поглощал мое лицо, и я почувствовала, как жар прилил к щекам.

Я думала, что, может быть, мы встретимся за ланчем и сделаем вид, что тех нескольких раз, когда мы касались друг друга, просто не было, но очевидно, у Романа другие планы.

— Не извиняйся. Я немного нервничаю из-за этого, но мне нравится, что ты смотришь на меня, — сказала я, держа у губ стакан с водой, после чего сделала быстрый глоток.

От нервов в горле пересохло, а в ушах громко и быстро стучал пульс.

— Мне не нравится смотреть на тебя.

Меня окатило волной смущения. Очевидно, я поторопилась со своим высказыванием. Я всегда чувствую себя увереннее, когда бываю с Романом. Он всегда такой милый, и я даже предположить не могла, что он может быть таким грубым.

— Я люблю делать это, — прошептал он, склоняясь над столом и протягивая свою руку к моей. Его теплые пальцы обхватили мои, посылая искорки вверх по моей руке и вниз к самому центру. — Люблю смотреть на тебя. Видеть твою реакцию на мои прикосновения. Ты такая сексуальная и даже не догадываешься об этом.

Мне стало жарко. Никогда еще я не чувствовала себя такой желанной. Даже когда мы с Майклом только начали встречаться. Он нечасто прикасался ко мне и редко говорил комплименты. Роман же говорит открыто, и я отчаянно жажду его слов. Обожаю каждую минуту флирта с ним. Его поведение сильно отличается от того, каким оно было в самом начале, но нельзя отрицать, что благодаря ему я чувствую себя более женственной.

Я посмотрела на него сквозь ресницы и улыбнулась. Зал вокруг нас будто перестал существовать, остались только мы. Роман и Саманта. Все это совершенно против правил. Это нарушает сразу несколько заповедей, но я не могу ничего поделать с тем, что чувствую, и совершенно не хочу, чтобы он прекратил смотреть на меня так, как смотрит сейчас.

Возле нашего столика остановилась официантка, прерывая очарование момента, и

поставила перед ним его заказ. Но он продолжал смотреть на меня поверх ее рук, пока она расставляла перед ним тарелки. Я практически могла слышать, о чем он думает. Он хотел уйти отсюда. Отвести меня в свой кабинет и швырнуть на стол. И я не могла лгать себе. Я тоже хотела всего этого.

Как только официантка ушла, он отодвинул тарелки в сторону и потянулся к моим рукам.

— Проведи со мной эти выходные, — предложил он, кардинально меняя игру и внося в нее свои собственные правила.

— Что? — шокировано спросила я.

— На этих выходных я еду в Нью-Йорк на конференцию. Поехали со мной.

Уехать на выходные — серьезный шаг. Мне нужно решить, что я буду делать. Хочу ли я, чтобы мой брак с Майклом стал нормальным? Потому что если хочу, я ни в коем случае не должна никуда ехать на выходные, которые определенно обещают крышесносный секс. Но если же я решу, что все, что было между мной и Майклом давно прошло, то выходные крышесносного секса с Романом именно то, что мне нужно.

Но пока мой мозг делал выводы, рот опередил его, приняв решение за меня.

— Когда мы выезжаем? — слова слетели с моих губ, шокировав не только Романа, но и меня.

Его улыбка была сексуальной и греховной.

— Завтра.

Машина Майкла стояла в гараже, но дома никого не было, когда я вернулась. Кроме Дьюка, который чуть не сбил меня с ног, когда я вошла в дом. Он прыгнул на меня и покрыл лицо своими слюнявыми собачьими поцелуями.

— Сидеть, Дьюк, — фыркнула я.

Теперь, когда напротив меня не было Романа, с его очаровывающими глазами и улыбкой, принятое решение довлело надо мной. Я просто не могу уехать на выходные с другим мужчиной. Я замужем. Даже если решусь уйти от Майкла, а эта мысль уже мелькала где-то в подсознании, я достаточно уважаю себя, чтобы дожидаться, пока мы будем разведены по закону, и только потом решусь лечь в постель к другому мужчине.

Сняв туфли, я поднялась наверх и быстрым шагом направилась к спальне. С тех пор как согласилась на пробежку в парке с Романом и поняла, какую пользу она оказывает, я бегала как минимум раз в день. И сейчас мне хотелось пробежаться. Мне нужно подумать.

Подняв руки вверх, я растрепала волосы, уложенные в аккуратный пучок, и провела пальцами по прядям. Я собиралась переодеться во что-нибудь более удобное и бегать, пока не пойму, как разобраться с нелепым решением, которое приняла.

Распахнув дверь, я увидела Майкла и брюнетку, их тела двигались на нашей кровати, и как ни печально, но я нисколько не была удивлена. Пройдя через всю комнату, даже не потрудившись прервать их, я открыла дверь в гардеробную и потянулась за чемоданом. Мне вовсе не нужно идти на пробежку. Мое первоначальное решение абсолютно верное. То, что было между мной и Майклом ушло, и я больше не волнуюсь по поводу того, что собираюсь делать, пока замужем за ним. Ему, очевидно, глубоко наплевать на наш брак и на меня.

Кровать заскрипела, и все движения в комнате прекратились. Я услышала, как позади меня кто-то быстро прошлепал босиком, но не обратила на это внимания, вместо этого швырнув всю одежду, которая мне нужна, в свой чемодан.

— Сэм? Что ты делаешь? — спросил Майкл у меня из-за спины.

В его голосе мне слышались панические нотки, но я и на них не обратила внимания. Я больше не собираюсь искать в своей голове то, чего там нет.

— Собираю вещи, — я просто констатировала факт.

В моем ответе не было злости, потому что, честно, я не злилась. Мне все равно, и в этот момент я поняла, что всю любовь, которую я испытывала к Майклу, полностью выдавили из меня. Он сделал это. Это не моя вина. Я делала все, что в моих силах, стараясь спасти то, что у нас было, но очевидно, он не собирался делать то же самое. Между нами все кончено.

Я поеду и проведу выходные с Романом. И надеюсь, что у меня будет замечательный, столь нужный мне секс, а затем я вернусь домой и решу все оставшиеся вопросы.

— Я вижу, но зачем? — спросил он.

Резко развернувшись, я рассмеялась так, словно услышала самую смешную в мире шутку. Мой смех напоминал смех чокнутой истерички, которая сошла с ума.

— Ты ведь шутишь, правда? — спросила я.

Я обвела взглядом комнату и увидела, что брюнетка уже давно ушла. Кровать была в полном беспорядке, и, закрыв глаза, я могла представить восторженное выражение его лица, когда он вдалбливался в нее.

Но тут он успокоился, и кривая ухмылка появилась на его лице.

— Мы оба понимаем, что ты никуда не уйдешь. Прекрати вести себя нелепо и давай поговорим об этом.

Я снова громко рассмеялась. Ситуация в целом была совершенно нелепа и смешна. Я до чертиков была помешана на идее исправить что-то в себе, чтобы спасти наш брак, но впервые поняла, что проблема не во мне. Это Майклу нужно измениться... не мне. Я далека от идеала, но я это я. Может быть, немного более уверенная в себе, но это по-прежнему я.

— Тут не о чем говорить.

Действительно, не о чем.

Отвернувшись, я продолжила упаковывать одежду и свои личные вещи.

— Саманта? — его голос прозвучал неуверенно, и я постаралась взять себя в руки. Прошло уже очень много времени с тех пор, как он называл меня полным именем. В его голосе звучало столько потребности и любви, но уверена, что это просто притворство.

Я поступаю правильно. Уже поздно отступать.

— Да?

И тут ему удалось шокировать меня в очередной раз.

— Если ты уйдешь, не возвращайся, — сказал он и все нотки нежности и любви моментально исчезли из его голоса.

Мое решение только укрепилось. Повернувшись к нему с улыбкой на лице, я кивнула.

— Не волнуйся. И не планировала, — закрыв дверцы шкафа, я снова надела туфли и пошла к двери. — Я отдам Дьюка в питомник до своего возвращения. Вернусь на следующей неделе за остальными вещами.

И сказав это, я, не оглядываясь, вышла и закрыла за собой дверь.

Роман

Пока я собирал чемодан для поездки на выходные, мои мысли носились со скоростью сто пятьдесят километров в час. Я направляюсь напрямик в ад, где буду гореть целую вечность. Не говоря уже о том, что благодаря мне, то же самое ждет и Саманту.

Я собираюсь поступить неправильно, но не могу заставить себя остановиться. Она как маяк. Неважно, сколько усилий я прикладываю, чтобы оставаться в стороне, меня тянет к ней. Мой разум не сомневается — я до безумия влюблен в нее. И поскольку у меня к ней такие сильные чувства, естественно, я хочу ее. Хотя и понимаю, что желать ее неправильно, и я нарушаю одно из своих самых важных правил, все равно не могу остановиться.

Я попросил Саманту провести со мной выходные совершенно неожиданно даже для самого себя. Она сидела напротив меня, как обычно такая красивая, а я знал, что должен буду уехать от нее на все выходные. Мысль о том, чтобы провести вдаль от нее даже два дня, невыносима. Слова сорвались с губ, удивив меня и по-настоящему шокировав ее.

Огромные карие глаза Саманты удивленно распахнулись. И хотя в тот момент я думал, что она откажется, она удивила меня, с легкостью согласившись поехать со мной. Очевидно, мы на одинаковой стадии готовности к серьезным отношениям, и от этого я почувствовал себя таким счастливым, каким не был уже очень долгое время.

У меня нет особых ожиданий или планов на эти выходные. Я не какой-нибудь хитрый подлец, который запланировал себе выходные, полные секса и разврата. Я просто собираюсь пустить все на самотек. Будь что будет. Обычно я бы не допустил подобного, но на сей раз именно в этом заключается мой план.

Саманта такая ранимая. Я решил, что не буду вести себя, как Майкл, и не буду давить на ее, особенно своими чувствами и эмоциями, но если все произойдет само собой, то проблемы будем решать по мере их появления.

Пока я ехал через весь город, чтобы встретить Саманту, я понял, что уверен только в том, что она слишком хороша для такого, как Майкл, и что люблю ее достаточно сильно, чтобы бороться за нее. Хочу провести эти выходные, показывая ей, как следует относиться к женщине, и хочу продемонстрировать это как мужчина, не как врач.

Менее чем через двадцать минут я встретил Саманту у собачьего питомника, где она решила оставить Дьюка. Вчера вечером она позвонила мне и сказала, что ей не очень хочется оставлять своего нового питомца с Майклом. Честно говоря, я тоже не доверяю этому засранцу. Я с легкостью могу представить, как он выгалкивает Дьюка на дорогу или делает еще что-то столь же опасное.

Когда я подъехал, она ждала меня на улице. Дул теплый ветерок и желтое летнее платье колыхалось вокруг ног Саманты, давая возможность разглядеть ее идеальной формы лодыжки и колени. Ее изящные ступни обуты в серебристые сандалии, а ногти на пальчиках ног покрашены лаком. Она потратила время, чтобы выглядеть привлекательно, и от этого я почувствовал себя более мужественным, и мне отчаянно захотелось прикоснуться к ней.

Выйдя из машины, я постарался скрыть свое желание за черными солнцезащитными очками. Обошел вокруг машины и направился к ней, улыбаясь так, что щеки начали болеть.

Но моя улыбка померкла в ту же секунду, когда я оказался рядом с ней, и мои глаза, скрытые за темными стеклами очков, встретились с ее.

Что-то не так. У нее утомленный взгляд, и она заметно нервничает. Она так крепко сцепила руки перед собой, что побелели пальцы. Протянув руку, я накрыл ладонь Саманты своей, и ее прохладные пальцы исчезли в моих горячих ладонях.

— Что случилось? — сразу же спросил я.

Она развела руками, и мне оставалось только заняться ее сумками.

Покачивая головой, она стала отрицать, что ее что-то беспокоит. Но она не была честна со мной. Я знаю ее достаточно хорошо, и по красным полосам на щеках и легкой припухлости вокруг глаз я понял, что недавно она плакала.

— Ничего, — она неискренне мне улыбнулась.

— Ты плакала, — констатировал я.

Протянув руку, я провел большим пальцем под ее глазом, обхватив щеку ладонью. Она улыбнулась и со вздохом прижалась к моей ладони, отчего вниз до самых кончиков пальцев пронеслись искорки.

— Мне просто грустно оставлять Дьюка. Не хочу, чтобы он думал, что я бросила его. Думаешь, он посчитает, что я предала его?

Догадываюсь, что причина ее печали кроется не в этом, но поскольку мне не хочется лезть не в свое дело, пока она сама не решит мне рассказать, я решил оставить все как есть.

— Конечно же, нет, милая. Ведь это всего лишь на несколько дней. Он будет очень рад, когда ты вернешься, и забудет обо всем остальном.

Она согласно кивнула.

— Ты прав. Теперь мне стало легче.

Я улыбнулся и обхватил ее вторую щеку, притягивая Саманту ближе к себе и целуя в лоб. Прижавшись к ее лбу своим, я целую минуту наслаждался ее запахом. Она положила руки мне на талию, ее пальцы согнулись и вжались в мою рубашку, согревая кожу.

Я хочу поцеловать ее сладкие губы, но если потороплюсь, то выходные пролетят слишком быстро. А это последнее, чего мне хочется. Я хочу насладиться временем, которое проведу с Самантой, когда нам никто не будет мешать.

Отстранившись, я приподнял ее лицо, и улыбнулся.

— Готова ехать? — спросил я.

Прищурившись от солнечных лучей, бьющих ей в глаза, она нежно улыбнулась мне.

— Очень даже готова. Будет здорово уехать из Майами на выходные. Прошло уже столько времени с тех пор, как я ездила куда-нибудь с...

Она недоговорила, ее глаза округлились и в них застыло извиняющееся выражение. Мне не хотелось, чтобы со мной она ощущала себя некомфортно из-за чего-либо. Нельзя обвинять ее в том, что ей комфортно открыто разговаривать со мной. Честность — основа любых отношений, будь то дружба или любовь.

— Все в порядке, дорогая.

— Мне следует прекратить это. Я не хочу больше разговаривать о Майкле в эти выходные.

— Думаю, мы с этим справимся, — улыбнулся я и повернулся открыть для нее дверь.

Не упоминать его имя, значит, свести мою вину к минимуму. С глаз долой из сердца вон — мой девиз на эти выходные.

Саманта поблагодарила меня и скользнула на сиденье. Когда она потянулась, чтобы

пристегнуть ремень безопасности, вырез ее платья опустился, демонстрируя крошечный кусочек декольте. Я посмотрел на нее и снова мой взгляд замер на ее теле. Я старался не замечать, как ткань ее платья на бедрах съехала набок. Смотреть на это — все равно, что получить пулю в грудь.

Захлопнув дверь, я обошел вокруг машины и сел на водительское сиденье. Повернул ключ в замке зажигания и мотор загудел. Когда я выехал на шоссе и нажал на газ, он заурчал.

— Скажи Майами «до свидания», — предложил я, переключил скорость и накрыл ее руку своей.

Она сделала глубокий вдох и посмотрела в окно. Какое-то непонятное чувство мелькнуло на ее лице, прежде чем она прошептала «прощай».

До международного аэропорта Майами мы ехали в тишине. Я начал беспокоиться из-за того, что позвал ее с собой, и волновался, вдруг она передумала. И еще я уверен, что ее беспокоит что-то помимо Дьюка, и беспокоился, что это может быть связано со мной.

Она смотрела в окно. Песня, льющая из включенного радио, разбавляла тишину, но музыка не то, что мне хочется слышать. Я хочу, чтобы она поговорила со мной — доверилась мне и поняла, что всегда может положиться на меня. Мне хочется, чтобы машину заполнил ее голос, успокаивая мои нервы, но она молчит.

— Пенни за твои мысли, милая, — нарушил я непроницаемую тишину.

Саманта повернула голову ко мне и улыбнулась.

— Я размышляла о том, насколько приятна наша поездка. Моей матери бы понравились виды. Она часто говорила, как было бы здорово приехать в Майами и насладиться солнцем, но умерла до того, как ей представился шанс увидеть его.

— От чего она умерла? — задал я вопрос и сразу же возненавидел себя за него. Она расстроена. Последнее, чего мне хочется, это расстроить ее еще больше.

— Рак груди. Она умерла, когда мне было восемь лет, — ее унылый голос полон боли, и эта боль сильно резанула и по мне.

— Вы были близки?

Она кивнула, светлые пряди ее волос колыхнулись над загорелыми плечами.

— Я единственный ребенок, поэтому я гордость и радость своих родителей, их маленькая девочка. Я всегда могла рассчитывать на них обоих.

Я перевел взгляд на дорогу, а затем снова посмотрел на ее профиль.

— Затем у нее обнаружили рак груди четвертой стадии, и моя жизнь словно остановилась. Я сидела и наблюдала, как ее состояние ухудшается, а спустя шесть месяцев она умерла. Время словно застыло, вплоть до ее смерти. Когда мамы не стало, отец заменил мне обоих родителей. Мы и осознать не успели, как мне уже исполнилось девятнадцать, и я переехала к Майклу. Я не виделась с отцом, пока он не позвонил мне и не сказал, что тоже умирает.

Саманта уставилась вперед, словно на толстом стекле показывали фильм из ее воспоминаний. Она беспокойно сжимала руки, лежащие на коленях, в кулаки, и мне ничего не хотелось больше, чем остановить машину, притянуть ее в свои объятия и успокоить.

Вместо этого, я потянулся к ней и взял ее за руку. Несмотря на теплый день, у нее ледяные руки. Она посмотрела вниз на наши руки, затем снова на меня и улыбнулась.

— Спасибо.

— За что? — знаю, что ничего не сделал.

— За то, что ты есть. За то, что помог мне увидеть, что я все еще человек.

— Всегда рад помочь, Саманта, — я крепко сжал ее руку.

Мне хотелось рассказать ей, как она изменила и меня тоже. Я больше не тот мужчина, каким был, когда она впервые переступила порог моего кабинета. Я больше не воспитанный доктор, который пропускает всех вперед. Я мужчина, сгорающий от любви к женщине, которая ему не принадлежит. Также я мужчина, которому уже плевать на ограничения, потому что, когда речь идет о Саманте, я уничтожу их все, лишь бы быть рядом с ней.

Признание в любви вертится на кончике языка, но я понимаю, что сейчас не самое подходящее время, хотя сердце буквально вопит о моих чувствах. Нужно рассказать о своих чувствах, выбрав правильный момент, или не рассказывать вообще.

Мы летели до Нью-Йорка около двух часов. Я удобно устроился в сиденье первого класса и был очень рад видеть Саманту, расслабленно сидящую рядом. Напряжение, которое я раньше заметил на ее лице, исчезло, и на смену ему пришла довольная улыбка, пока она смотрела на облака через иллюминатор.

Беспокойство, что она может изменить свое решение, снова стрелой пронзило грудь. Я сделал глубокий вдох и постарался остановить бешеный поток мыслей. Полагаю, что-то произошло с Майклом, перед тем как она ушла. И хотя этот вопрос готов сорваться с моих губ, я понимаю, что не могу задать его, потому что причина, по которой я хочу знать это, очень эгоистична.

Саманта проспала большую часть полета. Ее легкое дыхание касалось меня, и я не мог не любоваться ею. Она похожа на ангела. Ее мягкие губы приоткрылись, а щеки порозовели во сне. Длинные ресницы лежат на щеках и изредка подрагивают. Наклонившись к ней, я нежно поцеловал ее в щеку, а затем вытащил бумаги и начал просматривать речь, которую должен произнести завтра.

В аэропорту нас ждала машина, чтобы отвезти в отель. Руководство больницы организовало все для меня и моей спутницы, включая бронирование номера в отеле, поэтому все было идеально, начиная от водителя и заканчивая поездкой в отель.

Я положил руку Саманте на поясницу, пока мы шли к стойке администратора. О нашем багаже позаботились посыльные, поэтому в руках у нее была только сумочка. Взглядом я проследил за ремешком, свисающим с ее плеча вниз, и был вынужден отвести взгляд.

Администратор за стойкой заметила это и понимающе мне улыбнулась.

— Чем могу помочь, сэр?

— У меня бронь на имя доктора Романа Блейка.

Ее пальцы проворно запорхали над клавиатурой, и после нескольких кликов мышки она нашла мое имя.

— Вот, нашла, доктор Блейк. Ваш номер на восьмом этаже. Я позабочусь, чтобы ваш багаж доставили к вам в номер.

Я взял ключ от комнаты, который она вручила мне, и, улыбнувшись ей, повернулся к Саманте.

— Готова? — спросил я.

Саманта моргнула, а затем посмотрела на администратора, которая переводила взгляд с меня на Саманту и обратно. Щеки Саманты мило покраснели, и она подошла ближе к стойке администратора.

— Проверьте и мою бронь тоже.

Я мгновенно смутился и почувствовал, как мои щеки тоже залил румянец. Я не подумал,

что Саманта может забронировать свой собственный номер. Не знаю, чего ожидал, когда мы, наконец-то, приехали в отель. Неужели я только что предположил, что она будет делить со мной один номер?

— Конечно же, — я усмехнулся, пытаясь как-то скрасить наше смущение.

Положив сумочку на стойку, она назвала администратору свое имя.

— Саманта... Олдридж.

Заминка Саманты вынудила женщину поднять голову и бросить быстрый взгляд на меня, затем она снова опустила голову и продолжила печатать.

Администратор закусил уголок губы и с улыбкой подняла голову.

— Кажется, ваш номер на пятом этаже, миссис Олдридж.

— Отлично, — поспешно сказала Саманта.

Мне не нужно видеть ее лицо, чтобы понять, что она покраснела. Ее плечи напряжены, а спина прямая.

— На самом деле у нас есть свободный номер на восьмом этаже, но он через несколько дверей от номера доктора Блейка.

Мне хотелось перегнуться через стойку и поцеловать администратора за то, что она дала мне столь желаемое. Когда она посмотрела на меня, я подмигнул ей, и она покраснела.

— Честно, все в порядке. Не хочу нагружать вас лишней работой, — продолжала Саманта.

Администратор снова улыбнулась.

— Никаких проблем, миссис Олдридж, — она что-то снова напечатала. — Вот. Я обо всем позаботилась.

Она вручила Саманте карту-ключ и та повернулась ко мне с неловкой улыбкой на лице.

— Готов? — она смотрела куда угодно, только не на меня, и я не смог сдержать улыбку.

— Да. Они доставят багаж в наш номер, — я осознал свою ошибку и практически подавился словами. Кашлянув, я попытался снова. — Я имел в виду наши номера.

Но она по-прежнему отказывалась смотреть мне в глаза.

— Хорошо, — согласилась она, нервно покусывая нижнюю губу, что вызвало во мне определенную физическую реакцию.

Страхнув с себя наваждение, я глубоко вздохнул.

— После тебя, — и жестом предложил ей идти передо мной.

Поездка грозила превратиться в череду неловкостей, и я отчаянно хотел вернуть все в нужное русло.

Нам понадобилось десять минут, чтобы добраться до восьмого этажа, и мы ни на минуту не оставались одни. В Нью-Йорке, черт возьми, слишком много людей.

Выйдя из лифта, я проводил Саманту к ее номеру, прежде чем отправиться к себе. Конференция запланирована только на завтра, а до конца сегодняшнего дня еще далеко. Мы можем провести вместе целый вечер, и судя по тому, как сильно она нервничает, мне не стоит упускать шанс провести с ней время.

— Саманта, — я остановил ее, положив руку на плечо, прежде чем она зашла в свой номер.

Она обернулась ко мне и, наконец, встретилась со мной взглядом.

— Да?

— Не хочешь поужинать со мной сегодня вечером? — я постарался, чтобы мое предложение прозвучало как приглашение на свидание. В этот раз я дал ей понять о своих

намерениях.

Ее лицо засветилось, и на розовых губах появилась понимающая улыбка.

— Зайдешь за мной в семь? — спросила она.

Протянув руку, я заправил ей за ухо прядь волос и погладил ее по щеке.

— Я буду здесь.

Саманта

Упав лицом вперед на кровать на пахнущие свежестью простыни, я громко застонала. Пока что вся эта поездка получается очень нелепой. Не знаю, чем мы занимаемся здесь, но совершенно точно уверена, что все должно происходить совершенно по-другому.

Перекатившись на спину, я устала на высокий потолок и сделала глубокий вдох. У меня есть час, чтобы подготовиться к ужину, прежде чем за мной зайдет Роман, но мое тело уже покалывает от предвкушения. Этот мужчина сводит меня с ума.

Несмотря на то, что большую часть дня я провела в трансе, пытаюсь понять, как мне жить дальше по возвращении обратно в Майами, я постоянно осознавала его присутствие. Мое тело жаждало его, и я не знала, как мне справиться с этим. Я никогда в жизни не испытывала ничего даже отдаленно похожего на это.

Когда доставили мой багаж, я вытащила платье, подходящее для свидания, поскольку он пригласил меня на ужин, как на свидание. Мне понадобился целый час, чтобы принять душ и собраться. Как только я была готова, я надела кремовое платье со спинкой из прозрачной ткани и вдела в уши пару сережек, чтобы подчеркнуть это. Я надевала туфли на шпильках, когда раздался легкий стук в дверь.

Разгладив платье и бросив взгляд в зеркало у двери, чтобы проверить прическу, я открыла дверь и увидела стоящего за ней Романа. Он выглядел изысканно. Его синий костюм-тройка был идеально отглажен, словно не совершил путешествие в чемодане из Майами в Нью-Йорк. Волосы взъерошены, словно у Романа был трудный день на работе, и он частенько запускал в них руки. Мне нравится его прическа, и у меня появилось непреодолимое желание потянуть его волосы.

Глядя в его глаза цвета виски, я потерялась, и все мысли, которые у меня были до того, как я открыла дверь, вылетели из головы. Он улыбнулся, словно прочитал мои мысли.

— Ты выглядишь ошеломительно, — сделал он мне комплимент, протягивая руку и проводя пальцем по моему обнаженному плечу. Все тело охватил озноб, и волоски на задней части шеи встали дыбом.

— Как и ты.

И это правда. Роман Блейк красивый мужчина, и внешне и внутренне, и почти невыносимо видеть, что его глаза полностью сосредоточены на мне. Я практически ощущаю, как его взгляд скользит по моему платью, вниз по ногам. Прикосновение очень нежное и волнующее... сексуальное.

— Идем? — спросил он, выгнув бровь.

Схватив сумочку со столика у двери, я закрыла дверь и взяла его под руку, которую он мне предложил.

От него пахло мылом и солнцем, и когда он не видел, я потерлась лицом о его предплечье и вдохнула его аромат. Когда мы подошли к лифту, он посмотрел на меня и снова улыбнулся, словно догадывался обо всем, о чем я думаю.

— Так куда мы идем? — спросила я.

— Увидишь, — уклонился он от ответа и отвел взгляд.

Я последовала за Романом в лифт, затем мы пересекли вестибюль отеля и сели на

заднее сиденье черного лимузина. Он оставался джентльменом все время — открывал мне дверь, придерживал рукой за поясницу, что мне очень нравилось, и всегда следил, чтобы мы шли рядом. Приятно проводить время с человеком, рядом с которым не появляется ощущение, что меня стыдят.

Поездка на лимузине по всему городу была фантастической, блики ярких огней проникали сквозь затемненные окна лимузина и двигались по лицу Романа, как кадры видеофильма. Я уже очень давно не была в Нью-Йорке, но этот город вечен, в нем ничего не изменилось, неважно, сколько зданий было построено, а сколько снесено. Город напоминает мне Романа. Сильный и полный загадок.

Я отвернулась и смотрела в окно, когда почувствовала, как рука Романа коснулась моей руки. Его теплые пальцы послали озноб вверх по моей руке, и я, не раздумывая, переплела наши пальцы. Улыбнулась городу, почувствовав, как его рука сжала мою.

Пейзаж начал повторяться, что меня несколько смутило, но вскоре лимузин снова притормозил возле отеля. Он остановился напротив входа, Роман открыл дверь со своей стороны и начал выходить.

— Эм, Роман, я думала мы едем ужинать? — спросила я.

Он нагнулся и заглянул в лимузин с улыбкой.

— Мы и идем ужинать. Пошли.

Он протянул мне руку, я вложила в нее свою ладонь и вышла из машины. Снова взяла его под руку, пока он вел меня обратно к отелю и к лифтам. Он нажал кнопку восьмого этажа, и я поняла, что мы возвращаемся в наши номера.

По спине пробежала дрожь, и я была вынуждена сделать глубокий вдох.

— Ты в порядке, милая? — спросил он.

Неожиданно, ласкательное словечко, которое он использовал, показалось мне более интимным. Я много раз слышала, как Роман обращается к женщинам, используя слово «*милая*», но теперь, когда мои чувства к нему становятся все более и более очевидными, это обращение кажется совсем иным. И я уверена, что оно звучит иначе, когда он произносит его, обращаясь ко мне.

Выйдя из лифта, мы пошли к его номеру. Я отошла в сторону, когда он вытащил ключ-карту и открыл дверь. Увидев его номер, я ахнула.

Комнату освещали свечи. Весь его номер был заставлен свечами и цветами. Зайдя внутрь и оглядевшись, я заметила, что в углу на маленьком столике накрыт ужин на двоих.

— Это прекрасно, Роман, — похвалила я, когда полностью осмотрела комнату.

И затем почувствовала, как он оказался за моей спиной, его горячее дыхание шевелило волоски у меня шее.

— Красивая комната для красивой женщины, — прошептал он.

Роман выдвинул для меня стул и я села. Когда он поставил передо мной серебряную тарелку, я с удивлением поняла, что это еда из ресторана «Мама Мария», включая шоколадные пончики на десерт.

Я рассмеялась.

— Поверить не могу, что ты сделал это для меня, — сказала я, улыбаясь ему через стол, когда он сел.

— Ты еще не поняла, Саманта? — спросил он.

— Не поняла чего? — спросила я в замешательстве.

— Ради тебя я готов на все.

Он сказал это с серьезным выражением лица и пристально смотрел на меня.

Я не знала, что ответить на это. Вместо слов протянула руку через стол и накрыла его ладонь своей.

Остаток вечера мы наслаждались итальянской едой и забавными предсказаниями из шоколадных пончиков. Мы улыбались и смеялись, и так часто касались друг друга, что я боялась, что мои трусики промокнут. Затаив дыхание, я ерзала на стуле, ожидая и надеясь, что Роман сделает одно движение, и я, задыхающаяся и потная, окажусь на простынях, покрывающих его кровать, но на протяжении всего вечера он оставался джентльменом.

После ужина Роман проводил меня до моего номера. Я шла рядом с ним, по моим венам струилось вино, а между бедер все пылало.

Он держал меня под руку, и я позволила своим пальцам путешествовать вверх-вниз по его предплечью, наслаждаясь тем, как напрягаются его мышцы.

Вытащив свой ключ-карту, я открыла дверь и повернулась лицом к Роману.

— Сегодняшний вечер был само совершенство, — поблагодарила его я, убирая карту обратно в сумочку.

— Это ты совершенство, — ответил он. Его рука зарылась в волосы над моим ухом, и большим пальцем он погладил мою щеку.

Я прижала ладонь к его груди и жар его кожи, нагретый пиджак, согрел и мои пальцы.

— Вы говорите чепуху, доктор Роман, — пошутила я.

Он прижал мою руку к своей груди, наши глаза не отрывались друг от друга. Он перестал улыбаться и мгновенно стал серьезным.

— Никогда не сомневайся в моих словах, когда я говорю, что ты потрясающая, Саманта, — он отпустил мою руку, но я не стала убирать ее с его груди. — Я так много хочу сказать тебе, но мне кажется, что сейчас не самое подходящее время. Вместо этого я скажу.. Спокойной ночи, милая Саманта.

Убрав руку с моих волос, он провел ею вниз по моей руке, и меня снова охватил озноб.

Кажется, будто он никак не может прекратить касаться меня, но мне это нравится. С ним я чувствую себя такой желанной и любимой, какой не чувствовала за всю свою жизнь. Но в этом нет никакого смысла, ведь я уверена, что Роман не влюблен в меня. Но женщина ведь может помечтать.

Наклонившись, он прикоснулся к моим губам в целомудренном поцелуе, согревая их своим горячим дыханием.

Мне следует пожелать ему спокойной ночи. Честной женщине стоило бы так поступить. Но я далеко не честна. Я безрассудна и нуждаюсь в нем. Хочу почувствовать его руки и губы на своем теле, доводящие меня до пика так, как Майкл ни разу не потрудился сделать.

Я не честная женщина, но если бы была, я бы признала, как сильно влюблена в Романа. Конечно же, страсть тоже есть, но то, что я испытываю к нему глубоко в душе, только разжигает страсть сильнее.

— Остайся, — прошептала я в пространство между нами, удивив саму себя.

Мне не хотелось, чтобы он уходил. Я весь вечер провела, представляя его руки на моем теле. Не думаю, что смогу пережить ночь, зная, что он лежит в кровати всего в паре номеров от меня.

Он изучал мое лицо, пытаюсь найти тень сомнения.

— Ты уверена? — спросил он сильным и уверенным голосом.

Мне нравится эта черта Романа. Неважно, что он чувствует, он всегда такой спокойный внешне. И от этого в его объятиях чувствуешь себя в безопасности.

— Да.

Это слово сорвалось с моих губ за секунду до того, как он наклонился и снова прижался к моим губам. Внизу живота вспыхнул пожар, и я застонала ему в рот. Его тело прижалось к моему, подталкивая нас обоих в номер, и я услышала, как дверь со щелчком захлопнулась за нами.

Я открылась ему, впуская его язык, и снова из глубины горла вырвался крошечный стон, оседая на его губах.

Отстранившись, он прижался своим лбом к моему, закрыл глаза и выдохнул через нос.

— Эти твои коротенькие стоны сведут меня в могилу.

С трудом сглотнув, я вдохнула его запах.

— Прости меня, — извинилась я и облизнула губы.

Большим пальцем он очертил контур моей нижней губы, стирая с нее влагу.

— Никогда не извиняйся за то, что сексуальна, Саманта.

А затем снова нежно поцеловал, и я ощутила его сладкий вкус на языке. Притянув меня ближе, он провел руками по бокам и остановился на бедрах. Я почувствовала, как ткань платья натянулась на попе, когда он сжал ее в кулаках.

Оторвавшись от моего рта, его губы скользнули по моей щеке, и он нежно прикусил кожу на шее. Я склонила голову набок, наслаждаясь тем, что он делает. А потом Роман зарылся в мои волосы и начал целовать настойчивее. Потребность в том, чем мы занимаемся, усилилась за считанные секунды, и его поцелуи стали более отчаянными.

Отстранившись, он сделал глубокий вдох и снова продолжил целовать меня. Его язык ласкал мой, он посасывал мои губы и язык. Никто никогда не целовал меня так, как сейчас Роман. Это был нежный и сладкий поцелуй, но в то же время дикий и сексуальный.

Его пальцы начали спускаться от волос вниз к шее, пока не достигли воротничка платья, и он медленно потянул его вниз. Отступив на шаг, не отрывая от меня взгляда, он поглощал каждый открытый им кусочек обнаженной кожи. Казалось, словно я подарок, который он ждал всю свою жизнь, и наконец-то ему разрешили развернуть меня.

— Если хочешь, чтобы я остановился, скажи об этом сейчас. Не могу обещать, что смогу остановиться, после того как попробую тебя на вкус.

Рукава платья сползли вниз по рукам, прижимая их к моим бокам и обнажая шелковый лифчик. Его губы коснулись моих плеч, язык скользнул под бретельку лифчика, стягивая с плеча.

— Саманта? — он выдохнул мое имя. — Скажи мне остановиться, милая.

Где-то в подсознании я понимаю, что должна сказать ему остановиться, но губы не слушаются, и я не могу произнести ни слова. Вместо этого, я отошла от него и начала стягивать с себя платье. Его взгляд переместился от лифчика вниз к животу и еще ниже, а затем вверх, до тех пор, пока не остановился на моих глазах.

Когда платье упало вокруг ног, я переступила через него и встала перед ним в одном лифчике, трусиках и чулках.

— Саманта, — с мольбой выдохнул он мое имя. — Ты такая красивая.

И тогда он подошел ближе и прижался ко мне своим телом. Я провела руками по его груди и сняла с него пиджак. Он упал на пол у наших ног. Желая большего, я подалась вверх, прижалась к его губам и поцеловала его так, словно он принадлежит мне.

Повозилась с его галстуком, пока не ослабила его достаточно, чтобы стянуть через голову. Он улыбнулся мне мальчишеской улыбкой, и мое сердце моментально растаяло.

Я начала расстегивать пуговицы на его рубашке, а он стянул лямки моего лифчика и покрыл мои плечи и шею поцелуями. А затем мой лифчик исчез и Роман, зажав губами мой сосок, посасывал его, заставляя меня кричать от наслаждения. Нежные щелчки языком сменились посасыванием, и я почувствовала, как мое тело ожило.

Забыв, что расстегивала его рубашку, я просто разорвала ее. Пуговицы застучали по полу, и Роман нежно хмыкнул возле моей груди. Подняв голову, он поцеловал меня, всосав нижнюю губу в рот и слегка прикусив ее.

Развернув нас, он повел меня к кровати и уложил на нее. Стянув с меня туфли, он бросил их на пол, а затем взобрался на кровать поверх моего частично обнаженного тела, выборочно целуя обнаженные участки моего тела, мимо которых он продвигался вверх.

Зарывшись руками в его взлохмаченные волосы, я прижала его рот к своему телу, задыхаясь всякий раз, когда он лизал или нежно покусывал кожу. Раздвинув ноги, я позволила ему устроиться между ними, развести их еще шире и прижаться твердой выпуклостью, скрытой молнией брюк, к моим влажным трусикам.

Не спеша он завел ладонь под эластичную кромку шелковых трусиков и провел пальцем по пульсирующему комочку нервов. Я приподняла бедра, желая большего.

— Пожалуйста, Роман, — попросила я, кусая его за нижнюю губу.

— Пожалуйста, что, милая? Скажи мне, чего ты хочешь, — сказал он мне в шею, непрерывно целуя и посасывая.

Он был повсюду, даже в моих мыслях. Мое тело пело от его внимания, я была возбуждена и хотела его ласк.

— Ты мне нужен.

Это все, что я смогла сказать. Все, о чем могла думать. Он нужен мне, чтобы погасить огонь, вспыхнувший внутри меня. Он нужен мне, чтобы принести облегчение, которое, уверена, он может мне подарить. Он просто нужен мне. Роман изменил меня — научил улыбаться и смеяться — постепенно вернул девушку, которой я когда-то была.

— Ты понятия не имеешь, как твои слова влияют на меня, — сказал он, проводя пальцем по складочкам и распределяя по ним влагу.

Я снова приподняла бедра и задохнулась от ощущений, которые начали зарождаться от его прикосновений. Потянувшись вниз, накрыла рукой его руку и вжала ее в свое тело.

Еще.

Хочу еще. Мое тело жаждет этого.

Наконец, его палец скользнул внутрь и начал мягко массировать тайную чувствительную точку, медленно подталкивая меня ближе к краю. С моих губ сорвался всхлип и крошечные стоны, которые я не могла остановить.

А потом он вытащил палец и его рот двинулся вниз по моему телу. Его губы едва прикасались к коже, вынуждая меня корчиться на простынях. Стянув с меня трусики, Роман швырнул их на пол и наклонился, чтобы поцеловать внутреннюю сторону бедра.

— Сегодня ночью я собираюсь попробовать каждый миллиметр тебя, — сказал он напротив моей киски.

И затем сдержал свое обещание, лизнув ее языком и всосав в рот клитор.

— Ты так хороша на вкус, милая. Как сладкий грех.

Он снова стал посасывать клитор, а затем ввел в меня два пальца. Мои бедра открылись

ему, и я прижала руками его голову, желая большего. Роман наслаждался мной — я и представить себе не могла, что такое возможно — мурлыча от удовольствия в мою влажную плоть, словно это лучшее лакомство, которое он когда-либо пробовал.

Пока он двигал пальцами внутрь и обратно, во мне начало накапливаться напряжение, которым управляли его прикосновения. Он контролировал мое удовольствие. Разгадал шифр, как открыть меня, и теперь медленно использовал его.

Я взлетала все выше с каждым движением его языка, каждым движением пальцев внутри меня, пока, наконец, не оказалась на краю, громко умоляя Романа дать мне то, чего я так сильно жажду.

А затем я кончила, выкрикивая его имя, словно он единственный, кто удерживает меня на земле. Я увидела звезды, и мое тело взорвалось от удовольствия, которое Роман продолжал доставлять мне. Закрыв глаза, я растворилась в ощущениях, а когда открыла их, увидела его, нависшего надо мной.

Он быстро стащил с себя брюки, стянув их вниз по ногам. Я же обмякшая лежала перед ним, но мышцы внутри меня сокращались, требуя большего.

Роман стянул брюки и устроился у меня между ног. Его горячий член прижался к моему входу, снова разжигая внутренний пожар. Обняв его за шею, я притянула его к себе для поцелуя и ощутила свой вкус на его языке.

— Я больше не могу терпеть. Хочу тебя в себе, Роман. Пожалуйста, — умоляла я.

— Все что угодно, — задыхаясь, сказал он возле моих губ. — Все что попросишь, Саманта. Я весь твой, милая.

И затем он задвигал бедрами, уничтожая каждую клятву, которую я дала девять лет назад, и завершая мое превращение в ту девушку, которой я когда-то была.

Роман

Потерявшись в Саманте, я двигал тазом так, словно не могу проникнуть достаточно глубоко. Я входил в нее снова и снова, и в комнате раздавались ее сладкие стоны.

Ее горячая упругая плоть обхватывала мой член и крепко сжимала всякий раз, когда я погружался в нее. По спине прошла дрожь удовольствия, а затем, достигнув копчика, выстрелила прямо в член, и с моих губ сорвался стон наслаждения.

Она великолепна во всех отношениях — отвечает на каждое мое движение и прикосновение. Ее ногти впиваются мне в спину и в зад, причиняя острую боль и смешиваясь с моим удовольствием.

— Да, Роман. Ты так хорошо ощущаешься. Так. Хорошо, — постоянно повторяла она.

Мне хотелось сделать так, чтобы ей было хорошо — чтобы она ощущала себя так же, как ощущаю себя я. И всякий раз от ее слов по бедрам распространялось удовольствие, все ближе подталкивая меня к краю.

Я погружался в нее, наполняя ее собой. Прижавшись губами к ее губам, я ловил издаваемые ею звуки, и они смешивались со звуками, которые издавал я.

— Я так близко. Не останавливайся, — выдохнула она возле моих губ.

Я почувствовал, как она сжимает меня, и понял, что в любую секунду она взорвется и меня омоет волной ее сладости.

— Давай, милая. Дай это мне, — поощрял ее я, ускоряясь и быстрее двигая бедрами.

Закрыв глаза и запрокинув голову, она прикусила губу, открыла рот и громко закричала. Ее тело напряглось, мышцы вокруг меня начали сжиматься, пока она сильно и долго кончала, покрывая мой член своей теплой влажностью.

Я не стал останавливаться. Двигаясь все резче и быстрее, я почувствовал, как стремительно приближается мой собственный оргазм. Уткнувшись лицом ей в шею, я почувствовал напряжение внизу живота и понял, что больше не могу сдерживаться.

Прикусив ее плечо, я позволил себе кончить глубоко в нее, отдавая все, что у меня есть. Я ощутил острое удовлетворение, заявив на нее свои права, хотя в глубине души понимал, что она никогда не станет моей.

Она прижалась своим телом ко мне. Наша кожа покрыта потом, но мы начали остывать, когда перестали двигаться. Я лежал на ней, ощущая ее сердцебиение своей грудной клеткой, затем скатился с нее и лег на спину на своей стороне кровати. Затем притянул ее к себе, она прижалась ко мне, и я сделал столь необходимый выдох.

Меня переполняло счастье, и я уснул с улыбкой на лице.

Дважды за ночь мы просыпались, цеплялись друг за друга и тонули в наслаждении. Это была потрясающая ночь. Ночь, которую я никогда не забуду.

Я проснулся на следующее утро, и Саманта с сонной улыбкой на лице прижималась ко мне. Тело словно пело, а член мгновенно затвердел рядом с ее бедром. Я ненасытен, когда речь идет о Саманте. Мне все мало. Хочу наполнять ее собой снова и снова, пока буду не в состоянии делать это.

Но что-то тяжелое сдавливало грудь. Пока я лежал и пытался осознать, что не так с этой

идеальной ситуацией, я понял, что меня начала душить вина. Ненавижу саму мысль, что такое ужасное чувство переплетается с удивительными ощущениями, которые я испытываю рядом с Самантой. Но как бы сильно я ни старался подавить его, оно так и осталось запертым в моей груди.

Повернувшись на бок, я всмотрелся в ее лицо — порозовевшие щеки и припухшие от поцелуев губы. Она красивая и моя, пусть только на эти выходные. Протянув руку, я пригладил ее волосы, убрав пряди с лица, а затем нагнулся и нежно поцеловал.

— Я люблю тебя, Саманта, — прошептал я возле ее лица, зная, что она не услышит меня, пока спит.

Это лучший способ. Мне хотелось признаться ей в любви сразу же, как только понял, что влюблен, но мое признание ни к чему не привело бы. А таким образом, я, по крайней мере, признался ей, не причиняя вреда.

Она пошевелилась, сделала глубокий вдох, а затем медленно открыла глаза, и я утонул в их глубине.

— Доброе утро, — сказала она слабым после сна голосом.

— Оно действительно доброе, — улыбнулся я ей.

И оно, правда, доброе. Лучшее утро, которое у меня когда-либо было.

Весь день мы провели вместе. Сначала занимались любовью в душе, а затем осматривали город. Пообедали в романтическом кафе и постоянно держались за руки, как влюбленные подростки. Это именно то, чего я хотел, и даже больше, но несмотря ни на что, я испытывал чувство вины, зная, что ее муж дома, пока я занят тем, что растворяюсь в Саманте и ее теле.

Когда пришло время собираться на конференцию, которую мне нужно посетить, я проводил Саманту к ее номеру и поцеловал. И с трудом дождался, когда смогу вернуться в ее номер снова.

Находиться вдали от нее, даже в течение часа, пока она собиралась, было чересчур для меня. Особенно осознавая, что с наступлением завтрашнего утра наше интимное уединение закончится, и мы вернемся в Майами к нашим обычным жизням.

Держа в руке красную розу, я подошел к номеру Саманты, чтобы забрать ее. Постучав в дверь, я подождал, затем услышал щелчок и дверь открылась. И тогда я увидел ее. Улыбаясь, она стояла передо мной и выглядела как самое красивое создание в мире.

Ее изумительное тело обтянуто черным шелком, который каскадом спадает вниз и свободно струится вокруг ног. Плечи обнажены, и только длинные бриллиантовые серьги касаются основания шеи. Волосы она уложила в высокую прическу, но несколько непослушных локонов выбились из нее, и свободно обрамляют ее идеальное личико. Она красивая. Гораздо красивее, чем просто красивая.

Притянув Саманту в свои объятия, я крепко ее поцеловал. Она со смешком оттолкнула меня.

— Ты съешь мою помаду, Роман, — пожурила меня она, тыкая пальчиком туда, где на моих губах размазалась ее помада.

Она протянула руку и провела пальцем по моим губам, стирая яркую краску, которую я украл, целуя ее.

— Я собираюсь съесть не только помаду, когда мы вернемся, — пообещал я. Она мило покраснела, словно это не мы провели предыдущую ночь в объятиях друг друга. Предложив

ей руку, я задрожал, когда она взяла меня под локоть.

Когда мы дошли до места, где должна проходить конференция, она застыла у двери, не решаясь войти. Двери открылись, и перед нашими глазами предстала комната, полная гламурно одетых людей.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил я, поворачиваясь к ней.

Ее трясло, румянец сошел со щек и они стали бледнее мела. Такой Саманту я еще не видел.

— Прости, что меня трясет. Я всегда нервничаю перед подобными мероприятиями. Я не такая, как все те леди там, в зале, Роман. Я недостаточно уверена в себе, чтобы пройти через весь этот зал, задрвав нос.

Притянув Саманту к себе, я потерся носом о ее щеку и вдохнул ее запах.

— Ты совершенно не похожа на всех этих женщин, и именно это мне нравится в тебе больше всего. Будь уверена в себе такая, какая ты есть, — я наклонился и обхватил ее лицо ладонями. — Уверенность вовсе не означает, что нужно войти в комнату, задрвав нос. Уверенность, это когда тыходишь в комнату и не сравниваешь себя с окружающими людьми. Не надо сравнивать себя с этими людьми, Саманта, потому что им с тобой не сравниться.

Она сделала глубокий вдох и улыбнулась, сжав мою руку.

— Откуда ты знаешь, что сказать в нужный момент?

— Все просто. Я знаю тебя, Саманта, — я посмотрел на нее, изучая мелькающие на ее лице эмоции.

— Мне нравится, что ты знаешь меня, Роман. Мне нравишься... — она осеклась и отвела взгляд. — Мне нравится это больше, чем ты даже можешь себе представить.

В этот момент мне хотелось рассказать ей, как сильно я люблю ее. Это был идеальный момент. Момент, которого я ждал, но слова застряли в горле. Мое признание не изменит ничего, кроме того, что оно будет довлеть над нами, и мы лишний раз будем нервничать.

Вместо этого я успокаивающе похлопал ее по руке, покоившейся в изгибе моего локтя, и потянул ее ладонь к своим губам.

— Я отлично знаю, что ты имеешь в виду, милая, — сказал я, прижимаясь губами к тыльной стороне ее ладони, нежная кожа которой щекотала мне губы. — Готова?

Она кивнула и расправила плечи, как солдат, подготовившийся к битве.

— Вот это моя девочка, — подмигнул я, вызвав этим сияющую улыбку у нее на лице.

Зайдя в банкетный зал отеля, мы оставили все за дверью. Двигаясь через толпу, Саманта остановила меня, потянув за руку. Увидев, что привлекло ее внимание, я смущенно улыбнулся. Там был мой портрет, а под ним жирными черными буквами было написано: ПОЗДРАВЛЯЕМ, ДОКТОР БЛЕЙК.

— Что это? — растерянно спросила Саманта.

— Разве я не упоминал, что этот вечер в мою честь?

Она прищурилась.

— Неа. Кажется, ты забыл упомянуть этот незначительный факт.

Я рассмеялся.

— Это не имеет значения.

— Это имеет огромное значение, если ради тебя одного организовали торжество такого масштаба.

— Мне не нужны эти почести, но вам, американцам, кажется, просто необходимо вознаграждение за то, что вы успешно справляетесь со своей работой.

Она рассмеялась.

— Нам американцам?

— Да. Не считая тебя, конечно же, — поддразнил я.

— Надеюсь, — она надула губы, и я рассмеялся, а затем наклонился поцеловать ее, не забывая о том, что кто-то из Майами может узнать ее.

По тому, как мы перемещались по залу, я не мог понять, ощущает ли Саманта себя не в своей тарелке. Она поражала и очаровывала всех, кому я ее представлял. И еще я старался не называть ее фамилию, на всякий случай.

У нее и других жен нашлось немало общего, хотя уверен, что она ничуть не похожа на них, но они слетались к ней, как мухи на мед.

Хотя мне нравится, что Саманта хорошо проводит время, мне хочется, чтобы она была рядом со мной. Я старался не мыслить эгоистично, но у нас не так много времени, и я ничего не могу поделать со своим нежеланием делиться ею с другими на слишком долгий промежуток времени.

— Прошу прощения, дамы, но я собираюсь украсть у вас Саманту на пару минут. Эта красивая леди обещала потанцевать со мной сегодня вечером, и сейчас как раз играют нашу песню, — сказал я, обхватывая ее за плечи. Она посмотрела на меня, и я на некоторое время потерялся в ее глазах.

— Вы двое такая красивая пара, — заметила одна из женщин. — Уже очень давно я не видела, чтобы люди так хорошо смотрелись вместе.

— Да, Роман, такую девушку нужно охранять, — сказала Дебра, жена одного моего коллеги.

Глядя на Саманту, я улыбнулся, и ответил:

— Да, нужно.

Я сказал эти слова, но все же понимал, что она не моя, чтобы охранять ее. Она моя только на украденный отрезок времени, но во время этих выходных я постараюсь и буду изо всех сил игнорировать этот факт.

Женщины мило повздыхали, прощаясь с нами, и я повел Саманту за руку на танцпол. Когда осознала, куда мы направляемся, она остановилась.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь потанцевать с тобой

Она покачала головой.

— Я не умею танцевать, Роман.

— Ты шутишь? Мы же были на нескольких уроках танцев.

— Но тут все по-другому.

— Почему?

— Потому что... — она пыталась найти причину, но у нее ничего не вышло.

— Я все предусмотрел. Зачем, по-твоему, мы практиковались?

— Что? Я думала, это было частью проекта.

— Я ничего не делаю без причины, Саманта.

— Ты планировал эту поездку?

— Не совсем. Я не намеревался провести время так, как мы его проводим, но теперь счастлив, что все обернулось именно так. А ты? — спросил я, с отчаянием ожидая ее ответа.

— Да, — ответила она, не колеблясь, и по ее глазам я увидел, что она действительно так считает. — Я просто немного удивилась.

— Потанцуешь со мной, Саманта? — я прижал ее к себе. В моей памяти еще очень свежо воспоминание о том, как ощущается ее тело, каково оно на вкус. — Пожалуйста.

Ее глаза затуманились, и я понял, что она тоже думает о прошедшей ночи. То, чем мы занимались и что говорили друг другу — этот момент я буду холить и лелеять всю оставшуюся жизнь.

— Да. Да на все, что ты ни попросишь, Роман.

Я улыбнулся, взял ее за руку и вывел на танцпол. Пары расступились, пропуская нас. Я прижал Саманту к себе и, повернувшись к музыкантам, дал им знак.

Музыка изменилась, и заиграла спокойная мелодия знакомого вальса. Пары, которым не была знакома мелодия, отошли в сторону. Осталось всего несколько человек, но это не имело значения. Я видел только женщину, стоящую передо мной.

Саманта посмотрела по сторонам, увидела, что народу стало меньше, и заметила любопытные взгляды, направленные на нас. Приподняв ее подбородок и заставив посмотреть на меня, я провел большим пальцем по ее нижней губе.

— Смотри на меня. Только на меня, милая.

Она кивнула, а затем мы начали двигаться по залу. Несмотря на нервозность, она с легкостью двигалась, словно танцевала этот танец всю свою жизнь. Я кружил ее, наслаждаясь тем, как ее платье оборачивается вокруг наших ног. Она смеялась, и ее глаза заблестели, когда она расслабилась и просто двигалась.

И тогда я понял, что у нее получилось. Ей удалось вернуть ту женщину, которой она была, и обратного пути уже нет. Останется она с Майклом или нет, он не сможет обидеть ее, и я испытал удовлетворение, зная, что приложил к этому руку.

Мелодия зазвучала медленнее, и я крутанул ее еще один раз, прижимая к себе. Время остановилось, когда я посмотрел в ее покрасневшее лицо и блестящие глаза. Я не хочу отпускать ее, но тут, самым ужасным способом, мне напомнили, что она жена другого мужчины.

Роман

Пока мы танцевали, в зале наступила такая тишина, что, если бы музыка закончилась, можно было бы услышать, как на пол упала булавка. С учетом этого факта громкие аплодисменты чьей-то пары рук прозвучали оглушительно громко. Все внимание с нас с Самантой переключилось на злой, раздражающий звук, раздающийся из-за спин гостей, собравшихся вокруг танцпола.

Остановившись, я прижал к себе Саманту. Она напряглась, когда вперед вышел Майкл.

Никто не произнес ни звука, как будто на нем висел знак, призывающий к тишине. Все взгляды метались между нами и Майклом, понимая, что сейчас произойдет что-то ужасное.

— Блистательно! — громко и невнятно сказал он. Не нужно было слышать, как он говорит, чтобы понять, что Майкл в стельку пьян. Я уловил запах алкоголя даже с того места, где стоял.

— Вы все разве не согласны? — спросил он, брызгая слюной, и посмотрел по сторонам. — Не считаете, что моя жена и ее любовник, потрясающий доктор Роман Блейк, разыграли блистательное шоу? Они ведь практически обдурили вас, заставив думать, что они пара?

Взгляд Майкла остановился на Саманте и, повернувшись к ней, я увидел, что вся кровь отхлынула от ее лица. Она не двигалась. Задержав дыхание, она застыла на месте, пока Майкл прокладывал себе дорогу к нам.

— Что ты здесь делаешь, Майкл? — спросила она едва слышно.

Если бы я не ощутил вибрации воздуха рядом с собой, то никогда бы не догадался, что она что-то сказала.

— Что ж, чертовски очевидно, что они обдурили меня, — сообщил он толпе, проигнорировав вопрос Саманты.

Майкл сделал еще один шаг в нашу сторону, и только тогда свет отразился от хрусталя в его руке. Я прижал Саманту крепче к себе, но ее тело было так напряжено.

— Святой Роман, я полагаю? — он поднял вверх хрустальный приз, который я должен был получить и о котором ничего не знал. Мне стало плохо, когда он обхватил своими толстыми пальцами награду за работу всей моей жизни. — Как бы ты относилась к своему драгоценному доктору, если бы знала, что он убил женщину? По-прежнему бы любила его?

Я чувствовал себя так, будто Майкл только что со всей силы ударил меня в живот: из легких вышел весь воздух, а разум пытался понять, что происходит. Я перевел взгляд на Саманту, меня не волновало ничье мнение, кроме ее. Она смотрела на меня в замешательстве, и мне захотелось разгладить морщинку между ее бровями.

— И как я должен себя чувствовать, зная, что моя жена уходит от меня к убийце? Это о многом говорит обо мне, не так ли? — продолжал Майкл.

И снова его слова застали меня врасплох. На этот раз уже я в замешательстве посмотрел на Саманту.

— Прости, — прошептала она. — Я собиралась рассказать тебе на выходных. Я не... Я... Но Майкл еще не закончил свою речь.

— Он убийца, лжец, манипулятор и он превратил мою жену в...

— Довольно! — проревел я, вынуждая гостей ахнуть и отступить на шаг назад. Я сделал

несколько шагов к Майклу, намереваясь вмазать ему так, чтобы он шлепнулся на свой зад, но Саманта схватила меня за руку и удержала.

— Он не стоит этого, Роман, — прошептала она так, чтобы услышал только я.

А затем, прежде чем я успел остановить ее, она прошла вперед, встала перед Майклом и попыталась вытолкать его за пределы толпы и вывести из комнаты.

— Пойдем, Майкл. Ты пьян, — сказала она ему, когда подошла.

— Нет! — прокричал он и швырнул хрустальную награду, которую держал в руке, в стену. Она разлетелась на осколки, видимо, как и моя карьера, и несколько женщин завизжали от страха. — До тех пор, пока все не увидят, какой он на самом деле ублюдок.

Я стоял и наблюдал, как Саманта пытается утихомирить гнев своего мужа. Если бы хоть на мгновение мне показалось, что он собирается поднять на нее руку, я бы убил его, несмотря на то, что вся комната наблюдает. Тогда я бы *на самом деле* стал убийцей, в чем он меня и обвинял.

— Роман ни в чем не виноват, Майкл, и ты пугаешь всех. Ты сделал это с нами, — она говорила спокойным, тщательно контролируемым голосом. — Именно ты уничтожил нас и разрушил наш брак, а не Роман.

Она говорила тихо, так чтобы присутствующие в зале не слышали ее, но я стоял достаточно близко и слышал каждое слово, и мне нравилось то, что я слышал. Теперь она превратилась в сильную женщину, каковой всегда и являлась, по моему мнению, и она давала ему отпор.

Казалось, туман в голове Майкла рассеялся, и он посмотрел на Саманту полными боли глазами. И тогда я заметил это. В его глазах светилось чувство собственника, и мне словно всадили пулю в грудь.

— Ты *моя* жена, Сэм, — его голос надломился. — Пойдем со мной домой.

Она резко вдохнула и мышцы на ее спине напряглись. Несмотря на все, что происходило, я никогда не гордился ею так сильно, как сейчас.

— Уже нет. Перед тем как я ушла, мы все прояснили. Я больше не твоя, Майкл.

Она отступила назад, когда два охранника отеля появились за спиной Майкла и схватили его. Его так ошарашили слова Саманты, что он не сопротивлялся, пока они не прошли половину зала.

— Сэм, — проорал он. — Не делай этого, Саманта!

Когда за ними закрылась дверь, никто не произнес ни слова. Тишина в зале была настолько плотной, что ее, наверное, можно было резать ножом. Ни Саманта, ни я не пошевелились, и большинство гостей не знали, что делать.

Уверенно подняв голову, Саманта смело обратилась ко всему залу. Она была очаровательна в своем спокойствии, несмотря на то, что всего минуту назад, на глазах у всех разыгралась драма, выбив ее из колеи.

— Я прошу прощения у всех вас. Надеюсь, вы сумеете принять мои извинения за то, что испортила вечер вам и доктору Блейку. Простите меня.

И не добавив больше ни слова, она приподняла подол платья и направилась к выходу. Только когда она вышла за дверь, я снова вспомнил, как ходить.

— Мои самые искренние извинения. Прошу простить меня, — извинялся я, пока прокладывал себе путь сквозь толпу гостей, которые снова начали двигаться.

Я пронесся сквозь двери, мою грудь разрывало от адреналина, и я боялся, что мне придется догонять Саманту, но остановился на полном ходу, когда увидел, что она стоит,

прислонившись к стене. Подойдя к ней, я заключил ее лицо в свои ладони и прижался к губам, крепко целуя ее и упиваясь ее вкусом.

— Никогда больше так не уходи от меня, — сказал я рядом с ее губами.

Она кивнула и отстранилась.

— Мне так жаль, Роман, — по ее щекам побежали слезы, — я испортила твоё торжество. Я...

— Ты абсолютно ничего не испортила, Саманта. Майкл испортил. Я убить его готов за то, что он вот так унизил тебя.

— Меня? Посмотри, что он там натворил! Все твои коллеги, пациенты... он погубил твою репутацию.

Я покачал головой, отрицая ее слова и страшась момента, когда мне придется объяснять ей его обвинения в убийстве в мой адрес.

— Мои настоящие друзья посмотрят сквозь пальцы на то, что случилось там, а если нет, то к черту их, — заявил я, стирая слезы с ее щек.

Слова Майкла вспыхнули у меня в мозгу, и я больше не мог ждать: мне нужно узнать, действительно ли она моя.

— Это правда? Вы окончательно решили расстаться? — спросил я.

— Да. Как раз перед тем, как мы встретились, чтобы ехать сюда.

— Ты поэтому была так расстроена?

Она кивнула.

— Я собиралась рассказать тебе. Мне следовало...

— Не важно. Все это не важно теперь. Важно только, что я люблю тебя, — слова слетели с моих губ и ее полные слез глаза встретились с моими. — Тебе не обязательно отвечать. Просто знай, что я чертовски сильно люблю тебя, и если ты меня хочешь, я весь твой.

Саманта

Несмотря на приключившуюся в Нью-Йорке драму с Майклом, я провела ночь в объятиях Романа. Мне хотелось расспросить его об обвинениях Майкла, но опять-таки, это же Майкл — самый отпетый лгун, которого я знаю. И мне на полном серьезе все равно, какими оказались для него последствия устроенной им небольшой сцены. Он адвокат и знает, как обойти закон. Всегда знал и будет знать.

Не знаю, какое впечатление может сложиться обо мне после таких моих мыслей, но в данный момент сомневаюсь, что мне есть дело до этого. Всю ночь Роман провел во мне — внутри меня — и это было настоящее блаженство. Мир за пределами его номера просто не существовал. Существовал только он и только я.

Накануне вечером Роман перенес все мои вещи к себе в номер, и это было правильно. На следующее утро мы бок о бок упаковывали наши чемоданы.

Я нервничала из-за возвращения обратно. В Нью-Йорке мы могли игнорировать все те сумасшествия, которые ждали нас в Майами. Могли спрятаться в объятиях друг друга и отрицать все остальное, что собственно мне и хотелось сделать.

Перед смертью отец сказал мне, что жизнь предназначена для того, чтобы жить. Помню, как тогда подумала, насколько неправильно, что у меня впереди целая жизнь, но, тем не менее, я не могу воспользоваться этим преимуществом, как воспользовался бы им мой отец, если бы у него было больше времени.

Могу честно признаться, что теперь живу для себя. Я отпустила Майкла, как должна была сделать уже давно, и отказалась от всех правил. Уже очень давно я не делала того, от чего бы чувствовала себя хорошо. С Романом мне хорошо. Нет... С Романом мне прекрасно. И дело не только в сексе; рядом с ним я чувствую, что живу. И неважно, что я не знаю, с чем столкнусь, когда мы вернемся домой, просто уверена, что он стоит того.

— Ты в порядке, милая? — спросил сидящий рядом со мной Роман.

Я наблюдала за облаками, проносящимися за окном самолета, и так глубоко задумалась, что почти не разговаривала с тех пор, как мы оказались на борту. Нам многое нужно обсудить, прежде чем самолет приземлится, но молчать и обдумывать свою жизнь гораздо приятнее.

Потянувшись, я накрыла его ладонь своей.

— Прекрасно, — заверила его я.

Он наклонился ко мне и нежно поцеловал, а затем прижался своим лбом к моему лбу.

— Так оно и есть, ты прекрасна.

Прижавшись губами к его губам, я позволила его теплу и спокойствию пройти сквозь меня. Он углубил поцелуй, начав посасывать кончик моего языка. Прервав поцелуй, он задрожал и улыбнулся сам себе.

— Ты сводишь меня с ума, женщина. Теперь, после того как мы сделали вывод, что ты совершенно точно прекрасна, почему бы тебе не рассказать мне, что у тебя на уме? — предложил он, поправляя мои волосы, и поцеловал меня в лоб.

Мне нравится его нежность. К ней можно привыкнуть, но именно об этом я и мечтала. Как будто он не может заставить себя прекратить касаться меня. Будто его руки горят

желанием прикоснуться к моей коже. И это чувство взаимно.

— Я просто думаю о том, что будет, когда мы вернемся в Майами.

— А как ты хочешь, чтобы все было? — спросил он, и между его бровей от беспокойства залегла морщинка.

Протянув руку, я разгладила ее и поцеловала местечко, где она была.

— Я не имею в виду тебя. Думаю, я знаю, что произойдет. Что я хочу сказать... Мне нужно столько всего понять теперь, когда мой брак официально закончен.

— Например?

Я вздохнула.

— Ну, первый и самый главный вопрос — жилье. У меня не так уж много вариантов, понимаешь? И мне нужно нанять адвоката, чтобы начать бракоразводный процесс. Майкл не станет облегчать мне эти задачи. Ему это не свойственно.

— Знаю, — с грустью кивнул он. — Мне ненавистна мысль о том, через что тебе придется пройти, но, пожалуйста, знай, что я буду рядом на каждом этапе этого пути.

Протянув руку, он положил ладонь на мою щеку, и я прижалась к ней.

— Я знаю. Именно потому, что у меня есть ты, я еще держусь. Понимаю, что придется иметь дело с Майклом и остальными вопросами, но мне просто нужно несколько недель, прежде чем я начну думать над всем этим. Найти жилье — вот моя главная задача на данный момент.

Он кивнул.

— Знаешь... если быть очень честным, то я думал, что ты могла бы пожить у меня.

От его слов на моих губах появилась улыбка.

— Правда?

— Правда, — подтвердил он с улыбкой, глядя на меня из-под темных ресниц.

Его глаза цвета виски засияли, и я догадалась, что он вспоминает наш с ним уикенд.

— Но мне бы не хотелось, чтобы ты устал от меня слишком быстро, — поддразнила я.

— Уверяю тебя, любимая, чтобы я устал от тебя — такого просто не может быть.

Он прикусил нижнюю губу, поедая меня взглядом. Никогда не считала себя сторонницей занятий сексом в небе, но, несмотря на все те сумасшедшие мысли, крутящиеся у меня в голове, я дожидаться не могла, когда останусь с ним наедине.

Он хочет, чтобы я поехала к нему домой. Я с трудом слотнула от одной этой мысли. Жить с Романом — это чудесно, но в то же время, я не хочу, чтобы мы съезжались так сразу. Мне хочется насладиться началом наших отношений так, чтобы нас ничего не ограничивало.

— Уверен?

— Я в жизни ни в чем не был так уверен.

— Хорошо. Но только на неделю или две. Для меня важно найти свое собственное жилье, — уступила я.

— Как скажешь.

Он отвернулся, закрыл глаза, и на его лице застыла счастливая улыбка. Несколько минут спустя его дыхание выровнялось, и я поняла, что он уснул.

Я совершенно не скучала по жаре Майами, которая встретила нас, когда мы вернулись. Воздух казался слишком плотным, слишком влажным, и моя кожа сразу же стала липкой. Даже теплый ветерок не приносил облегчения.

Роман забрал у меня чемоданы, как только мы их получили, и нас уже ждала машина,

готовая отвезти к нему. Водитель загрузил наши вещи в багажник, и мы сели в машину.

Рука Романа покоилась на моей коленке почти всю дорогу, кроме тех моментов, когда он невзначай поглаживал мое бедро, от чего мышцы моей ноги напрягались. Я дожидаться не могла, когда мы доберемся до его дома и опробуем кровать. Меня заводила одна только мысль, как он на всю длину погружается в меня.

Между бедер все еще немного побаливало после нашего совместного уикенда. Но, несмотря на то, что складочки оставались еще немного припухшими от его очень страстных занятий любовью, я все равно почувствовала, как стала влажной для него — узелок в моем самом «тепленьком местечке» медленно пульсировал в одном ритме с сердцебиением. И я испытываю эти ощущения от того, что просто нахожусь рядом с ним.

Мы остановились у приюта, чтобы забрать Дьюка, который был безмерно рад видеть меня, как Роман и обещал, и продолжили путь к дому Романа. Его дом, выстроенный преимущественно из стекла, располагался на берегу. Зайдя в квартиру, я сразу же направилась к окну и посмотрела на океан. Квартира оказалась красивой и полной противоположностью дому, в котором жили мы с Майклом.

Она оказалась гораздо меньше по размеру, но более уютной. Повсюду на столиках стояли фотографии друзей и родственников, и даже симпатичная традиционная мебель казалась милой. Я почувствовала себя как дома, хотя до этого момента ни разу не переступала порог этого места.

Роман подошел ко мне и обнял за талию, а я положила руки ему на предплечья. Его горячее дыхание пошевелило волоски у меня на шее, когда он поцеловал меня прямо под самым ухом.

Я склонила голову набок, предоставляя ему более свободный доступ к шее. Он втянул носом мой запах, начал мягко посасывать кожу и целовать меня, от чего я задрожала. Его язык проложил дорожку вниз по моей шее к плечу.

— Я говорил тебе, какие сексуальные у тебя плечи?

Я улыбнулась нашему отражению в стекле.

— Не думаю.

— Что ж, они сексуальные. Я хочу поклоняться твоему телу, Саманта.

— Я совершенно уверена, что именно этим ты и занимался весь уикенд, — я ахнула, когда его руки опустились ниже и он сжал ткань платья на груди.

— Но этого и близко недостаточно.

Повернувшись в его объятиях, я обняла его за шею и притянула к себе для поцелуя. Никогда не устану от его вкуса или того, как он крепко прижимается ко мне.

Когда он подтолкнул и прижал меня к стеклу, плечами и бедрами я ощутила прохладу, отчего зашипела и прикусила нижнюю губу.

Поглаживая мои ноги, его руки пробрались мне под платье, а затем он приподнял меня, вынуждая обхватить его талию ногами.

— Хочу тебя, — прошептал он возле моих губ, прижался твердой выпуклостью к моей киске, и я застонала от наслаждения.

— Что касается меня, ты можешь получить все, что хочешь, Роман. Я вся твоя.

Он поцеловал меня в шею, прижался лицом к моей коже и сделал глубокий вдох.

— Скажи это еще раз, — прошептал он.

— Я твоя, Роман, — повторила я.

Он зарычал, и по моей спине прошла дрожь удовольствия. А затем он удивил меня,

когда протянул руку между моих ног и сорвал с меня трусики.

Роман обычно такой спокойный и собранный. Но так сексуально, когда он теряет контроль над собой.

— Я схожу с ума по тебе, Саманта. Мне нужно оказаться в тебе, — признался он и потянул свои трусы вниз по бедрам. Когда он прижался ко мне, я почувствовала насколько его член твердый и горячий. — Скажи мне, если буду чересчур груб.

И он двинулся вперед, толкаясь глубоко в мое увлажнившееся лоно и вынуждая меня кричать от удовольствия. Ухватившись за подол платья, я потянула его вверх, стянула через голову и швырнула на пол.

Его бедра двигались быстро и резко, прижимая меня к холодному стеклу так сильно, что мне стало казаться, что сейчас оно треснет. Это вовсе не было мило... он агрессивно заявлял свои права на меня у себя же дома. Я наслаждалась каждой секундой.

Я дернула лифчик вниз, и моя грудь выпрыгнула наружу. Он без промедления наклонил голову и всосал сосок в рот. Мягко прикусил его, и по всему моему телу разлилась боль. Так приятно — слишком приятно. Мне хочется, чтобы это никогда не заканчивалось.

— О, Боже, — захныкала я, когда внутренние мышцы начало покалывать.

Желание начало усиливаться. Я знала, что в любую секунду сорвусь и разобьюсь вдребезги.

— Не останавливайся, детка. Пожалуйста, — умоляла я.

Отодвинув мои бедра от стекла, он удерживал меня в подвешенном состоянии, пока я крепко прижималась к стеклу плечами. Его пальцы болезненно впились мне в бедра, но от этого стало только лучше. Майкл никогда не был таким резким — он никогда не трахал меня. А мне хотелось именно этого. Кажется, что Роман словно хочет раствориться во мне.

С новой позой что-то изменилось. Его член массирует какую-то точку внутри меня, которая усиливала удовольствие до такой степени, что я не могла даже говорить. Я просто тяжело дышала, широко открыв глаза.

— Вот так. Чувствуй меня, любимая. Ты моя, — рычал он. — Моя.

И я кончила, сильно и долго, омывая его всем, что у меня было, и крича так громко, что, уверена, мои крики заглушили шум волн на пляже за окном.

А он был прямо передо мной, впивался пальцами в мою плоть, и глубоко погружался в меня, рыча очень по-мужски и выглядя при этом как дикий зверь, а не как джентльмен, с которым я знакома. Захватывающая картина.

— Хотя этого не было в моем списке сокровенных желаний, но, если бы в нем значился секс на протяжении двух дней, то теперь я определенно могла бы вычеркнуть этот пункт.

Улыбаясь, Роман просунул руки под подушку, приподнял голову и прошелся взглядом по моему телу. Я лениво выписывала круги на его спине, но когда он пошевелился, мои пальцы замерли.

— Уже полночь, любимая. Так что считай три дня.

— Ну, не желаете закрепить результат, доктор Блейк? — поддразнила я.

— Когда речь идет о тебе, Саманта, я хочу унести тебя к звездам.

И он так и делал. За последние несколько дней я не раз побывала в Раю вместе с ним.

— Что я сделала, чтобы заслужить тебя, Роман?

Склонившись надо мной, он нежно поцеловал меня.

— Я каждый день задаю себе этот же вопрос, любимая. Что я сделал, чтобы заслужить

тебя?

— И у тебя все еще нет ответа?

Он покачал головой.

— Нет, но я планирую потратить остаток жизни на поиски ответа. Как думаешь, ты справишься с этим?

— Думаю, я справлюсь с чем угодно, если это связано с тобой и с вечностью.

Он снова поцеловал меня, щетина на его щеке царапнула мою кожу, так же, как ранее он царапнул меня между бедер.

— Ты потрясающая, Саманта, никогда не забывай об этом.

Я вздохнула и пожевала внутреннюю сторону губы.

— Что не так? — спросил Роман, нахмурившись.

— Пока что все чудесно, но у меня такое предчувствие, что все будет ужасно, как только Майкл получит бумаги о разводе, — поделилась я волнующими меня мыслями.

— Ничего не будет ужасно. Ты сильная, Саманта. Ты справишься с чем угодно.

— Нет, это ты сильный. Я бы хотела стать такой сильной, как ты. Ничто не может вывести тебя из себя. Ты всегда так спокоен и готов принять любой вызов, — сказала я, отбрасывая челку с его глаз.

Он улыбнулся и нежно поцеловал меня в кончик носа.

— Ты считаешь меня сильным, но у всех есть слабости, Саманта. Так получилось, что моя слабость — это ты.

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри меня разливается тепло, которое умеет вызывать только Роман.

— Насколько слабым я тебя делаю? — соблазнительно спросила я и надавила на его плечо, пока он не лег на спину. Оседлав его, я нависла над ним и обхватила ладонью его член, твердеющий в моей руке. — Как по мне, так ты кажешься довольно сильным, — дразнила я, разместившись прямо над ним. — Интересно, ощущаешься ли ты таким же сильным.

Его улыбка была великолепна.

— Существует только один способ выяснить это, любимая.

Вцепившись пальцами в мои бедра, он потянул их вниз, одновременно приподнимая свои над кроватью. Соединение наших тел вызвало такое сильное чувство, что оно казалось почти мучительным.

Он двигался внутри меня так, словно создан для меня одной, и мне стало интересно, как мне удалось прожить так долго без Романа во мне вот таким образом. Я раскачивалась вперед-назад, вверх-вниз, ища положение, в котором я растаю для него. С понимающей ухмылкой на лице он наблюдал за мной, пока я кончала, а затем снова начал двигаться, вколачиваясь в меня, пока я балансировала на его груди.

Вместе нам удалось найти идеальный ритм, и в комнате были слышны только звуки нашего экстаза.

— Я так сильно люблю тебя, Саманта, — хрипло выдавил он, когда кончил в меня.

Нежно поцеловав его, я произнесла слова, которые он так жаждал услышать.

— Я тоже люблю тебя.

Я сказала их шепотом, но по изумленному выражению его лица я поняла, что он услышал их.

Протянув руку, он откинул волосы с моего лица, и я расслабилась на нем, пока он все

еще находился во мне.

— Мне не привычны подобные близкие отношения с другим человеком, — призналась я. Мне хотелось оставаться лежать на Романа, поэтому я оперлась подбородком ему на грудь, чтобы посмотреть в его глаза.

— И что же это за близкие отношения? — спросил он и его пальцы пробежались вниз по моей спине,

— Вот такие. Когда мы вместе, ты как будто часть меня, — он ухмыльнулся и игриво приподнял бедра, показывая, что он действительно часть меня. — Не так, доктор Блейк. Я имела в виду эмоционально. Это пугает меня, потому что иногда мне кажется, что ты можешь видеть меня насквозь.

Его лицо приняло серьезное выражение, и он смотрел мне в глаза, пока играл прядью моих волос.

— Это потому, что близкие отношения не совсем физическое явление. Это настолько глубокий акт связи с другим человеком, что ощущаешь, что можешь видеть чью-то душу.

Его слова как всегда прозвучали прекрасно. Сердце Романа не похоже ни на чье другое. У него оно чистое, полное сострадания и любви.

— Мы связаны, Роман? Ты можешь видеть мою душу?

Наклонившись, он поцеловал меня, прижимаясь своими теплыми губами к моим, словно скрепляя печатью какое-то невысказанное обещание.

— Я вижу все — всю тебя — и не хочу, чтобы ты когда-нибудь покидала меня.

— Хорошо, потому что я никуда не уйду без тебя, — я покрутила бедрами.

Он сразу же дернулся и затвердел внутри меня. Его глаза потемнели от желания, и он застонал, когда я снова пошевелилась. Мне нравится добиваться от Романа подобной реакции. С ним я чувствую себя, как единственная женщина, способная заставить его реагировать подобным образом, и благодаря этому ощущаю небывалое воодушевление.

Всю ночь мы занимались любовью и уснули только под утро. Мы так и спали: я, растянувшись на груди Романа, а он, оставаясь глубоко во мне.

Роман

Когда игнорировать внешний мир и урчание в желудках уже не было сил, мы вышли из комнаты, как создания ночи.

— Жжет! — пошутила Саманта, когда солнечные лучи коснулись ее кожи.

Рассмеявшись, я притянул ее к себе, но затем солнце достигло моих глаз, и ее шутка про жжение показалась не такой уж и смешной. Я сделал мысленную пометку открыть жалюзи в следующий раз, когда мы с Самантой решим не покидать спальню целых три дня.

— Ты голодна? — спросил я, держа ее за руку и направляясь на кухню.

Планировка моего кондоминиума довольно проста. Спальня, ванная, коридор, кухня, смежная с гостиной, столовая и входная дверь.

— Умираю от голода. Один злой парень отказывался кормить меня, пока чудесным образом насильовал мое тело, — сказала она с улыбкой на лице, а затем приподнялась на носочки и поцеловала меня.

Поцеловав ее в ответ, я улыбнулся возле ее губ и подтолкнул Саманту к стулу.

Она взобралась на него и облокотилась на кухонную стойку, пока я перемещался по кухне.

— Я умею жарить только яичницу, бекон, блинчики, сосиски и тосты, — нахмурился я. — Правда тосты у меня обычно подгорают.

Она рассмеялась.

— Только это? — она изобразила ужас. — Что, никаких бельгийских вафель? И ты не собираешься приготовить обед из пяти блюд?

Я просек ее поддразнивание и рассмеялся вместе с ней.

— Если ты этого хочешь, любимая.

— Яиц с беконом вполне достаточно. Или хлопья, если у тебя есть?

— Думаю должны быть, — я повернулся к небольшой кладовке и достал оттуда коробку хлопьев «Лаки Чармз».

— Подойдут? — я протянул ей коробку.

Ее лицо засияло.

— Отлично. Чудесно вкусный завтрак после чудесно приятной ночи.

Съев по две полные тарелки хлопьев, я облокотился о стойку с противоположной от нее стороны и похлопал себя по животу. Понятия не имею, как ей удастся есть так много, но ест она очень сексуально. Я серьезно намерен чуть позже съесть ее на обед.

Я убирал беспорядок, оставшийся после завтрака, а Саманта сидела за стойкой и наблюдала за мной. Я кожей чувствовал ее взгляд и понял, что настало время кое-что объяснить ей.

Если я собираюсь быть с ней всерьез и надолго, мне нужно полностью открыться перед ней. Нужно, чтобы она знала, что то, в чем обвинил меня Майкл, в некоторой степени правда. Я представлял себе, что Саманта узнает мой темный секрет иначе, а не в зале, полном людей. Но в любом случае она заслуживает знать правду о моем прошлом. Мне просто не повезло, что она узнала все от такого человека, как Майкл, а не от меня.

Ей нужны объяснения, и теперь я готов дать их. Иногда, когда Саманта смотрела на меня, мне казалось, что она хочет спросить об этом, но уважает мои чувства. И я ценю ее за это.

— Я собирался рассказать тебе, Саманта, — я перебросил полотенце себе через плечо и повернулся лицом к ней.

Ее глаза нашли мои и прежде, чем она догадалась, о чем я поведу речь, в них на долю секунды вспыхнуло замешательство. Она отвела взгляд, заправила волосы за ухо и откашлялась. Затем снова посмотрела мне в глаза и скрестила руки на груди.

Понимание отразилось на ее лице, и она мило улыбнулась.

— Я знаю.

Мое сердце затрепетало и, кажется, любовь к ней только возросла.

— Что случилось? — спросила она.

— У меня была младшая сестра, — начал я.

В груди разгорелась удушающая боль, которую я обычно испытываю, когда упоминаю Рейчел.

— Ее звали Рейчел, — скрипучим голосом продолжил я, но слова не шли с языка.

— Была? — Саманта приподняла брови.

— Она покончила жизнь самоубийством, когда ей было семнадцать, — выдавил я из себя.

Глаза Саманты затуманило огорчение.

— Мне так жаль, Роман.

Я кивнул.

— Все произошло много лет тому назад, но больно так, будто это случилось только вчера.

— Естественно, — согласилась она.

Встав со стула, она пересекла кухню, подошла ко мне и, успокаивая, положила руку на мою голую грудь.

— Она сильно обожгла лицо, когда мы были детьми, а дети бывают жестоки. Ее нещадно дразнили в школе. Так сильно, что мама поначалу даже не хотела больше пускать ее туда, — я подавил воспоминания. Мне вспомнилось, как я порывался пойти в школу и придушить тех детей, которые обижали Рейчел.

— До двенадцати лет она училась на дому. К этому возрасту она почувствовала себя достаточно взрослой, чтобы дать отпор детям в школе. Она умоляла мать разрешить ей снова ходить в школу — умоляла позволить ей стать обычным ребенком, но мама была непреклонна. Ей совершенно не нравилась эта идея, но отец был уверен, что общение со сверстниками очень важно для Рейчел.

Я как сейчас слышу его злые и беспечные слова. *«Ей нужно смириться со своими шрамами и научиться видеть, что она из себя представляет».*

Представляет что... не кого.

Я ненавидел то, как он это сказал. Так, словно она нечто омерзительное. Словно она ненормальная только потому, что у нее есть эти шрамы. На самом деле Рейчел была потрясающая. Она была красивая и сильная, и я был за ее возвращение в школу только потому, что этого хотела она, а не по каким-то другим причинам.

— Ее первый день в школе обернулся кошмаром, но она настаивала, что будет ходить в школу и дальше. Я так гордился ею, Саманта, — я посмотрел в ее большие карие глаза,

полные понимания. — Поначалу она вела себя как боец. Ее дух не поколебало то, что говорили ей дети. Она поставила себе цель понравиться всем детям. Только дети были грубыми. Даже в таком юном возрасте они оказались способны разрушать и уничтожать душу. И они сделали это с Рейчел. Каждый день, когда она возвращалась из школы, я замечал изменения в ней. В ней погасла какая-то искра — порой ее глаза казались пустыми — и я понимал, что их слова убивают ее.

Я опустил голову, когда почувствовал, как на глаза навернулись слезы. Саманта провела большим пальцем по моей щеке и поцеловала меня, напомнив, что я нахожусь сейчас здесь, а не наблюдаю в Лондоне, как моя сестра замыкается в себе.

— От той девочки, какой она была, осталась одна оболочка, — продолжил я. — И спустя четыре месяца школы, она стала умолять родителей позволить ей вернуться к обучению на дому. Отец отказал, доведя Рейчел и мать до слез. Помню, как сильно ненавидел его тогда, — виновато объяснил я, когда посмотрел на Саманту, которая отдала бы все на свете, лишь бы вернуть отца.

Произнеся это, я почувствовал себя ужасно, ведь я знал, как она относилась к своему отцу, но она не ответила. Вместо этого продолжала утешать меня, касаясь то тут, то там, или оставляя крошечные поцелуи своими сладкими губами.

— Когда сестре исполнилось тринадцать, она мечтала только о пластической операции. Она хотела выглядеть нормально и вести нормальный образ жизни. Но отец не разрешил. Он сказал, что ей это не нужно. Сказал, что она и так нормально выглядит и ей это не нужно.

Нормально. Не красивой, какой она была — она выглядела великолепно как внешне, так и внутренне. Я видел это. Мама видела. Но он считал, что она выглядит *нормально*.

Она ощущала себя далеко *не нормально*. Это было очевидно по тому, как она слонялась по дому, с каждым днем бледнея все сильнее, а ее взгляд становился все более кротким.

— Дело дошло до того, что она прекратила выходить из дома. Она кричала, когда отец заставлял ее, а я стоял рядом и мысленно тоже кричал, желая помочь ей. Она стала депрессивной и замкнутой, и я напрасно старался расшевелить ее. Она ушла в себя.

— Она начала урезать себя во всем — голодать — уничтожать себя на наших глазах. Мать умоляла отца сделать что-нибудь, угрожала ему. Она сказала, что понимает, почему он не хочет, чтобы дочери делали операцию, но Рейчел отказывалась понимать это, и время получать уроки от жизни давно закончилось.

— И в один из дней она не спустилась к завтраку. Мать послала меня за ней наверх. Я поднимался, перешагивая через две тупеньки и чувствуя, что что-то случилось. Я сердцем чувствовал это.

По моей щеке скатилась слеза, и Саманта стерла ее.

— Она была в комнате. Совершенно белая лежала на полу. Я был так шокирован, что все в комнате показалось мне белым, кроме ярко-красной крови вокруг ее тела. Она перерезала себе вены на запястьях. Убила сама себя.

Лицо Саманты помрачнело, и я возненавидел себя за то, что рассказал ей все — за то, что втянул ее в свой мрак, но понимаю, что это необходимо сделать. Я хочу, чтобы она знала меня и все обо мне.

— Наша прежняя жизнь изменилась. Мать так никогда и не смогла простить отца за то, что он не помог Рейчел, да и я тоже. Она умерла несколько лет спустя, но за оставшиеся годы так и не стала прежней.

— Я отправился учиться на врача. Отец хотел, чтобы я пошел по его стопам, но у меня

были другие планы. Мне хотелось помогать людям, таким как Рейчел. Поэтому я выучился на хирурга, пластического хирурга. Моему отцу претило мое решение. Он сказал, что я впустую потратил свои знания, став врачом для лечения пустяковых проблем.

Я покачал головой, вспомнив последние слова, которые сказал ему.

— В тот день, когда я окончил университет, у нас случился большой спор. Я жалею о том, что наговорил ему тогда, и хотел бы забрать свои слова обратно. Я сказал ему, что это его вина, что Рейчел убила себя, и, возможно, в какой-то мере это правда, но после того, как Майкл назвал меня убийцей в тот вечер, я понял, как сильно мои слова тогда ранили отца.

Саманта накрыла своей ладонью мою и ее глаза заблестели от слез.

— Но ты не убийца, Роман.

Я вздохнул.

— Нет. Не убийца, как и мой отец, но я был упрям и думал, что все знаю. Я не мог оставаться в том доме, рядом со своим отцом, ни минутой дольше, поэтому уехал и перебрался в Штаты к своей бабушке.

Еще одно мрачное воспоминание посетило меня, и я проглотил поднимающуюся желчь.

— Я только начал свою практику пластического хирурга и мне казалось, что я могу изменить мир. Спустя пару месяцев я познакомился с Мэри Синклер. Она пострадала в ужасной автомобильной катастрофе, и ее лицо было покрыто множеством шрамов. Она хотела, чтобы я убрал их, чтобы снова сделал ее красивой, и поскольку она так сильно напомнила мне Рейчел, я согласился на операцию.

Я улыбнулся, когда перед глазами всплыло воспоминание, какой красивой она стала после операции.

— Когда я закончил оперировать ее, она выглядела как новенькая и была так счастлива. Я тоже был счастлив, зная, что она не закончит свою жизнь, как Рейчел, и что именно я помог ей. Но вскоре оказалось, что ей этого недостаточно.

— Она приходила снова и снова, требуя операции, которые я не считал необходимыми, но доктор Стейн утверждал, что не мне решать за пациентов. Поэтому я продолжал делать операцию за операцией, пока не осталось ни мышц, ни костей.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, вспомнив, как ужасно выглядела ее кожа. Она была натянута так сильно, что, казалось, лопнет в любую минуту. Я ненавидел себя за то, что делал с ней. Ненавидел свою работу, когда речь заходила о Мэри.

— Спустя какое-то время, я стал отклонять ее звонки, отказывался назначать с ней встречи, и в итоге она поняла. Она пристрастилась к операциям, а я, полагаю, тогда считал, что если больше не буду соглашаться ее оперировать, то она прекратит делать операции. Две недели спустя мне позвонил другой пластический хирург и попросил прислать ее медицинскую историю.

— Я рассказал ему о ней, о ее пристрастии и о том, что мне кажется, что она в депрессии и Бог его знает какие у нее еще там проблемы. Он заверил меня, что все уладит и что никто из нас не психиатр. Никто из нас не вправе ставить ей диагноз депрессия. Он закончил звонок, и я забыл об этом.

— А месяц спустя я увидел ее в выпуске новостей. Помню, как журналист без конца рассказывал об опасности пластических операций. Выпуск новостей назывался «Печальный исход пластической хирургии».

— Они опубликовали фотографии, где она ужасно выглядела после каждой проведенной мной операции, и я проклинал себя, что позволил этому зайти так далеко.

— Через месяц она умерла, — сказал я, и мою грудь пронзила боль. — Я убил ее. Не фактически, но я приложил к этому руку. Сделал ее такой, какой она стала. Я так долго был ее «дилером».

Это разозлило меня. Я был зол на нее, на того другого хирурга, но больше всего на себя, за то что не сделал больше ни для Мэри, ни для Рейчел. Только тогда я осознал, почему мой отец так поступил с сестрой, и если бы понял это раньше, я бы мог спасти Мэри, и, может быть, даже Рейчел.

Им не нужна была пластика, чтобы быть красивыми — им нужно было поднять самооценку. Нужно было, чтобы кто-нибудь показал им, насколько они красивы, а не просто сказал об этом. Им нужно было то, что общество не могло дать.

— И я поклялся, что больше никогда не буду делать пластику тем, кто в ней не нуждается. Я занялся реконструктивной пластикой и усердно старался научить любить самих себя тех, с кем имею дело каждый день, научить их замечать не только внешность. В итоге, те, кому важно, запомнят не внешность, а широту души.

Когда я, в конце концов, взглянул на Саманту, у меня сложилось впечатление, что мой рассказ занял целую вечность. Она внимательно смотрела на меня понимающими глазами. Саманта не осуждала меня за мои промахи. Она все понимала.

— Так вот почему ты не соглашался делать мне операцию, — прошептала она.

Я кивнул.

— Я не собирался совершать подобную ошибку с тобой. Ты показалась мне такой хрупкой при нашей первой встрече и да, я был зол на тебя, но в глубине души я был зол на ту причину, из-за которой ты почувствовала необходимость прийти в клинику.

Я обхватил ее мягкие щеки ладонями, мои пальцы запутались в ее волосах.

— Когда я увидел тебя той ночью на вечеринке, казалось, что весь мир тяжелым грузом давит на твои плечи, и это убивало меня. И поскольку я открываю тебе сейчас всю правду, мне важно, чтобы ты поняла, что ты тоже изменила меня, Саманта. Не знаю, как я жил, не зная о твоём существовании.

Она поднялась на носочки, обняла меня за шею и поцеловала так, будто от этого зависела ее жизнь.

— Мы изменили друг друга, Роман, — прошептала она возле моих губ.

Я уткнулся лицом в ее волосы и вдохнул ее аромат, позволяя ему проникнуть в мою душу.

— Я огорчен, что тебе пришлось узнать это от Майкла. Мне следовало рассказать тебе раньше.

— Неважно. Ты рассказал мне все сейчас, и я не поверила тому, что сказал Майкл. Ты не убийца.

Отстранившись, она прижала ладони к моим щекам.

— Я так сильно люблю тебя, Роман. Никогда и подумать не могла, что такая любовь возможна, пока не встретила тебя. Я любила Майкла — правда любила — но не так, как тебя. Далекое не так.

— Я Майкла терпеть не могу за то, что он сделал с тобой. Ненавижу его лютой ненавистью, но, полагаю, должен поблагодарить его. Он оттолкнул тебя и направил ко мне.

Она рассмеялась, покрывая поцелуями все мое лицо.

— Я люблю тебя, Роман.

— Я люблю тебя сильнее, Саманта.

Несколько часов спустя мы снова очутились в спальне, но в этот раз мы просто лежали обнявшись. Саманта прижималась к моей груди, а я крепко обнимал ее руками.

— Ты общаешься с отцом? — спросила она в темноте.

— Нет. Уже очень долгое время.

— Ты простил его?

— Да. Полагаю, да.

— Ты должен сказать ему об этом. Уверена, он будет рад услышать это. Он не будет жить вечно, Роман, а ты единственный, кто у него остался. Думаю, вы оба нуждаетесь друг в друге.

Я еще крепче прижал Саманту к себе, позволяя ее словам и своей любви к ней наполнить меня. Склонив голову, я нежно поцеловал ее в макушку.

— Благодаря тебе я становлюсь лучше, Саманта.

И вскоре мы уснули.

Следующие две недели пролетели быстрее, чем мне бы того хотелось. Я так сильно потерялся в ней, что не мог определить какой сегодня день недели. Когда пришло время вернуться в мир, я проклинал свою работу.

В первый день, когда мне нужно было выйти на работу, Саманта помогла мне одеться, разгладила мой галстук и поцеловала все открытые участки кожи. Нет необходимости уточнять, что на встречу с первым пациентом я приехал с опозданием.

Я ходил на работу и вернулся к обычной жизни, а Саманта подыскивала себе жилье и адвоката, которого бы не пугал ее муж. Несомненно, Майкл в судебных делах чувствует себя, как рыба в воде, и никто не горел желанием выступить против него.

Я почти умолял ее остаться со мной и забыть о поисках квартиры, но она была убеждена, что ей необходимо собственное пространство. Она заявила, что никогда не будет достаточно хороша для меня, пока не научится жить самостоятельно. Я понимал ее, правда, понимал, но мой эгоизм даже представить себе не мог, как я теперь буду спать в кровати без нее.

Мы все делали по очереди — готовили и убирали. Наверное, это прозвучит ужасно, но мне очень нравилось, возвращаясь домой, находить Саманту на кухне, одетую только в одну из моих футболок. Что бы она ни готовила, мне было трудно есть это, потому что нет ничего вкуснее нее.

Мы проводили ночи, доставляя удовольствие друг другу. Никогда не устану слушать сладкие звуки, которые срываются с губ Саманты, когда я в ней. Никогда не устану чувствовать ее, никогда не устану слушать, как она шепчет мое имя, когда кончает. Она моя, и каждую ночь, и каждое утро я собираюсь напоминать ей об этом, пока она не прекратит сомневаться в моей любви, желании или потребности в ней.

Саманта

После мрачных признаний Романа, ему стало легче. Хотя я и не могу понять, почему он считал себя убийцей, я понимаю, почему он испытывал чувство вины. То, что он рассказал, прояснило, почему он выбрал эту профессию.

Я волновалась, что могут возникнуть негативные последствия после появления Майкла в Нью-Йорке, но очевидно, их не было. Он встречался с коллегами и все равно получил свою награду за отличную работу. Роман вел себя так, будто это пустяки, но по его улыбке я догадалась, что он гордится своими достижениями.

В воскресенье у Романа выходной. Мы решили куда-нибудь сходить, но утром планы поменялись и вместо того, чтобы быстренько принять душ и начать собираться, Роман решил принять душ вместе со мной.

В большой ванной раздавались мои крики и его рычание, когда он вколачивался в меня так, будто от этого зависела его жизнь. Я беспокоилась, что стеклянная дверь треснет, пока он доводил меня до кульминации руками, ртом и своим длинным членом, снова и снова наполняя меня им, пока мне не стало казаться, что я сейчас разлечусь на тысячу осколков.

Полчаса спустя, тяжело дыша, мы выбрались из душа, но на наших лицах сияли улыбки. Завернувшись в полотенце, я стояла и наблюдала, как он одевается. Мне нравится, как перекачиваются его мышцы, как кожа оливкового цвета сияет в свете ламп в ванной. Он мой, и вполне возможно, что я самая счастливая женщина на Земле.

Подойдя ко мне, он быстро чмокнул меня.

— Встретимся на кухне, и я приготовлю тебе завтрак, — пообещал он мне и подмигнул.

Не убирая рук с его бедер, я посмотрела на него. Мне начинает нравиться находиться обнаженной рядом с Романом. Какой женщине бы не понравилось, что мужчина, которого она любит, возбуждается всякий раз, когда смотрит на нее?

— Ты разбалуешь меня, доктор Блейк, — пожурила я, обнимая его и наслаждаясь тем, как под полотенцем твердеют мои соски.

Склонив голову, он уткнулся лицом в изгиб моей шеи и сделал глубокий вдох.

— Я еще даже в пол силы тебя не баловал, любимая. Я собираюсь всю оставшуюся жизнь обеспечивать тебя всем, чего не было в твоей жизни до встречи со мной.

Он прижался к моим губам и игриво шлепнул меня по обнаженной попке. Рассмеявшись, я заерзала в его руках и затем высвободилась.

— Оденься, женщина. Ты искушаешь меня.

— Да, доктор Блейк.

Я мило улыбнулась, и он застонал, словно от боли, когда выходил из ванной. Меня переполняло счастье, а я уже и не помню, когда испытывала это чувство. Я целиком и полностью счастлива. Теперь в моей жизни есть все и мне хочется, чтобы это чувство никуда не уходило.

Я взяла рубашку Романа, которую он надевал вчера, поднесла ее к лицу и вдохнула исходящий от нее мужской аромат. Чудесный запах, и мне захотелось укутаться в него.

Ограничившись только его рубашкой, я натянула ее и застегнула пуговицы только до середины. Затем отправилась на кухню и получила несказанное удовольствие, увидев, как у

Романа отвисла челюсть.

— Ты пытаешься убить меня, Саманта? — спросил он, потянувшись вниз и накрыв ладонью увеличивающуюся выпуклость в брюках.

— Что такое, доктор Блейк, что вы имеет в виду? — я игриво похлопала ресницами.

— Ты отлично знаешь, черт возьми, что я имею в виду, — сексуально прорычал он. — Одеваясь вот так, ты заставишь меня заживо сгореть на этой чертовой кухне.

Я хихикнула, когда его акцент стал сильнее заметен, и подошла к нему. Я обняла его за шею, а он поцеловал меня, по-прежнему держа кухонную лопаточку в руке.

— Хочешь, чтобы я сжег кухню, любимая? — спросил он, посасывая кожу у меня под ухом.

Я прикусила нижнюю губу, наслаждаясь горячим покалыванием внизу живота. Я не могла насытиться им.

— Если это будет смерть в твоих руках, тогда да, я сгорю с тобой, Роман.

Уронив лопаточку на кухонную стойку, он провел руками по моим обнаженным бедрам и толкнул меня к раковине. Я оказалась крепко прижата спиной к стойке, но Роман как обычно доставлял мне только удовольствие, а не боль.

Он протянул руку за спину и нажал кнопку, выключив плиту, а затем скользнул руками под рубашку, которая была на мне, и прошелся большими пальцами по тазовым костям, уверенно надавливая.

Я застонала и откинула голову назад, и его губы сразу же оказались на моей шее, мягко ее покусывая.

— Роман... — задыхалась я.

— Мне срочно нужна моя рубашка, любимая.

Он вцепился пальцами мне в ягодицы и, подняв, уверенно усадил меня на стойку. Я не стала тратить время впустую и начала расстегивать оставшиеся пуговицы.

— Позволь мне, — он оттолкнул мои руки, но вместо того, чтобы расстегнуть следующую пуговицу, резко дернул.

Я изумленно вскрикнула, когда пуговицы застучали по полу кухни. Он спустил рубашку с моих плеч и его глаза подернулись дымкой желания, пока он взглядом исследовал мое обнаженное тело.

— Господи, ты такая красивая, Саманта. Я уже говорил тебе это сегодня?

— Как минимум раз двадцать с тех пор, как мы проснулись, — улыбнулась я.

— Всего-то?

— Роман?

— Да, любимая?

— Прикоснись ко мне губами.

Он улыбнулся и притянул меня к себе.

— С удовольствием, любимая.

Он сомкнул губы на моем соске и нежно прикусил его. Я вскрикнула и вцепилась пальцами ему в волосы, притягивая ближе к себе. Он повторил ласку, и я чуть не умерла от наслаждения на кухонном столе.

Его губы проложили дорожку поцелуев к другому соску, и Роман стал одновременно покусывать, тянуть и посасывать его... как вдруг в дверь позвонили. Лежавший на диване Дьюк зарычал, и мы оба замерли, надеясь, что если не будем шевелиться и не издадим ни звука, то кто бы там ни стоял за дверью, он развернется и уйдет.

К сожалению, гость оказался настойчив, и в дверь снова позвонили. На этот раз Дьюк громко залаял и побежал к двери.

Роман заворчал и прижался лбом к моей груди.

— Не шевелись, — пробурчал он и поцеловал меня между грудей.

Я улыбнулась, когда по пути к двери он поправил джинсы и схватил со стула рубашку. Надев ее и заправив в джинсы, он приоткрыл дверь. Моя улыбка увяла, когда Роман напрягся и прижал дверь к себе, чтобы никто не мог заглянуть внутрь.

Мгновенно насторожившись, я запахнула рубашку Романа и соскочила со стойки. Кто бы ни стоял по ту сторону двери, поведение Романа изменилось. Его спина казалась неестественно прямой, а челюсть была напряжена так сильно, что мышцы подергивались.

Я прошла в гостиную, подхватила брошенные джинсы и нагнулась, чтобы надеть их, но резко вскинула голову, когда услышала знакомый голос, и мое сердце замерло. Я не могла пошевелиться.

— Я знаю, что она у тебя!

Майкл.

В его голосе слышалась смесь гнева, огорчения и отчаяния. Не знаю, как он узнал, что я здесь, и как выяснил адрес Романа, но теперь это уже не важно.

— Тебе лучше уйти, Майкл, — голос Романа прозвучал сурово и смертельно опасно. Никогда не слышала, чтобы он так разговаривал, и мне это не понравилось.

— Мне просто нужно поговорить с ней. Она, черт возьми, моя жена!

— Когда и если она захочет поговорить с тобой, она даст тебе знать. А до тех пор, оставь нас в покое.

— Нас? Она моя, ты сукин...

— Хватит, Майкл, — крикнула я, вышла и встала рядом с Романом.

Обняв себя руками, чтобы рубашка Романа не распахнулась, я постаралась взять себя в руки. Я выслушаю то, что Майкл хочет сказать, потому что он не оставит меня или Романа в покое, пока я этого не сделаю, а затем пусть убираться.

— Все в порядке, Роман, — мягко сказала я ему и пробежалась пальцами по его руке.

Он посмотрел на меня, в его взгляде появилось беспокойство, и я огорчилась, что ему пришлось стать частью этой ужасной ситуации.

Мне хотелось коснуться его лица, поцелуем разгладить напряженные складки вокруг губ, но сначала нужно разобраться с Майклом.

Повернувшись к нему, я сердито на него посмотрела. Я не собиралась больше ничего ему давать, кроме того, что уже отдала.

— У тебя есть десять минут, большего ты не заслуживаешь, — грозно сказала я.

Ободряюще улыбнувшись Роману, я прошла мимо Майкла в коридор и подождала, пока он ко мне присоединится. Я не собиралась просить Романа закрыть дверь или оставить нас наедине. Мне не нужно было этого делать, поскольку он уже отошел от двери. Не знаю насколько далеко, но это не имеет значения.

— Значит, ты теперь с ним?

— Тебя это никаким боком не касается, но да, я с ним. Я сказала, что у тебя есть десять минут, Майкл, и именно это и имела в виду. Собираешься потратить их на обсуждение моих отношений с Романом?

— Ты моя жена, Саманта, — прорычал он. Печаль в его глазах просто обжигала.

— Я не была тебе женой уже довольно долгое время, Майкл, но если ты имеешь в виду

официальную сторону вопроса, то да, по бумагам я все еще твоя жена. Ты вскоре получишь бумаги о разводе, и я не хочу от тебя ни пенни.

Так, словно вижу его впервые, я вдруг поняла, если бы прошла мимо него на улице, даже не узнала бы. Его волосы не были зализаны назад, и он не был в привычном костюме. Вместо этого на нем была мятая рубашка, грязные джинсы и темно-синий пиджак.

Прошло уже очень много времени с тех пор, как Майкл выглядел как мужчина, в которого я влюбилась. Я испытала горько-сладкое ощущение, но понимая, что Роман ждет меня в квартире, я только лишней раз убедилась, что больше не живу прошлым. Теперь Роман — мое будущее.

Майкл сделал глубокий вдох и когда заговорил, снова показался мне незнакомцем.

— Я хочу, чтобы ты вернулась, Сэм, — его голос звучал устало. — Эти последние несколько недель без тебя превратились в кошмар. Ты моя и меня наизнанку выворачивает от осознания, что ты здесь, с ним.

Он сделал шаг ко мне, но я отступила на шаг назад. Не ожидала, что Майкл проявит себя с такой стороны. Я могу справиться с его превосходством и жестокостью, но это? Это совершенно другое поведение.

— Ты мне нужна, Сэм. Я ничто без тебя. Мне жаль, что у меня ушло так много времени, чтобы понять, как сильно я люблю тебя. Я такой идиот, Сэм. Я воспринимал тебя, как должное. Обидел и уничтожил тебя. Знаю, что у тебя нет причин возвращаться ко мне или снова любить меня, но если ты вернешься, обещаю, что всю нашу оставшуюся жизнь буду любить тебя так, как ты этого заслуживаешь.

Он сделал один неуверенный шаг в мою сторону, и на этот раз я была в таком изумлении, что не отступила. Его руки показались такими нежными, когда он взял меня за руку, крепко удерживая. Я опустила взгляд на наши руки и снова посмотрела на него. Он умолял меня выслушать его, и я выслушала, но как бы сильно не мечтала услышать все это от него... уже слишком поздно.

— Майкл... — я как раз собиралась сказать ему именно это, но он прервал меня и подошел на пару шагов ближе.

— Не говори «нет». Пожалуйста, — умолял он. — Просто подумай об этом. Столько, сколько нужно. Просто не говори мне «нет» прямо сейчас.

Он схватил своими пальцами мои, и когда понял это, сразу же отпустил.

— Прости. Я не хотел причинять тебе боль. Я никогда в жизни не собирался причинять тебе боль, Сэм. Клянусь.

Он сделал шаг назад, и я сразу почувствовала, что снова могу дышать. Он улыбнулся и снова выглядел как тот парень, в которого я влюбилась много лет тому назад. Приятно осознавать, что этот человек не совсем исчез.

— Я буду ждать вестей от тебя, Сэм. А до тех пор больше не беспокою тебя.

Я медленно кивнула, он отвернулся и ушел.

Я все еще была в шоке, когда закрыла дверь кондоминиума Романа и прислонилась к ней, пытаюсь понять, что только что произошло. Дерево было прохладным под моим разгоряченным лбом, и на какой-то краткий миг меня охватило замешательство.

— Ты в порядке, Саманта?

Когда я посмотрела на него, Роман стоял возле кухонной стойки, скрестив руки на груди. На его лице было нечитаемое выражение и мне было сложно понять, о чем он думает. Но он произнес мое имя несколько иначе, не с такой любовью, как раньше.

— Я немного удивлена, но я в порядке, — я улыбнулась и отошла от двери.

Не знаю, как много услышал Роман, но уверена, кое-что из признаний Майкла он слышал. Я предполагала, что Роман будет вести себя прохладно и отчужденно, судя по его настроению, но он отошел от стойки и встретил меня на полпути.

Его руки легли мне на плечи в тот же миг, когда я обняла его за талию. Он притянул меня свои теплые объятия, и я прижалась щекой к его груди, слушая, как бьется его сердце.

— Я рада, что все закончилось. Надеюсь, теперь, когда он сказал все, что хотел, он сможет двигаться дальше, — сказала я, прижимаясь к хлопковой ткани его рубашки.

Мои пальцы вычерчивали случайные узоры на его спине, я закрыла глаза, пока он массировал кожу на моей голове. Находясь в объятиях Романа, я чувствовала, что поступаю правильно.

— Ты должна вернуться к Майклу, Саманта, — его слова больно ударили меня, и я перестала дышать.

Я замерла, уверенная, что неправильно расслышала. Открыв глаза, я нахмурилась и отстранилась от него, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Что?

Он вздохнул и откинул мои волосы за спину.

— Тебе лучше вернуться к Майклу.

— Я не понимаю. Почему? Почему ты говоришь мне это? Почему думаешь, что я хочу вернуться к нему?

В глубине его глаз притаилась боль.

— По той же самой причине, по которой ты пришла ко мне в самом начале, Саманта. По той же причине, по которой ты все это затеяла. Он твой муж, и хочет попробовать спасти ваш брак.

— Но я больше не люблю его, Роман. Я уже очень давно не люблю его, и не думаю, что полюблю когда-нибудь снова, — я вцепилась в его рубашку, сминая ее. — Я не могу вернуться к нему. Я люблю тебя, Роман. Безумно люблю тебя, не его.

— Я тоже люблю тебя, Саманта, — он прошелся взглядом по моему лицу так, словно видел впервые. — То, что я сейчас говорю, не имеет никакого отношения к тому, что я чувствую к тебе или к тому, что ты чувствуешь ко мне. Я позволил себе влюбиться в тебя, хотя ты все еще принадлежишь другому мужчине, и теперь гадаю, если бы я не вмешался, была бы ты по-прежнему с Майклом или нет?

Его слова сильно ранили меня, хотя, что бы ни случилось, с Майклом я не останусь ни за что.

— Нет, — твердо ответила я. — Я бы ушла в любом случае.

— Мы никогда не узнаем этого точно, и не думаю, что смогу счастливо жить с тобой, всегда гадая, а что если, — его голос надломился так, словно он вот-вот заплачет, но выражение лица по-прежнему оставалось непроницаемым — как всегда спокойным, в то время как я была готова разрыдаться.

— Что ты такое говоришь, Роман? — потребовала я объяснений. — Ты хочешь закончить наши отношения?

Он провел рукой по своим волосам, отчего они начали торчать в разные стороны.

— Я говорю, что подожду. Возвращайся к Майклу. Дай своему браку еще один шанс, и если это сработает, что ж, отлично. Буду счастлив за тебя, клянусь, буду, но если нет, мы оба, по крайней мере, будем уверены, что вы расстались не из-за меня.

Я поверить не могла, что он говорит такое. Не может он просить меня вернуться к Майклу после всего, что случилось между нами за последние несколько недель. Я понимаю, почему он предлагает мне это, но смириться не могу.

— Я не могу игнорировать свои чувства к тебе и пытаться сохранить наш брак с Майклом, зная, что не люблю его больше, — умоляла я.

— Если бы ты не пришла тогда ко мне... если бы мы не встретились... ты бы сейчас по-прежнему любила Майкла?

Я уже открыла рот, чтобы ответить отрицательно. Я хотела сказать «нет», но он был прав. Если бы я не встретила Романа, любила бы я по-прежнему Майкла?

Выражение его лица подсказало мне, что он уже знает ответ.

Он обхватил мое лицо ладонями, и слезы потекли по моим щекам прямо на его ладони. Он собрал их губами, а затем поцеловал меня. Его губы оказались солеными, когда я коснулась их языком.

— Клянусь, что буду ждать тебя, Саманта. Всегда.

Час спустя я уже стояла напротив дома, который был нашим с Майклом всего несколько недель назад. За поводок я держала Дьюка, который смотрел на дом, в таком же недоумении, что и я.

Дом выглядел таким же большим и холодным, как и раньше, хотя мне и казалось, что с тех пор, как я ушла, прошла целая вечность. Этот дом никогда не был мне домом. И никогда им не станет, но честно говоря, мне больше некуда идти.

Я стерла слезы, стекающие по моим щекам, и сделала глубокий вдох. И тогда я поняла. Поняла, что ни за что не вернусь в этот дом. Даже на то время, пока не найду собственное жилье, я не смогу спать в одном доме с ним. Не тогда, когда воспоминания о том, через что мне пришлось пройти по вине Майкла, все еще так свежи.

А еще я не могу забыть о том, что произошло между мной и Романом за последний месяц. Не могу забыть, как он помог мне разглядеть все, чего не хватало в моей жизни последние несколько лет. Не могу игнорировать тот факт, что не люблю Майкла уже очень давно. Я пришла к выводу, что оставалась с ним так долго, только из страха остаться одной и лишиться того, что он мне обеспечивал.

Но сложнее всего игнорировать то, что я безоговорочно влюблена в другого. В человека, который вошел в мой мир и принес в него жизнь. В человека, которому удалось вдохнуть в меня любовь несмотря ни на что. Роман показал мне, что я женщина, и полюбил меня такой, какая я есть. Мне не обязательно меняться ради него. Мне вообще никогда не нужно было меняться.

Повернувшись к дому спиной, я снова села в такси и еще раз скользнула взглядом по кирпичной коробке, которая так долго удерживала меня, и в это мгновение поняла, как должна поступить.

Сколько себя помню, со мной рядом всегда кто-то был: мои родители, Майкл, потом Роман. Не могу припомнить, когда я оставалась одна — было ли время, когда я была сосредоточена на том, чем хочу заниматься и чего хочу для себя.

Роман ошибся, мне больше не нужно спасать свой брак. Между мной и Майклом все кончено. И возврата к той жизни уже не будет. Я в этом совершенно уверена.

Я чувствовала себя в Раю последние пару недель, которые провела с Романом. Теперь я уверена, что он тот, кого я заслуживаю, но в то же время отлично понимаю, что это не

может продолжаться вечность. В какой-нибудь момент наш идеальный маленький пузырь все равно бы лопнул, что он только что в итоге и сделал.

Роман так многому меня научил, и я никогда не смогу отплатить ему тем же. И сколько бы своей любви я не отдала ему, это никогда не сравнится с тем, что он вернул мне мою жизнь. Я так сильно его люблю, что даже больно, но больше всех мне следует любить себя.

Я забыла кто я и, вернув себе самоуверенность, мне нужно снова найти себя. Пришло время начать жить для себя, и пока я не сделаю этого, не смогу полностью отдать себя Роману. Он заслуживает всю меня и даже больше. Он заслуживает настоящую Саманту.

Теперь же мне просто нужно выяснить кто я, и найти себя.

Роман

Мое сердце словно вырвали из груди, пока я наблюдал, как Саманта уходит из моего кондоминиума.

В животе вспыхнула боль, отбирая способность дышать, и меня затошнило.

В ту секунду, когда захлопнулась дверь, мне показалось, будто из комнаты выкачали весь воздух. Обеими руками я схватился за спинку дивана, удерживая себя в вертикальном положении, пока не почувствовал, как под захватом моих пальцев затрещала тонкая ткань.

Мне хотелось побежать за ней и сказать, что я допустил ужасную ошибку. Хотел умолять ее простить меня за то, что так глупо повел себя, но в глубине души я понимал, что поступил правильно. Ей нужно побыть одной и принять решение, что между нею и Майклом все действительно кончено, и чтобы я при этом не смущал ее своим присутствием.

Саманта сказала, что любит меня, и если это правда, она будет любить меня через месяц, через два месяца и даже через год.

Боже, я молился, чтобы ей не потребовалось так много времени, чтобы вернуться ко мне.

Не знаю, как мне выжить, если не буду видеть ее каждый день. Не уверен, что смогу оставаться вдали от нее. На самом деле, думаю, что пока я в Штатах, у меня не получится держаться вдали от нее. Никогда.

Схватив телефон со стола, я набрал номер и приложил телефон к уху.

— Да, я бы хотел заказать билет на ближайший рейс в Лондон, пожалуйста, — слова обожгли мне язык, когда я произнес их.

Полчаса спустя я уже паковал свои сумки к вечернему рейсу. Я уже очень давно не был в Лондоне, и мысль вернуться домой казалась полным сумасшествием.

Я подумывал позвонить отцу, но не был уверен, собираюсь ли встречаться с ним, пока буду там. Я был уверен только в том, что мне нужно уехать. Необходимо, чтобы между мной и женщиной, которую я люблю, пролегал океан.

Я стоял в аэропорту Хитроу и смотрел на здание из стекла и стали. Вокруг слышались разговоры людей и звуки взлетающих и приземляющихся самолетов. Получив багаж, я вышел, чтобы найти ожидающую меня машину.

Я заказал себе номер в отеле на время пребывания в Лондоне, но вместо того, чтобы попросить водителя отвезти меня туда, я назвал ему мой старый адрес. Саманта права. Пришло время увидеться с отцом, простить его и оставить давно мучающих меня демонов позади.

На улице было мрачно, что совпадало с моим настроением. Дождь моросил на лобовое стекло, пока мы ехали через весь Лондон в место, куда я никогда не предполагал возвращаться. Для моих глаз ехать по противоположной стороне дороги было непривычно, поэтому я закрыл их, пока не почувствовал, что машина остановилась.

Выглянув в окно, я обвел взглядом дом, где прошло мое детство. Дом выглядел так же, как тогда, когда я ушел, разве что только плющ еще больше разросся, скрывая кирпичные стены. И кроны нескольких деревьев, которые я помнил маленькими, теперь выступали на

тротуар, отбрасывая тень на землю под ними.

Высокий красивый дом довлел надо мной, когда я вытащил свои сумки из машины. Воспоминания о детстве будто танцевали в окнах моей бывшей комнаты. Я перевел взгляд к комнате Рейчел и отвернулся.

Я начал подниматься по кирпичной лестнице, и мой чемодан спотыкался об каждую ступеньку. Он оттягивал мне руки, словно там был призрак старого меня, уговаривающий меня не входить. Покачав головой, я подошел ближе к входной двери и, пока смелость не покинула меня, схватился за дверной молоточек и три раза постучал в дверь.

За дверью послышалось какое-то движение, и мое сердце ушло в пятки, когда я услышал, как дверь открывается. И вот в дверях стоит поседевший он и, прищурившись, смотрит на меня.

— Отец, — слетело с моих губ.

Он продолжал смотреть на меня, пока его замешательство не прошло, и я понял, что он начал медленно узнавать меня.

— Роман? Это действительно ты, сын?

— Это я, — прохрипел я.

Неожиданно, мне безумно захотелось расплакаться. Он выглядит старым, гораздо старше, чем я помню, и пользуется тростью. Годы не пощадили его. И хотя некая часть меня все понимает, но даже принимая во внимание, как плохо он относился к матери, я не могу не жалеть его.

— Могу я войти? — спросил я.

Он сделал шаг в сторону, перенес большую часть веса на трость.

— Это твой дом, сын. Тебе здесь всегда рады.

Его слова согрели меня.

Я кивнул и зашел в здание, которое когда-то называл домом, и мне показалось, что я слышу смех Рейчел где-то рядом.

То было счастливое время. Время, когда мы играли и смеялись. Когда мы с сестрой лежали в объятиях матери, пока она читала нам. Но какими бы ужасными ни были плохие воспоминания, хорошие гораздо лучше.

Я отнес вещи в свою бывшую комнату и спустился как раз к обеду. Мы в тишине сидели за столом, едва прикасаясь к еде, и каждый из нас ждал, что другой заговорит первым. Когда тишина стала оглушительной, я, наконец, заговорил.

— Отец, я прощаю тебя, — громко сказал я, чтобы он услышал меня.

Он поднял взгляд от тарелки, и его глаза увлажнились, когда наши взгляды встретились. Он понял меня. Он знал, что я имел в виду. Я видел это по его глазам. Облегчение, которое я даровал ему, было бесценным.

Я решил, что уеду, вернусь в Штаты и заберу Саманту. Увидев, как постарел отец, я понял, что не хочу ждать. Я хочу жить. Саманта любит меня. Мне тысячу раз плевать на Майкла и на то, что он хочет. Может, они и женаты, но она моя.

Но два дня спустя отец умер. Его смерть отсрочила мой отъезд и буквально раздавила меня. Нужно было многое сделать. Я должен был позаботиться о его имуществе и закрыть его практику. Я знал, что пройдет какое-то время, прежде чем смогу вернуться к Саманте, и мог только надеяться, что она будет ждать меня, как я обещал, что буду ждать ее.

Саманта

Четыре месяца спустя.

Я прикусила губу, а сердце, кажется, готово взорваться в любую секунду. Кто-то мог бы, наверное, подумать, что я собираюсь обезвредить бомбу, а не просто отправить подписанные бумаги о разводе.

Сделав глубокий вдох, я протолкнула тяжелый конверт в щель почтового ящика. Бумаги были подписаны неделю назад, но мне, честно говоря, не хватало смелости отправить их.

Большой кусок моей жизни остался позади, и хотя у меня нет сомнений по поводу моего решения, все равно страшно. Я не хотела сохранять брак, но изменения — это огромный шаг для меня. И официальное оформление развода означало, что начало тысячам изменений положено.

Я двигалась дальше, и мне оставалось только надеяться, что Майкл поступит точно так же. Я долго колебалась, отправлять ли бумаги Майклу, и решила только сейчас, но я понимаю, что мне необходимо завершить это дело. Мне нужно самой опустить бумаги в почтовый ящик. Я должна быть уверена, что все закончилось.

И хотя Майкл в итоге подписал бумаги, он все же не терял надежды, что я передумаю. Но как только стало ясно, что я жду ребенка от другого мужчины — а я не скрывала этот факт — его надежды быстро улетучились.

К счастью, мы расстались вполне мирно, и Майкл, хотя и мог бы, не стал обвинять меня в супружеской измене. Наоборот, он постарался ускорить процесс, признав измену со своей стороны. Нас развели по обоюдному согласию, и на моем счету оказалась приличная сумма.

— Не хочу видеть, как ты страдаешь, Сэм. Хочешь верь, хочешь нет, но я, правда, хочу, чтобы ты была счастлива. И принимая во внимание, что у тебя скоро будет ребенок, тебе понадобится любая помощь, которую ты сможешь получить, — сказал он.

Забавно, что с человеком, с которым я прожила так много лет в браке, мы стали вроде как друзьями, но полагаю, что именно так можно назвать наши с ним отношения.

Прошло четыре месяца с тех пор, как Майкл появился у двери квартиры Романа и сообщил, что любит меня. Два дня спустя я поехала к нему забрать свои оставшиеся вещи и сообщить, что не вернусь. Несмотря на то что всегда буду помнить того парня, каким он когда-то был, и какая-то крошечная часть меня всегда будет любить его, я больше не питаю к нему никаких чувств.

Сначала он был безжалостен, но какое-то время спустя начал посещать курсы по управлению гневом и я заметила перемены в нем. Я оценила этот жест, но мне он был уже не нужен. Я только надеялась, что однажды он встретит женщину, которая заставит его сердце биться так же, как Роман заставил биться мое, но эта женщина не я. И никогда ею не буду.

Когда он смирился с этим, и я сообщила ему свои шокирующие новости, он подписал бумаги и официально отпустил меня.

Что касается меня, я счастлива. Научившись любить себя, я, наконец, осознала, что я нечто гораздо большее, чем супруга Майкла Олдриджа, которую он использует в качестве

декорации. И это чувство вскружило мне голову. Я почувствовала, что чего-то стою, и это прекрасное ощущение.

Я не видела и не общалась с Романом с того самого дня четыре месяца назад, и это единственная причина по которой я счастлива не на все сто процентов. Правда заключается в том, что я скучаю по нему сильнее, чем могу вытерпеть. Я, правда, не знаю, что с собой поделаться, но не жалею о последних четырех месяцах.

Теперь я работаю на полную ставку воспитателем в начальной школе имени Джонсона, и мне нравится моя работа. Мои ученики замечательные и очень смышленные. Я горжусь ими всеми и в некотором роде мне дали возможность принять участие в их воспитании. Это стало компенсацией за все те годы, когда я хотела своего ребенка, и помогло понять, чего ожидать, когда наконец-то родится мое маленькое чудо.

У меня замечательная квартира в благополучном районе, которая полностью принадлежит мне, и своя машина. Мои счета оплачены, и жизнь кажется безоблачной. Только одна небольшая тучка омрачает мое существование каждый день.

Роман.

Мне бы не хотелось приходить к нему и рассказывать о ребенке, хотя я знаю, что это было бы правильно. Ситуация довольно пугающая, потому что она ставит меня в такое же затруднительное положение, в каком был он, когда сказал мне решить вопрос с моим браком.

Если я приду к нему сейчас, я никогда не узнаю, будет он со мной потому, что любит меня, или только из-за ребенка. С тех пор как поняла, что беременна, я ждала и молилась каждый день, что он придет за мной и признается мне в любви, но он не пришел.

Поэтому, вместо того, чтобы идти к нему, я продолжала ждать и надеяться, что не буду гулять с детской коляской к тому времени, когда он, наконец, появится.

— Ты все еще не опустила конверт? — заныла Кэрол рядом со мной.

Она, как и я, работает воспитателем в начальной школе Джонсона. Мы с ней очень подружились. Она самая близкая подруга, которая у меня когда-либо была.

Я улыбнулась драматизму в ее голосе и пожевала нижнюю губу.

— Молчи, женщина. Я почти сделала это, — ответила я.

— Ну же, Саманта. Пора уже закончить это, — сказала она и успокаивающе похлопала меня по плечу.

— Ох, слушай. Ты хочешь, чтобы я поторопилась только потому, что тебе не терпится пофлиртовать с баристой в «Старбаксе», — фыркнула я.

— Твоя правда, — хихикнула она. — Но я серьезно. Ты можешь сделать это, — подбадривала меня она.

Сделав глубокий вдох, я отпустила конверт и сразу же почувствовала, как груз последних лет спал с моих плеч.

Я медленно закрыла крышку на почтовом ящике и оглянулась на Кэрол.

— Ну? — спросила она. — Как ощущения? Лучше, чем секс?

Перед глазами промелькнули воспоминания о том, как это было у нас с Романом. То, как он смотрел на меня полным любви взглядом, когда овладевал мною и отдавался мне. Звуки, которые он издавал или как шептал мое имя, когда был близок к оргазму.

— Даже не стоит сравнивать, — ответила я, — но ощущения действительно приятные.

Глаза Кэрол засветились весельем и она рассмеялась.

— Ура! — прокричала она. — Нам нужно это отпраздновать. Пойдем. Праздничный

мокке и флиртующий бариста обязательная часть меню, — провозгласила она, переходя улицу и направляясь к «Старбаксу».

Я последовала за ней, и на моем лице сияла такая широкая улыбка, что даже щеки заболели.

Когда мы подошли к двери, она придержала ее открытой для меня. Я не обращала внимания на людей, выходящих из кафе, но остановилась, когда услышала, как Кэрол кричит прохожему.

— Эй, ты! — ее голос эхом отразился от кирпичной стены. — Да, ты. Мистер Высокий Мрачный Красавчик. Моя подруга только что официально развелась и ее нужно поцеловать. Вот прямо сейчас.

Я обернулась и мое лицо вспыхнуло.

— Кэрол, не будь смеш..

Слова замерли у меня на губах, когда я увидела лицо, которое никогда не забуду.

Роман.

Он подошел ко мне, его взгляд отчаянно и радостно блуждал по моему лицу.

Он выглядел хорошо. Даже прекрасно. Его волосы отросли, но все равно выглядели взъерошенными, как я люблю. На нем костюм-тройка, словно он только что вернулся с конференции, и он, видимо, решил не бриться. Он казался неряшливым и опасным. И в то же время шикарным и сексуальным. Он выглядел как мужчина, в чьих руках находится мое сердце.

Роман улыбался мне, а его глаза цвета виски удерживали мой взгляд.

— Твоя подруга сказала, что тебя следует поздравить, — его низкий голос коснулся моей кожи и по спине побежали мурашки.

Так много ночей я жаждала увидеть его улыбку, услышать его голос. И вот он передо мной. Все, чего я хочу, находится на расстоянии вытянутой руки.

— Так и есть, — мой голос надломился. — Я начинаю жизнь с чистого листа.

Он кивнул. Его улыбка превратилась во что-то более важное и многозначительное.

— Начать с чистого листа, звучит как чертовски прекрасный план.

Я расплылась в улыбке, когда поняла, что он только что сказал.

— Я тоже так считаю, — опустив взгляд, я протянула ему руку. — Приятно познакомиться. Меня зовут Саманта Клэр.

Роман

Четыре месяца спустя.

Я не мог находиться вдали от Саманты. Как только я оказался на территории Штатов, сразу же разыскал ее. Стало проще после того, как я так долго находился в Лондоне, но потребность узнать, что у нее все в порядке, побудила меня проверить, как у Саманты дела.

Я испытал горькую радость, узнав, что она работает воспитателем в школе неподалеку, что она, кажется, довольно счастлива и живет одна. Узнал, что ее развод с Майклом находится на рассмотрении, и испытал очевидный трепет от мысли, что она не осталась с ним.

Я ждал, что она вернется ко мне по собственной воле, но когда сил ждать уже не осталось, я стал приходить в «Старбакс» возле школы, в которой она работала, надеясь увидеть ее. Каждый день в течение недели я приходил и садился за столик в углу, потягивал чересчур сладкий напиток и ждал, что смогу увидеть ее красивое лицо, но она не появлялась.

А затем это случилось. Я заметил ее через окно. Сердце пропустило несколько ударов, из меня будто вышибло весь дух. Она выглядела изысканно — гораздо лучше, чем я помнил. Ее волосы отросли и струились по спине, а ее красивые плечи прикрывал легкий пиджак.

Она казалась полнее — гладкое лицо буквально сияло. Я встал, выбросил стаканчик с напитком в мусорную корзину и направился к выходу. Мне до безумия хотелось выйти наружу и подхватить ее на руки.

Мое сердце согрелось от звука ее голоса, когда я уловил окончание ее беседы с подругой.

— Нет, но ощущения действительно приятные, — сказала она, ветер подхватил ее смех и донес до меня.

Я закрыл глаза и представил себе ее красивую улыбку.

И затем они прошли мимо меня. Мои плечи напряглись, пока я ждал, что она заметит меня. Но ее подруга заметила меня первой. Ее глаза распахнулись, как будто она знает меня, а потом она ткнула в мою сторону пальцем.

— Эй, ты! — крикнула она мне.

Оглянувшись, я повернулся к ней и ткнул пальцем себя в грудь, чтобы убедиться, что она обращается именно ко мне. Тем не менее, Саманта все еще не замечала меня.

— Да, ты. Мистер Высокий Мрачный Красавчик. Моя подруга только что официально развелась и ее нужно поцеловать. Вот прямо сейчас, — смеясь сообщила ее подруга.

Я улыбнулся. Поцеловать Саманту — я только об этом и думал с той минуты, когда она покинула мой кондоминиум.

На лице Саманты вспыхнуло смущение.

— Кэрл, не будь смеш..

И, наконец, ее взгляд встретился с моим и слова замерли у нее на губах.

Я подошел к ней, ничто кроме нее уже не имело значения. Мой взгляд прошелся по всему ее телу, отметив значительные изменения в ее фигуре, но мне было все равно. Она красавица. Она всегда будет для меня красива, несмотря ни на что.

Когда я взял ее за руку, она произнесла свое имя и девичью фамилию, и мое сердце

затопило счастье. Встретив ее взгляд, я растаял от ее прикосновения.

— Роман Блейк, — мой голос надломился, и мне пришлось прочистить горло. —

Приятно познакомиться, Саманта.

Ее щеки снова залил румянец.

— Послушай, знаю, что это довольно неожиданно, но не хочешь ли поужинать со мной?

— улыбнулся я, затаив дыхание и всей душой надеясь, что она согласится.

— Свидание? — она мило выгнула бровь.

— Да, свидание.

Мне нравилась эта игривость между нами.

Она перестала улыбаться и посмотрела на меня, в волнении сведя брови.

— Если честно, не думаю, что ты захочешь встречаться со мной, — сказала она.

Пришла моя очередь впасть в замешательство.

— А я совершенно уверен, что это единственное, о чем я мог думать последние несколько месяцев, — я прекратил играть в игры и настал момент истины.

— Но... — начала она.

— Нет никаких «но», Саманта. Я хочу всегда быть с тобой. Я бы оказался здесь раньше, но летал в Лондон повидаться с отцом. Я сказал ему, что прощаю его, и через два дня он умер, — слова потоком срывались с моих губ. Только правда. — Я твой вечный должник за то, что уговорила меня вернуться туда, но сейчас я здесь и признаюсь тебе в любви. Я больше ни минуты не хочу провести в этой жизни без тебя. Пожалуйста, — умолял я, — просто будь моей снова.

Ее глаза наполнились слезами, и едва заметная улыбка изогнула губы. Я не мог понять, что означает выражение ее лица, но понял, что не перенесу, если она скажет мне «нет».

— Роман... Мне нужно кое-что тебе сказать, — прошептала она, и я услышал в ее голосе страх.

Я подошел ближе к ней. Не в состоянии больше терпеть, я притянул ее в свои объятия.

— Что бы это ни было, мне все равно. Я...

И тут я замолчал. Мой живот соприкоснулся с ее тонким пиджаком, и под ним я ощутил выпуклость ее живота.

Не задавая вопросов, я распахнул пиджак Саманты и изучил взглядом ее растущий живот под тонкой хлопковой блузкой.

Взглянув ей в глаза, я с трудом сглотнул.

— Саманта? — задыхаясь, произнес я ее имя.

Она беременна.

Беременна.

Мир вокруг меня завертелся и я отступил, чтобы прислониться к кирпичной стене «Старбакса».

Откуда-то издали я услышал, как она позвала меня по имени, но не мог сосредоточиться.

— Роман? — ее голос окутал меня.

— Он мой? — спросил я.

Ее лицо скривилось, словно я нанес ей смертельную обиду. Я не собирался этого делать, но мне нужно было знать. Мне нужно было знать, что она моя, что я не опоздал.

Она кивнула, и мое сердце забилось так быстро, что мне показалось, что сейчас я потеряю сознание.

— Он твой, — прошептала она. — Мне жаль, что я не пришла и не рассказала тебе, но мне была невыносима мысль, что ты останешься со мной только ради ребенка. Я ждала. Я так долго ждала, что ты придешь за мной, чтобы я смогла удостовериться, что ты любишь меня, и вот теперь ты здесь.

Ее слова дошли до меня, и хотя, возможно, я должен был бы огорчиться, что она не пришла ко мне и не рассказала, но здравый смысл помог мне понять ее. Я сделал то же самое, когда отправил ее решить вопрос со своим браком.

Но я все равно не мог произнести ни слова. Все так неожиданно свалилось на меня, и я испытывал так много эмоций.

Счастье.

Радость.

Облегчение.

Любовь.

— Я так сильно люблю тебя, Роман, и если ты примешь нас, я хотела бы снова быть твоей. Хочу быть твоей всегда, — сказала она, прижавшись к моей груди и обнимая меня.

Нас.

Мой ребенок удобно расположился в ее чреве. Мой ребенок. Мой.

Обхватив ее лицо ладонями, я приподнял ее голову так, чтобы она смотрела на меня.

— Всегда, — прошептал я возле ее губ, а затем скрепил свое обещание поцелуем.

Пять месяцев спустя.

Медсестры суетились над малышкой, появившейся на свет в родильном отделении. У крошечной девочки были темные глаза ее мамочки и миленький носик и губки, как у папочки. Она родилась с копной темных кудряшек, и ею восторгались все, кто останавливался посмотреть на нее.

Доктор Блейк — отец этой красивой крошки, а миссис Блейк выглядит великолепно, с учетом того, что роды длились дольше суток.

Тем не менее, доктор Блейк ни разу ни на шаг не отошел от супруги. Он протирал ее разгоряченное лицо прохладной тряпочкой, шептал ей, как она прекрасна и как он ею гордится. Медсестры восторгались его внимательностью и влюбленностью в жену. Ходили слухи, что когда родилась его дочь, он заплакал. Прижавшись лбом ко лбу жены, он нежно целовал ее и шептал самые милые признания в любви.

Это была прекрасная пара, и новорожденную малышку, Рейчел Элизабет Блейк, ожидало чудесное детство в доме, полном любви.

Больше книг на сайте - Knigolub.net